Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 1 МАЯ 9

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП (б)

СОДЕРЖАНИЕ.

1 9 2 7
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

Главлит № 86582. Москва Тираж 85.000 экз.

Тип. изд-ва „Правда“ и „Беднота“. Яузский мост, Серебрянич. наб., д. 23а.

К итогам Всесоюзного С'езда Советов.

Отличительной чертой, характеризующей работу состоявшегося недавно IV Всесоюзного С'езда Советов, является его необычайный *практически-деловой* характер.

В обстановке усиливающихся тревожных моментов в международных отношениях высший государственный орган СССР продемонстрировал открыто, перед всем миром, что трудящиеся нашей страны охвачены одним страстным желанием и одной волей,—волей к труду, к великой преобразовательной культурно-технической работе, к мирному социалистическому строительству. С'езд Советов всей своей работой показал, как высоко ценят трудящиеся Советского Союза возможности мирного строительства.

Тем с большей тревогой констатировал С'езд Советов, что делу мира угрожают опасности, что вырисовываются угрозы его срыва, что накопляются силы, грозящие ввергнуть сотни и сотни миллионов народа в новые ужасы империалистической бойни.

Трудящиеся капиталистических стран, одурманиваемые ложью буржуазной прессы, треском фраз и потоком «мирных» резолюций, деклараций, комиссий, конференций, морально разоружаемые предательской социал-демократией, не отдают еще себе отчета в сущности международной обстановки нынешнего периода, как *периода подготовки войны* со стороны империалистической буржуазии всех стран. Существует опасность, что рабочий класс буржуазных стран окажется в значительной мере неподготовленным к готовящимся империалистами опасностям. Существует опасность, что оправдаются вещие слова Ленина, сказанные им в инструкции нашей делегации на Гаагской конференции.

Существует опасность, что в рядах рабочих будет большая неясность в вопросе о том, что делать, как реагировать.

Социал-демократы делают все зависящее от них для того, чтобы рабочие пошли снова на поводу у империалистической буржуазии. Рабочие опутываются иллюзиями, что современный капитализм есть мирный капитализм, что Лига Наций устранит военные опасности, укрепит дело мира, что рабочие должны поэтому ее поддерживать.

Сознательные рабочие делают еще не все зависящее от них, чтобы разоблачить кампанию пока еще незавершенной подготовки войны, чтобы разоблачить социал-демократию, чтобы морально, политически и организационно готовить рабочих к грядущим опасностям. Например, явно недооценивается значение палаческой *войны*, ведущейся мировым империализмом против трудящихся Китая, направленной к удушению китайской революции. Между тем, война империалистов против Китая легко может стать исходным пунктом новой чудовищной мировой войны. За это говорит анализ сил, борющихся на арене Китая. За это говорят неслыханные выступления, провоцирующие на войну нашу страну. За это говорит все поведение английского консервативного правительства, возглавляющего усилия империалистов задушить революцию в Китае, сжать военным кордоном страну диктатуры пролетариата. За это говорит неслыханный поход против рабочего класса, в частности, в Англии, в стране «демократии», «культуры», «цивилизации», где поставлены на карту элементарные права рабочих, отвоеванные у буржуазии в течение более чем столетней борьбы.

Поражение великой стачки английских горняков сделалось отправным пунктом для всеобщего похода на английский пролетариат. Прогнозы коммунистов оправдались. Теперь уже речь идет о полном разгроме организованного рабочего движения. И внутри—в наступлении па рабочий класс, и вовне—в политике удушения китайской революции, политике провокации СССР на войну,—чувствуется одна направляющая рука и одна направляющая «идея»: разгромить силы революции, растущие и крепнущие и в самой Англии, и в Китае, и в СССР, обеспечить себе путем новой войны длительную перспективу империалистического господства, обезопасить тыл от возможности наступления рабочего класса.

В этих попытках Англия не остается в единственном числе. Она играет лишь роль *первого* среди империалистических держав, которые систематически готовят войну, бешено вооружаются, расходуют неслыханные средства для нового всемирного побоища, скручивают рабочий класс.

Это еще не осознано пролетариатом буржуазных стран, не прочувствовано с должной необходимостью.

В этот тревожный момент *предупреждающий* голос государственно организованного пролетариата СССР более чем уместен и своевременен. Авангард международного пролетариата выполняет свой долг, поднимая голос в защиту мира, в борьбе против войны, сигнализируя опасности, угрожающие делу трудящихся всего света. Всесоюзный С'езд Советов зовет трудящихся к пробуждению от угара, навеянного лживой буржуазной и социал-демократической пропагандой относительно «мирного» характера нынешнего периода. Он призывает к бдительности, к организации, к отпору военной опасности.

Трудящиеся СССР отдают себе полный отчет в существе империалистических замыслов. Они не питают никаких иллюзий относительно смысла событий, разыгрывающихся и на берегах Ян-Цзы, и на британском острове, и в Пекине, и вокруг СССР. Мы знаем хорошо, что опасность империалистических войн не будет ликвидирована до тех пор, пока не подорван в корне сам империализм. Эта опасность может приближаться, может временно несколько отдаляться, но она будет висеть над головой трудящегося человечества. Наша задача состоит в том, чтобы всеми доступными средствами отдалять эту неминуемую опасность. Чем позже нагрянет эта опасность, тем лучше, ибо время работает на нас: крепче будет СССР, оплот международного пролетариата, больше будет рассеяно иллюзий у трудящихся масс буржуазных стран, больше будет подготовки, больше ясности в понимании исторических задач рабочего класса и конкретных его задач при наступлении той или иной конкретной военной опасности, больше окрепнут силы революции, зреющие и на Западе и на Востоке, больше ослабнут силы империализма.

Международная политика, политика мира, ведущаяся СССР, встретила поэтому полное одобрение со стороны верховного государственного органа СССР—Всесоюзного С'езда Советов.

Это не значит, что мы позволим взять себя голыми руками, если империалисты все-таки сорвут мир, затеют новую интервенцию. С'езд Советов, подтвердив «неуклонную волю народов Союза ССР к сохранению мирных дружественных отношений со всеми государствами», вместе с тем заявляет, что «всякая попытка нового вооруженного нападения встретит могучий и сокрушительный отпор со стороны трудящихся Советского Союза», что «в грозный час военной опасности крепко спаянные, вооруженные силы Красной армии и флота вместе с многомиллионными рабоче-крестьянскими массами грудью встанут на защиту социалистического отечества».

Будем думать, что этот внушительный голос С'езда Советов, отражающий волю всего трудящегося населения нашей страны, хоть немного послужит делу удлинения того периода «передышки», который мы интенсивно используем для выполнения наших положительных задач по социалистическому строительству, по индустриализации страны, по кооперированию крестьянства, по улучшению культурных и материальных условий существования трудящихся. На задачи положительного строительства и обращено сейчас главное внимание рабочих и крестьян, несмотря на всю их настороженность по отношению к международной обстановке.

Этот упор внимания нашел полное отражение в работах Всесоюзного С'езда Советов. Самый подход к вопросам внутреннего строительства на С'езде Советов отличался углубленной деловитостью и практичностью.

Основные вехи нашего строительства к моменту С'езда выявились уже с достаточной определенностью; на большие, принципиальные вопросы строительства социализма, требовавшие своего разрешения в практике нашей работы, даны ясные ответы. С'езд принял эти ответы, единодушно их одобрил. Одобрил потому, что ответы даны в духе ленинизма. Одобрил потому, что эти ответы получили уже достаточную практическую проверку.

Два года, отделящие четвертый С'езд Советов от третьего, дали для этой проверки чрезвычайно большой материал. Промежуток времени между с'ездами характеризовался необычайным богатством содержания, богатством практического опыта. IV С'езд Советов, можно сказать, завершил целую полосу в области хозяйственного строительства, а именно: в течение двух лет мы совершали переход от восстановления к реконструкции. И мы его совершили в основном. В основном период восстановления остается позади. Мы уже—в гуще реконструктивной работы. По основным линиям нашего хозяйства перед нами уже перестает маячить пресловутый «довоенный уровень» в качестве отдаленной, трудно достижимой цели.

Нельзя сказать, чтобы этот переход к реконструкции мы совершили гладко, без толчков, без искривлений, без ошибок, без просчетов. Ошибки и просчеты были. В частности, почти весь 1925—26 год наше хозяйство ощущало последствия просчетов. С'езд Советов это мужественно признал, отметив вместе с тем ликвидацию большей части этих последствий (колебания червонца, пассивный баланс по внешней торговле, ошибки в ходе хлебозаготовок и т. д.) в текущем году.

Корень ошибки состоял в том, что был взят «восстановительный» темп, в то время как страна уже к тому времени явно вступила в реконструктивный период, отличающийся по необходимости меньшим темпом развития, некоторой сдержанностью развертывания. Заслуживает быть отмеченным тот факт, что и этот, более сдержанный, темп нашего роста чрезвычайно выгодно отличается от темпов роста, отмеченных в крупнейших странах капитализма даже в периоды их интенсивного развития, при чем далеко не самые оптимистические расчеты показывают, что превосходство темпа мы в состоянии удержать и впредь.

Конечно, от ошибок и просчетов мы не гарантированы и впредь. Но поскольку ошибки и просчеты могут происходить от недостатка нашего хозяйственного опыта—а просчеты 1925—1926 года об'яснялись, несомненно, этим—самый масштаб ошибок должен будет уменьшаться. Доклады и прения на С'езде Советов показали как раз необычайно возросший опыт хозяйственной работы, суммированный в постановлениях С'езда.

Опыт капитального строительства предыдущих лет, опыт пропорционально-соотносительного развертывания различных отраслей промышленности, сельского хозяйства и всего народного хозяйства в целом, опыт по накоплению необходимых средств, опыт рационализаторской работы, опыт регулирования товарооборота—внутреннего и внешнего,—регулирования цен, денежного обращения, регулирования процессов сложного взаимодействия города и деревни, общественно-экономических процессов, развивающихся в деревне, опыт регулирования частного капитала, и т. д. и т. п.—этот опыт, накопившийся в особенности за последние годы нашей работы, нашел то или иное, более или менее полное отражение в решениях С'езда Советов в виде целой серии чрезвычайно конкретных, чрезвычайно практических деловых указаний, директив, констатаций, на ряду с полным одобрением принципиальной установки советской власти в вопросах борьбы социализма и капитализма, в вопросах связи города с деревней, в вопросах индустриализации и т. д.

Наш хозяйственный опыт все более и более дробится, расщепляется по руслу множества и множества конкретных задач. На основе такого конкретно проделанного, продуманного, прочувствованного опыта составляются более общие указания, вносящие коррективы, уточнения в первоначальные представления. Необходимо отметить значительно больший реализм в наших теперешних годовых плановых предположениях, все в большей и большей мере превращающихся в подлинный сгусток практически проделанного опыта.

Теперь наша задача уже выходит за пределы годовых предположений. Все настойчивее и настойчивее вырисовывается необходимость в пятилетней ориентировке, в значительной мере могущей предупредить ошибки, неправильности и случайности годовых ориентировочных планов.

Задача выработки пятилеток встает впервые, как необходимая практическая задача. Опыта такой работы у нас еще нет. Такой опыт нам придется проделать впервые. Это значит, что возможны те или иные ошибки. Это значит, что все силы должны быть привлечены к выработке, обсуждению и критике первого опыта по составлению пятилетней ориентировки,—к критике на основе установленных и принятых нами теоретических положений, и на основе богатейшего практического опыта. С'езд Советов возложил на правительство «обязанность в кратчайший срок выработать пятилетний план развития народного хозяйства СССР», и эта директива должна быть выполнена. Уже контрольные цифры и оперативные планы на 1927—28 год долж-

мы получить опору в более или менее ясных представлениях о наших хозяйственных перспективах на предстоящее пятилетие.

Останавливаясь на вопросах промышленности, отметим, что С'езд Советов констатировал:

расширение производства за пределы довоенных норм, что привело к более полному удовлетворению населения предметами потребления и ослаблению товарного голода;

вовлечение в промышленность сотен тысяч новых рабочих рук при дальнейшем росте заработной платы;

планомерное осуществление плана электрификации страны;

более быстрое развитие тяжелой индустрии и более высокий темп развития производства средств производства;

повышение удельного веса промышленной продукции во всей продукции народного хозяйства;

повышение удельного веса обобществленного сектора и оттеснение позиций частного капитала;

усиление накоплений внутри самой промышленности путем рационализации хозяйства;

усиление значения госпромышленности в индустриализации с.-х.

И т. д.

Практические указания С'езда относятся ко всем важным и актуальным вопросам нашей промышленности. Трудно назвать какой-либо важный для страны вопрос промышленности, по которому правительство не получило бы директив. Вопросы энергетической базы, производства средств производства вообще, машиностроения, цветной металлургии, в частности,—вопросы накопления и его перераспределения в интересах индустриализации, вопросы капитальных вложений, нового строительства в частности, вопросы рационализации производства, его стандартизации, понижения себестоимости, отпускных и розничных цен на промтовары, вопросы местной и мелкой промышленности, сырьевой базы, участия рабочих масс и инженерно-научно-технических сил, улучшения их материального положения,—вот далеко и далеко неполный перечень вопросов, отразившихся в решении С'езда.

Не меньшей практичностью отличаются постановления С'езда в области сельского хозяйства. Основной принцип в нашей политике по отношению к сельскому хозяйству—обеспечение победы социализма в деревне—получил самую пространную детализацию.

Характерно то, что эти детальнейшие дерективы даны С'ездом после признания того, что «поручения данные правительству III С'ездом Советов Союза ССР, за минувшие два года уже в значительной мере выполнены». Речь идет относительно решений III С'езда о землеустройстве, кредите на него, передаче

крестьянам государственного земельного фонда, лесов местного значения, о затратах на реорганизацию сельского хозяйства засушливых районов и Центрально-Черноземной полосы, об укреплении сети с.-х. кредита, с.-х. кооперации, льготной помощи бедноте, о налоге, переселении, семссуде и т. д.

Отрадно отметить, что практическая борьба за строительство социализма сняла разговоры о якобы существующем противоречии между промышленностью и сельским хозяйством. И рабочие и крестьяне усвоили твердо положение об органической связи между развитием промышленности и развитием сельского хозяйства. Тем самым внимание С'езда не отвлекалось от выработки *насущных практических* директив в области народного хозяйства. Директивы выработаны ясные, понятные каждому трудящемуся и вселяющие в каждого трудящегося непоколебимую уверенность в том, что мы нашу страну из состояния нищеты и отсталости выведем и социализм построим, если этому не помешает новая интервенция.

IV С'езд Советов собрался после активно проведенной кампании по перевыборам советов, после длительной и значительной работы по оживлению советов. В этой кампании и в этой будничной работе массы практически проверяют курс нашей политики и активно участвуют в его проведении. В строительство социализма вовлечены самые широкие массы. Система советов действительно превращается в подлинную лабораторию, где выдвигаются новые слои рабочего класса и крестьянства, где активное участие принимают сотни и сотни тысяч трудящихся. Тем отраднее констатировать, что политика советского государства, направляемого нашей партией, снова получила от этих миллионных масс, проверявших политику на повседневном своем опыте, полное безоговорочное признание.

Б. Борилин.

О социал-демократической „критике“ империализма.

I.

Две черты характерны для реформистской критики империализма. Первая состоит в мелкобуржуазной оппозиции империализму, в борьбе за то, чтобы вернуть историю назад, возвратиться к прежним «мирным», доимпериалистическим порядкам, когда «легче» жилось и обострение противоречий не достигло такого напряжения. «Разрыв с марксизмом со стороны Каутского и широкого интернационального каутскианства,—писал Ленин,—состоит именно в том, что Каутский не только не позаботился—не сумел противопоставить себя этой мелкобуржуазной, реформистской, экономически в основе своей реакционной оппозиции, а, напротив, слился с ней практически» (Ленин, т. XIII, стр. 323).

Вторая черта, связанная с первой, сводится к затушевыванию самых основных и глубоких противоречий империализма. Подобно буржуазным политикам и ученым, реформисты замазывают «полное господство империализма и его глубокие корни, стараясь выдвинуть на первый план частности и второстепенные подробности, усиливаясь отвлечь внимание от существенного совершенно несерьезными проектами «реформ», в роде полицейского надзора за трестами или банками и т. п.» (там же, стр. 322). «Отговориться от существующих противоречий, забыть самые важные из них, вместо вскрытия всей глубины противоречий—вот теория Каутского» (там же, стр. 309).

По этим двум линиям очень выпукло обнаруживается действительный характер всей социал-демократической критики империализма.

Почему критика империализма с точки зрения принципов «свободной конкуренции» и «мирной демократии», выставление требования восстановления свободы торговли и «ультра-империализма» представляют наиболее вредный реформистский обман? Потому, что и свобода торговли и мирная демократия в эпоху империализма стали уже пройденным этапом, реакционным, неосуществимым идеалом. Монополии уже родились именно из свободной конкуренции. Из экономического «мирного» соревнования уже выросли методы насильственной военной борьбы, применение силы органически связано с монополией. Вопрос стоит так, что бороться с войнами, с политикой трестов и банков, не затрагивая самых основ экономики трестов и банков, нельзя. Это значило бы стать на путь буржуазного реформизма и пацифизма, на путь «добреньких и невинных благопожеланий».

Оппортунисты критиковали империализм за его стремление к захвату колоний и внешних рынков, вместо того, чтобы заботиться о внутреннем рынке, о развитии собственного земледелия и росте заработной платы рабочего класса. Почему бы ему (империализму), дескать, и в самом деле не отказаться от колониальных грабежей и не заняться поднятием материального благосостояния собственных масс населения? Но где же, «кроме, как в фантазии реформистов, существуют тресты, способные заботиться о положении масс, вместо завоевания колоний?» (Ленин, т. XIII, стр. 301).

Разве не величайшей изменой марксизму является обманывание рабочего класса, будто бы действительный отказ от колоний и действительный под'ем благосостояния масс возможен при империалистическом капитализме? «Разумеется, если бы капитализм мог развивать земледелие, которое теперь повсюду страшно отстало от промышленности, если бы он мог поднять жизненный уровень масс населения, который повсюду остается, несмотря на головокружительный технический прогресс, полуголодным и нищенским... И такой «довод» сплошь да рядом выдвигается мелкобуржуазными критиками капитализма. Но тогда капитализм не был бы капитализмом, ибо и неравномерность развития и полуголодный уровень жизни масс суть коренные, неизбежные условия и предпосылки этого способа производства. Пока капитализм остается капитализмом, избыток капитала обращается не на повышение уровня жизни масс в данной стране, ибо это было бы понижением прибыли капиталистов, а на повышение прибыли путем вывоза капитала за границу, в отсталые страны» (Ленин, т. XIII, стр. 284—285).

Самое безжалостное развернутое разоблачение реформистской критики империализма, открытая борьба с ней, как с замаскированной защитой империализма, стали важнейшим условием успешной борьбы рабочего класса особенно с того момента, когда империалистическая война поставила в порядок дня «*немедленную* пропаганду и подготовку революционных действий» для ниспровержения империализма. С этого момента именно реформистская, построенная на иезуитской критике империализма теория Каутского и К° стала наиболее опасной. Именно она, а не грубо апологетическая теория, в роде той, которую, например, во время империалистической войны проповедывали Ленч, Плеханов, Кунов. Открытый оппортунизм сразу отталкивает от себя рабочую массу. Но теория «золотой середины», марксистскими словечками оправдывающая оппортунистическую практику, на словах критикующая империализм, проповедующая социализм и революционность, а на деле затушевывающая основные противоречия империализма, доказывающая рядом софизмов несвоевременность и ненужность революционных действий, стала особенно опасна. Ее распространение в рабочей среде, непонимание ее действительного существа означало бы полное разоружение рабочего класса, присоединение к буржуазии в момент всякого серьезного кризиса. Правильность этого положения доказана всей историей предательства социал-демократических партий в самые решающие моменты революционной борьбы со времени империалистической войны. Революционная эпоха, в которую вступил социализм со времени империалистической войны требует обязательной и решительной победы над реформистскими течениями

в рабочем классе. Для этого требуется прежде всего решительная победа в деле разоблачения истинного характера реформистской критики империализма.

Ленин писал в свое время (в 1915 году), что история поставила перед всеми социалистами альтернативу: «Присоединение к империалистическому грабежу и обману или проповедь и подготовка революционных действий». (т. XIII, стр. 161). Либо—либо. Иного пути нет. Генеральный водораздел в рабочем классе идет именно по этой линии. Либо присоединение к империалистическому грабежу и обману под флагом реформистской критики империализма, либо действительная критика его, означающая действительную подготовку его революционного ниспровержения.

II.

После войны во всех странах концентрация капиталов и рост монополий сделали огромный шаг вперед.

Американский капитализм вырос в колоссальную монополистическую мировую силу. Американские тресты, в буквальном смысле слова, не имеют «себе равных» по размерам капиталов, по мощи производственного аппарата. Приведем несколько примеров [1]). Американский стальной трест—United Steel Corporation—обладает капиталом в 4 мрд. дол., имеет 147 заводов, 500 доменных печей, 276.000 рабочих. Такой же капитал имеет и американская телефонная и телеграфная компания—Amarican Telephone and Telegraph C°,—контролирующая расстояние в 600.000 клм., с общим числом служащих в 275.000. Американский нефтяной трест—Standard Oil C°—имеет капитал, равный 1 мрд. дол. Известный конкурент Форда—General Motors Corporation—также обладает капиталом в 1 мрд. дол.

Мы привели несколько гигантов американской промышленности. Целый ряд трестов имеет «более мелкие» капиталы в 800—700—500 млн. дол.

Что происходит в области концентрации и монополий в послевоенной Европе?

Почти не прекращающийся чудовищный процесс концентрации, слияний, картелирования характерен для германского капитализма. По данным германской статистики [2]), представленным недавно германскому рейхстагу, к концу 1926 года из 12.392 учтенных обществ с акционерным капиталом, равным в сумме 20,3 милрд. марок, около $^2/_3$ концернировано. Таким образом, только около $^1/_3$ всех обществ не об'единено в каких-нибудь концернах. О степени концентрации капиталов можно судить по тому, что два общества—химический и калийный тресты—обладают капиталом в 2 милрд. марок. В угольном производстве осталось неконцернированными только 10% акционерных обществ. В калийной индустрии вовсе нет обществ, не входящих в концерн. В химической индустрии об'единено в концернах 82,7% крупных предприятий. В красочной индустрии из 81 общества с капиталом в 1.147 милл. марок 96,3% концернировано. При этом 9 обществ обладают капиталом в 1.105 милл. марок и т. д. и т. п. Германия не является единственной страной в Европе, идущей дальше по пути развития монополий. «Отсталая» Англия вынуждена под угрозой окончательного выхода из строя распрощаться с прославленным духом «индивидуализма» и «свободной конкуренции». Об этом говорит, напр., недавнее образование английского химического треста, по размерам капитала равного германскому.

[1]) Цифры, характеризующие размеры американских трестов, взяты из «Technik und Wirtschaft» за сентябрь 1926 г.

[2]) Данные статистического сборника «Denkschrift über Konzerne, Interessengemeinschaften und ähnliche Zusammenschlüsse im Deutschen Reich Ende 1926». Berlin. Нужно иметь в виду, что этой статистикой не охвачен ряд обществ, в том числе, напр., такое «маленькое» предприятие, как германский стальной трест «Vereinigte Stahlwerke» A—G.

Совершенно несомненно, что процесс «стабилизации» во Франции и Италии скоро тоже «ознаменуется» рядом подобных фактов.

Мы привели все эти данные для того, чтобы характеризовать, какие гигантские размеры принимает и примет монополия капиталистического производства в руках частнокапиталистических групп в послевоенном империализме. Германская социал-демократическая газета «Форвертс» вынуждена прямо признать, например, что «в основе совсем немного тех людей, в руках которых сосредоточено управление хозяйством, и которые используют для этого мощный аппарат концернов и отдельных обществ» (10 февраля 1927 г.).

Монополия частнокапиталистических групп распространяется не только на территории отдельных стран. Послевоенный период уже показал, насколько сильна тенденция к международным монополиям. Известными примерами в этом отношении являются европейский стальной картель, франко-германский калийный синдикат, международный (шведский) спичечный трест, международная монополия производителей искусственного шелка и т. д. О силе европейского стального картеля можно судить по тому, что на его долю падает в 1926 году около 35% всего мирового производства чугуна и 33% мирового производства стали. В последнее время, кроме первоначально вошедших в картель стран, к нему примкнули также Австрия, Венгрия, Чехо-Словакия. По ряду данных успешно ведутся переговоры о присоединении к картелю Польши.

Как относятся социал-демократы к этому дальнейшему росту монополий в современном послевоенном империализме? Видят ли они, что он означает новые возросшие опасности ожесточенной конкуренции между капиталистами, неизбежность новых, более острых столкновений между государствами, небывалое усиление гнета и эксплоатации широких масс населения во всем мире, удушения колоний? Говорят ли они рабочему классу об абсолютной неизбежности при сохранении капитализма новой империалистической войны, угрожающей миру новыми неисчислимыми муками для миллионов людей, новым колоссальным разрушением производительных сил? Как борются они с этими неизбежными последствиями роста капиталистических монополий?

Рабочий класс должен хорошо понять ту позицию, которую в этом вопросе занимают социал-демократы. И это не так просто, как кажется с первого взгляда. Социал-демократические партии не могли бы пользоваться тем еще огромным влиянием в рабочем классе, которое они имеют, если бы они занялись *прямой защитой* империалистов, прямой защитой империалистических войн, прямой защитой картельной политики цен и т. д. Сила социал-

демократических партий заключается именно в том, что эта защита производится ими *под флагом критики империализма*, под флагом нападения на империализм. Социал-демократы тоже «критикуют» империализм. Нужно обязательно увидеть в действительном свете их критику для того, чтобы окончательно разбить их влияние в рабочей среде.

Социал-демократические газеты и журналы помещают статьи, «критикующие» империализм. Социал-демократические ораторы произносят программные речи, направленные против «недостатков» империализма. Социал-демократич. партии вырабатывают «планы» конкретной борьбы, предлагают конкретные мероприятия для упразднения «темных пятен» империалистической системы. Социал-демократические партии не чувствуют недостатка в «умелой», конкретно-построенной пропаганде и агитации за осуществление отдельных требований. Все это делают социал-демократы. И основная проблема в борьбе с социал-демократией заключается в обнаружении под маской фраз, речей и статей «против» империализма буржуазно-империалистического существа социал-демократии.

Социал-демократы требуют общественного контроля над трестами. Это то, что дает силу агитации социал-демократов, видимость борьбы за интересы рабочего класса. Было бы ошибкой, если бы мы этой агитации не противопоставили нашей конкретной агитации за ограничение гнета картелей, наших конкретных мероприятий по организации большей публичности действий трестов и т. д. Ибо коммунисты не могут быть против мелких требований, осуществимых и в рамках капитализма.

Но критика социал-демократов и коммунистов коренным образом различается. Здесь как раз и «зарыта собака».

Социал-демократическая критика *ничем* принципиально не отличается от критики мелкобуржуазной, реакционной по существу, демократической оппозиции трестам. И мелкобуржуазная и социал-демократическая критика сводится исключительно к критике «недостатков» политики трестов, без критики и борьбы, направленных против основ трестов и империализма вообще. И одни и другие хотят ликвидировать «извращения» в системе, не борясь против самой системы. И те и другие критикуют второстепенные противоречия империализма и трестов, не нападая на основные, глубокие противоречия. И те и другие хотят только реформировать империализм, сгладить противоречия. И те и другие рассчитывают на возможность мирной переделки империализма, постепенной ликвидации конкуренции и коммерческой тайны, национализации трестов, превращения их в подчиненные обществу организации. Именно на этом основана «идеология и практика антитрестовского движения», имеющая распространение в мелкобуржуазной среде Соед. Штатов Сев. Америки, и которую германские социал-демократы надеются привить и в Европе [1]).

Эта принципиальная основа всей критики и борьбы против империализма отличает ее решительно от нашей коммунистической критики. Нельзя действительно критиковать империализма, не критикуя его основ, обходя его основные противоречия.

[1]) См. Georg Decker.—«Ideologie und Praxis der Trustbekämpfung», «Gesellschaft». Juni 1926 г.

Нельзя итти дальше путем невинных пожеланий притупления противоречий, созданных существом общественного строя. Нужно и можно итти вперед только через обострение противоречий, дальше через империализм, углубляя и распространяя борьбу против самых основ империализма.

Не рискуем ли мы такой принципиальной установкой, таким принципиальным различением нашей и «их» критики империализма установить своеобразное «разделение труда», при котором нам останется «общая», «принципиальная» критика, а «им»—борьба против конкретных недостатков империализма, борьба за удовлетворение насущных нужд рабочего класса? Нам—«возвышенная теория», «им»—реальная, понятная защита интересов рабочего класса? Не останемся ли мы в нашей агитации и пропаганде в рамках голого противопоставления империализма социализму, принципиально правильного, но практически, «сегодня» ничего не говорящего рабочему. По этому поводу Каутский в 1915 году в брошюре «Национальное государство, империалистическое государство и союз государств» писал: «Крайние левые хотят противопоставить неизбежному империализму социализм, т.-е. не только пропаганду его, которую мы в течение полувека противопоставляем всем формам капиталистического господства, а немедленное осуществление социализма. Это кажется очень радикальным, но способно лишь *оттолкнуть всякого*, кто *не верит* в немедленное практическое осуществление социализма, в лагерь империализма».

Однако, это совершенно не убедительно. Во-первых, речь идет (как отвечал Ленин) не о «немедленном практическом осуществлении социализма», а о «*немедленной* пропаганде и подготовке революционных действий» (Ленин, т. XIII, стр. 150). Во-вторых,—и для полосы относительной стабилизации капитализма это особенно существенно—только сочетание борьбы за программу конкретных мелких требований с пропагандой и агитацией за революционные действия с борьбой против основ империализма может иметь успех. Нет и не может быть иного средства осуществления требований, как последовательная революционная борьба рабочих, направленная обязательно и против основ империализма. Только сочетание одного и другого может превратить жалкий ублюдок социал-демократических «реформ» в развернутую программу сегодняшнего дня. Другого не надо.

Радикальное извращение марксизма оппортунистами в том и заключается, что они превратили революционную программу действий рабочего класса, рассчитанную и на «сегодня» и на «завтра» в сумму пожеланий о реформах, этим скатившись в лагерь мещанства и поповщины. Вот как Ленин характеризовал идеологию этих критиков империализма. «Каутский довел марксизм до неслыханного проституирования и превратился в настоящего попа. Поп *уговаривает* капиталистов перейти к мирной демократии—и называет это диалектикой...» «Подай, Господи! Господи помилуй! Что такое филистер?—спрашивал Лассаль и отвечал известным изречение поэта: «Филистер есть пустая кишка, полная страха и надежды, что бог сжалится» (Ленин, т. XIII, стр. 156).

Послевоенный период, сопровождающийся еще более основательным ростом всех характерных для империализма явлений—

монополии, господство финансового капитала, борьба за сферы влияния» и т. д.,—не принес с собой нового в принципиальном отношении позиции социал-демократии в отношении к монополиям и империализму. Принципиальная позиция осталась прежней. Она только получила более законченное логическое и, если угодно, «эстетическое» оформление и конкретизацию. Если раньше Каутский «уговаривал капиталистов перейти к мирной демократии и называл это диалектикой», то сейчас это превратилось в *«генеральную программу демократизации капитализма»* для социал-демократии всех стран. Если раньше Каутский еще скромно говорил о *«мыслимости»* новой фазы капитализма—ультраимпериализма,—то теперь для социал-демократии всех стран это превратилось в убеждение, *в теорию о наступлении организованного капитализма.* Оппортунизм, совершивший позорнейшую измену рабочему классу во время империалистической *войны,* теперь сконструировал программу измены и предательства по отношению к рабочему классу, рассчитав ее на целый исторический период *«мирного»* развития капитализма.

Этим дается и ответ социал-демократии на гигантский рост монополий в послевоенном капитализме. Они, конечно, не против монополии! О, нет! Они не утописты! Они, как «марксисты», считают это развитие неизбежным. Они за монополию! «Частнохозяйственная монополия (речь идет о стальном европейском картеле. *Б. Б.*), говорит германский социал-демократ Виссель на заседании комиссии рейхстага [1]), прокладывает здесь дорогу для планового государственного хозяйства (реплика: «В марксовом смысле?»). Конечно. (Реплика: «Ну, так будьте же рады!» Смех). «В высшей степени антисоциалистические создатели этого картеля,—говорит Рудольф Гильфердинг,—действовали вполне, как *марксистские пропагандисты действия* (!). Несмотря на чисто капиталистический характер картеля, коммунистическая оппозиция не права, так как здесь идет речь о необходимой более высокой ступени развития хозяйства».

Да и нужно ли бороться против основ капиталистических монополий и империализма, когда «историческая неизбежность» сама превращает прежний капитализм в капитализм «организованный»? Зачем бороться против основ капитализма, когда самые основы мирно и благополучно летят в преисподнюю? Ведь предоставить все дело «разуму истории» куда спокойнее, чем вести неприятную революционную борьбу!

Вернер Зомбарт в нижеследующих словах недавно прочитанного в Берлине доклада «Хозяйственная жизнь будущего» ничуть не обидел социал-демократов, когда выразился, что для сторонников «организованного капитализма» уже не имеет никакого значения прежняя борьба против капитализма за социализм. «Характерная черта» эпохи позднего капитализма» (des Spätkapitalismus) заключается, главным образом, в замене смелого предпринимательства капиталиста, *свободной конкуренции* и естественных движущих экономических сил *организованным хозяйством*... Все признаки говорят за то, что эта тенденция все больше возрастает и усиливается. Тем самым проблема «социализм или капитализм» становится все более *«лишенной смысла»* (см. «Бэрлинер Тагеблатт» от 5/II—27 г.).

Чего же хотят социал-демократы? Они не борются против основ капитализма. Капитализму еще предстоит, по их мнению, «хорошее плавание» (более высокая ступень развития). Они не критикуют основных противоречий империализма, от них можно «отвлечься». Нет. Социал-демократы хотят очень малого. Они хотят сделать только более «справедливым» управление хозяйством при капитализме, только «демократизировать» его.

С исчерпывающей ясностью и простотой это отношение социал-демократов к новой фазе роста монополий и империализма снова выразил Гильфердинг в своем последнем выступлении по вопросу о кризисе мирового хозяйства на заседании «Ферейна социальной политики» в Вене. Так передает это выступление корреспондент газеты «Франкфуртер Цейтунг»: «Гильфердинг дал ответ (речь идет об оценке мирового хозяйственного кризиса. *Б. Б.*): он стоит на позиции Гармса. Он также не ожидает в результате современного кризиса отмирания капитализма, наоборот, он видит в нем только ступень к новому под'ему капитализма; он видит только одно изменение в этом капиталистическом хозяйстве: оно заключается в тенденции к более организованному хозяйству, в котором огромные концерны охватят отдельные хозяйственные отрасли; и поэтому он считает, что задача состоит в том, чтобы придать капиталистическому хозяйству, которое в изменяющихся формах будет продолжать существовать и в будущем, демократические формы (in demokratische Formen überzuführen)».

Не лишенный остроумия и проницательности корреспондент «Франкфуртер Цейтунг» позволяет себе сделать следующий любопытный комментарий к этой речи «социалиста» Гильфердинга. «К этому, пожалуй, следует прибавить что подобное намерение демократизировать все более могущественные концентрированные силы капиталистического хозяйства (которое, как мы видели, воодушевляет Гильфердинга. *Б. Б.*) не есть, однако, специальность марксистского социализма (eine Spezialität des marxschen Sozialismus) и что поэтому пора было бы ему, вместо того, чтобы вести доктринерский спор из-за доктрины, направить усилия на позитивное проведение этого намерения, совместно с другими, которые стремятся к тому же самому (!). А это было бы, употребляя любимое модное словечко, «структурным изменением» и социализма» (см. «Франкфуртер Цейтунг» от 1/X—26 г.).

Какое очаровательное единодушие!

Если и можно с чем-нибудь не согласиться в этом комментарии буржуазного корреспондента, то только с применением в данном случае термина «структурное изменение», ибо «структурное превращение» социал-демократов из партии революции в партию государственного порядка есть давно совершившийся факт. Официальный отказ социал-демократических партий от социалистической доктрины был бы только формальным изменением, и притом невыгодным для буржуазии. Буржуазия больше всего нуждается в настоящее время именно в сохранении партии, *под прикрытием социалистической доктрины,* защищающей существующий строй под флагом критики империализма и обещаний наступления ультра-империалистской фазы в будущем, охраняющей основы господства буржуазии теперь.

[1]) Цитированные места из речей Висселя и Гильфердинга взяты из отчета о дебатах по вопросу о европейском «железном пакте» на об'единенном заседании комиссии рейхстага по иностранным и торгово-политическим делам. См. «Франкфуртер Цейтунг» от 24/XI—26 г.

«Все и всякие угнетающие классы,—писал Ленин,—нуждаются для охраны своего господства в двух социальных функциях: в функции палача и в функции попа. Палач должен подавлять протест и возмущение угнетенных, поп должен рисовать им перспективы... смягчения бедствий и жертв, при сохранении классового господства, а тем самым примирять их с этим господством, отваживать их от революционных действий, подрывать их революционное настроение, разрушать их революционную решительность».

Социал-демократия превратила «марксизм в самую отвратительную и тупоумную контрреволюционную теорию, самую грязную поповщину» (Ленин, т. XIII, стр. 156).

III.

Империализм немыслим без войн, насильственных методов борьбы, таможенных битв. Образования монополистических союзов капиталистов, раздел мира делают *эти* способы разрешения конфликтов совершенно неизбежными. Как хорошо в свое время раз'яснял это Гильфердинг в своем «Финансовом капитале»! Теперь иное время, иные песни. Оппортунизм окончательно созрел как контрреволюционная теория, как злейший враг рабочего класса, и окончательно сбросил с себя остатки прошлого марксистского багажа. «Мертвый» больше не хватает «живого». «Живой» проповедует мир, свободную конкуренцию и прекращение таможенных войн.

«Организованный в международном масштабе картель,—говорит Гильфердинг,—может существовать и без таможенных пошлин» [1]). Так оценивает Гильфердинг перспективы в связи с образованием европейского стального картеля.

Подумайте только! Создается крупнейшая капиталистическая монополия европейских производителей стали. Закладывается фундамент грандиозного усиления власти промышленных магнатов на континенте. И как находят нужным на это реагировать социал-демократы? Разговорами о том, что мы «находимся накануне новой хозяйственной эпохи» (речь социал-демократа Перлициуса), что эта новая хозяйственная эпоха принесет с собой конец высоким таможенным пошлинам (Гильфердинг)!

Разве не бесконечно честнее, неизмеримо выше, нежели мнение социалиста Гильфердинга, суждения буржуазных экономистов и политиков, по крайней мере, не скрывающих тех последствий, которые имеет международное картелирование в отношении таможенных пошлин, не скрывающих того, что оно приводит к полному и безраздельному господству трестов и картелей на внутреннем рынке под *двойной защитой* и пошлин и картельного соглашения? Разве, например, не во сто крат честнее откровенно-буржуазный экономист Альфред Швоннер, который прямо говорит, что «Пан-Европа интернациональных картелей (которую хочет вместе с Гильфердингом французский капиталист Лушер! *Б.*) так же, как земля от неба, далека от Пан-Европы снятых таможенных границ (himmelweit entfernt ist)» [2]).

[1]) См. выше отчет о дебатах по вопросу о «железном пакте». «Форвертс» от 23/XI—26 г.

[2]) Alfred Schwonner.—«Ein interntionales Kartellamt». «Magazin der Wirtschaft» от 16/II—26 г.

Выше уже приводилось, с каким восторгом встретили социал-демократы образование европейского стального картеля, и какие надежды на него возлагались. Методы борьбы, таможенных войн сменяются методами соглашения—так прокламировала социал-демократия. Но она хранила глубокое молчание о том, что создание картеля означает новое усиление определенных капиталистических групп, которые его используют для новой борьбы новой конкуренции на рынке с другими группами капиталистов, находящихся и вне и внутри картеля.

Прошло только более полугода со времени образования железного пакта, но уже жизнь показала, насколько лжива и лицемерна была та оценка, которую социал-демократы дали этому пакту. Англия с самого начала видела в картеле серьезную угрозу для себя и отвечала на нее совсем не в стиле переговоров о «мирном» соглашении. «Таймс» заявлял: «Крупным трестам и синдикатам, как американская стальная корпорация, европейский картель или немецкий угольный синдикат, *не удастся* вытеснить английских конкурентов с заокеанских рынков» [1]). А один из английских промышленников так «дружелюбно» возражал против привлечения Англии к соглашению с европейской и германской тяжелой индустрией: «Без сомнения, германская тяжелая индустрия очень охотно пошла бы на соглашение с Англией. Однако, мы, англичане, *все силы употребим* на то, чтобы снова *отвоевать* утерянные рынки» (см. «Франкфуртер Цейтунг» от 27/XI—1926 г.). На этой позиции Англия остается, как известно до сих пор.

Но может быть европейский стальной картель привел к прекращению борьбы между странами, входящими в него? Может быть в этом отношении права социал-демократия? История картеля уже дала на это ответ. Картельное соглашение не могло и не может воспрепятствовать тому, чтобы силы отдельных участников картеля развивались неравномерно, и тому, чтобы по мере изменения соотношения сил между ними периодически разгорались ожесточенные бои за «квоты». Затруднения, которые переживал только недавно стальной картель и которые были связаны с ростом германского производства, перешагнувшим данную ему «квоту», блестяще это подтвердили. Картель не распался, как предсказывали поспешно некоторые; он нашел выход на пути увеличения общей квоты и организации синдикатских об'единений внутри него по отдельным видам продуктов (организация рельсового синдиката, проволочного синдиката и т. д.). Однако, затруднения, пережитые картелем, ярко осветили внутреннюю борьбу в нем, которая ни на одну минуту не прекращается.

В pendant к социал-демократическим чаяниям о наступлении «эры соглашения» в связи с образованием картеля чрезвычайно интересно привести мнение германской буржуазной газеты, которая так писала по поводу возникших в картеле затруднений: «Мы с самого начала предупреждали и потом снова указывали на то, что заключение всякого международного картеля, так же точно, как и национального, не приводит к хозяйственному миру, но что, наоборот, в нем, вместо борьбы за рынок, регулярно

[1]) Цитирую по «Wirtschaftsdienst» от 22/X—26 г.

выступает на сцену борьба за квоты, что здесь мы всегда имеем только на относительно короткое время вооруженный мир (Waffenstillstand), и что по истечении этого срока борьба разражается еще более остро»[1]).

Какой прекрасный ответ «марксисту» Гильфердингу и «иже с ним»!

Социал-демократы не только считают возможными уменьшение и ликвидацию таможенных пошлин, но более того, они считают возможной в рамках капитализма организацию мирного об'единения капиталистов с целью взаимной интернациональной эксплоатации мира. Они верят, что именно в этом направлении развивается хозяйственная история и политика капиталистических государств. Почему бы не образоваться *«Соединенным Штатам Европы»*, а потом и Соединенным Штатам всего мира! С каким удовлетворением встретили социал-демократы известный международный *манифест банкиров!* Разве это не существеннейший шаг к мирным об'единениям в роде Соединенных Штатов Европы! Разве социал-демократы не оказались пионерами в этом движении! Разве не предсказывали они давно «новую ориентацию капитализма»!

«Форвертс» писал: «Манифест следует считать *признаком новой ориентации*, которая утверждается в лагере *капитализма...»* Требования банкирского манифеста совпадают *«с программными требованиями интернационально организованного рабочего класса»*. А Соединенные Штаты Европы—«к ним развивается теперь и с манифестом и без манифеста международная хозяйственная политика». Такое же мнение высказывал и Эггерт, член немецкой делегации на международной экономической конференции, и вся социал-демократическая пресса.

И здесь, в этом вопросе о манифесте банкиров, предлагавшем снятие таможенных перегородок между странами, как полезно с этой сладенькой водицей реформистских фраз сравнить ту оценку, которую этому манифесту дали умные буржуазные политики, в высказываниях которых куда больше правильного понимания отношений между империалистическими государствами! Они не увлекались манифестом. Курт Зингер, которого нельзя обвинить в отсутствии нежности к об'единительным попыткам буржуазии, так писал о манифесте и о его авторах: «Манифест пришел слишком поздно! Семь лет назад подобная демонстрация была бы важным событием». «Где же были эти люди (авторы манифеста. *Б.*), когда вырабатывались условия Версальского договора?» А с тех пор «были созданы бессмысленные хозяйственные границы и под защитой этих границ были воздвигнуты новые производства... Обречь эти производства на смерть было бы равносильно способствованию обострения хозяйственных и социальных кризисов, которые вряд ли были бы безопасны для политической стабилизации государств, особенно вновь образованных».

В этих словах достаточно отчетливо выражены намерения германских капиталистов, вовсе не предполагающих, после расщепления Германии и средней Европы, отказываться от борьбы за отвоевание утерянных германским капитализмом позиций. Все

[1]) «Франкфуртер Цейтунг» от 25/I—27 года.

развитие «оздоровительного» процесса германского капитализма в течение последних лет показывает, с каким усердием германские капиталисты работают над созданием идеально консолидированной *монополистической организации*, отнюдь не брезгующей, конечно, применением методов таможенных пошлин и ограничением свободной конкуренции, о чем мечтают социал-демократы. Так отнеслись в теории и на практике к манифесту банкиров, совпадающему «с программными требованиями социал-демократов», германские капиталисты.

Как отнеслись другие страны к манифесту?

«В Америке манифест еще более укрепил во время избирательной кампании протекционистскую партию республиканцев»,—с сожалением констатирует тот же Зингер[1]). Только недавно «всесильная» Америка не постыдилась увеличить пошлины специально на германское железо, несмотря на буквально мизерную роль германского ввоза на американском железном рынке[2]).

В Англии «манифест увеличил активность империалистов, стремящихся к возможно большему отделению от хозяйственного об'единения с Европой и желающих забаррикадировать себя высокими пошлинами». «Мы уже не говорим,—прибавляет Зингер,—о других странах, представители которых вовсе не дали своих подписей для манифеста»[3]).

Отношение социал-демократии к вопросам, перечисленным выше: процессы национального и международного картелирования, таможенная политика и междугосударственная политика вообще, идея Соединенных Штатов Европы, манифест банкиров,—не может оставить и грана сомнения в том, что вся ориентация социал-демократии в *центральном вопросе* о неизбежности новых войн, подготовляемых послевоенным империализмом, вся политическая и тактическая ее линия в этом вопросе сводится к развернутой широким фронтом работе по дезориентации рабочего класса на случай войны, к работе по подготовке полного политического и идейного разоружения рабочего класса перед лицом готовящих войну империалистических групп. В этом, прежде всего, заключается общественная функция современной социал-демократии. Ей *нужно* распространить убеждение в рабочем классе, что империализм, хотя и имеет «недостатки», но на войны «неспособен». Ей нужно «доказать», что таможенная борьба вовсе не обязательна при империализме. Ей нужно показать, что процессы картелирования создают «новую хозяйственную эпоху». Ей нужно нарисовать приятную картину перехода к широким междугосударственным об'единениям, в роде Соединенных Штатов Европы. Все это с внутренним убеждением, с безусловной преданностью делает социал-демократия. И без всего этого империализму невозможно было бы вести подготовку новых войн.

Всю меру предательства, измены социал-демократов в этом основном вопросе империализма, после опыта империалистической войны, должен во что бы то ни стало понять международный рабочий класс. Он должен понять, что несравненно ближе, чем «социалисты», к марксизму стоят буржуазные писатели, которые заявляют, что при капитализме «путь к хозяйственному об'еди-

[1]) См. «Wirtschaftsdienst» от 29/X—26 г.
[2]) См. «Magazin der Wirtschaft» от 10/II—27 г.
[3]) См. «Wirtschaftsdienst» от 29/X—26 г.

нению нескольких стран может заключаться только в политическом слиянии, которое по правилу может быть достигнуто *только военными средствами*» [1]).

IV.

Чрезвычайно поучительно отношение современной социал-демократии к колониальному и национально-освободительному движению.

Эти движения подрывают господство империализма, угрожают его существованию, обнаруживают одно из самых больных его мест. Ведь империализм не может жить без угнетения отсталых народов, без их монопольной эксплоатации, без получения сверх-прибылей. И так как социал-демократия не хочет бороться с основами империализма, так как ее собственный рост основан прежде всего на «успехах» монополистической эксплоатации кучкой держав большинства населения всего мира, то она не может не являться врагом национально-колониальных революций. Отсюда интересная черта в ходе международной революции на данном историческом этапе, которая заключается в том, что революция «вызревает» не в порядке «естественной» очередности передовых и отсталых стран, а наоборот, движется мимо и против европейской социал-демократии, начинаясь с бунтов и восстаний колониально-угнетенных отсталых стран. Социал-демократию, материально и идейно спаянную с господством империалистов, это еще более укрепляет в ее позиции против освободительного национально-колониального движения.

Однако, социал-демократия и эту свою позицию защищает в скрытой форме. Она хочет «приобщения» колониальных народов к «современной цивилизации». Она даже «борется» за это, но борется так, как это делают все мелкобуржуазные демократы, стремящиеся реформировать империализм, облегчить его гнет, *только* при том условии, чтобы не было подорвано его господство, чтобы не были уничтожены его основы.

Английские «социалисты», например, не против «освобождения» колоний. Они не являются противниками поднятия уровня материального существования колониального населения. Наоборот, в этом они видят, как и все реформисты, лучшее средство для смягчения кризиса всего английского капитализма. Но все это только при одном условии, чтобы не пострадал ни материальный, ни моральный престиж английского империализма. И это по двум причинам: во-первых, потому, что «хорошие дела» английского империализма обеспечивают «хорошие дела» английским социалистам, и, во-вторых, потому, что английский империализм исполняет «цивилизаторскую миссию» в колониях.

«Нужно отметить,—пишет «Дейли Геральд»,—что, например, наша торговля с Индией по своим размерам равна сумме 7 шилл. 4½ пенса на душу населения. А если было бы возможно поднять уровень жизни индийского крестьянина до такого размера, чтобы он мог тратить на покупку английских товаров всего лишь на полпенса больше в неделю, то наш экспорт возрос бы на сумму в 30 млн. фунт. стерл. в год» [2]). Если бы было возможно это

[1]) Landsburgh Alfred.—«Europäische Zollunion». Die Bank. Februar 1927.
[2]) См. статью «Labour and the Workless» в «Дейли Геральд» от 24/XI—26 г.

осуществить, то, по мнению «Дейли Геральд», это послужило бы немалым средством к уменьшению английской безработицы. Какой «верный рецепт» к упразднению безработицы! Если б было возможно! Но *если бы* было возможно беспрепятственно улучшать положение масс населения в колониях, ко взаимному удовольствию английских империалистов и индийских крестьян, то империализм не был бы империализмом. Этого как раз не хотят и не могут понять английские социалисты, так как в проповеди благочестивых реформ, замазывании истинного существа империализма и заключается их служба английскому империализму.

События в Китае, отношение к ним всей международной социал-демократии, служат классическим примером, подтверждающим такую оценку роли социал-демократии. И английские социалисты и весь II Интернационал—против китайской революции, хотя защищают ее на словах. Они—не против того, чтобы Китай добился «самостоятельности», но такой, чтобы основные интересы империализма не были поколеблены, нарушены. Они готовы защищать китайскую революцию, но обязательно такую, чтобы и империалисты были согласны на нее.

Для характеристики социал-демократической точки зрения в китайском вопросе неоценимый интерес представляет недавняя статья германского социал-демократа Макса Шиппеля, помещенная в мартовском номере ежемесячника «Sozialistische Monatschefte» [1]). Редко можно найти даже в социал-демократической прессе образец более циничной защиты империализма против китайской революции. Шиппель не удовлетворен даже социал-демократической прессой в этом вопросе, так как считает обычно встречающуюся в ней оценку «слишком радикальной».

По мнению Шиппеля, основная ошибка, сплошь да рядом повторяющаяся в оценке таких событий в области внешней политики капиталистических государств, как конфликт Соединенных Штатов Сев. Америки с Никарагуа или китайские события,—заключается в том, что их обыкновенно оценивают, как «нечто неслыханное, сенсационное» (!), в то время как мы имеем в действительности во всех этих случаях «движение по обыкновенной колее, конечно, с некоторыми кратковременными драматическими (!) эпизодами, которые всегда время от времени свойственны каждому такому движению». Ничего сенсационного и экстраординарного в таких «драматических эпизодах» Шиппель не видит потому, что, например, не в первый раз морские войска Сев.-Ам. Соед. Штатов «посещали» Никарагуа. *Тогда* это не удивляло ведь *социалистов!* Почему же это поражает и «возмущает» социалистов теперь? «Войска Соед. Штатов находились в Никарагуа уже с 1912 года, не менее 13 лет, чтобы быть уведенными тогда, когда будет обеспечена упорядоченная (!) государственная жизнь, которую мы, анти-империалистские социалисты, считаем прогрессом по сравнению с хозяйствованием насильственно меняющихся клик (Clickenwirtschaft) и необходимым условием общественного развития вообще». И далее, ведь дело идет о договоре между Соединенными Штатами и Никарагуа на предмет сооружения второго канала, соединяющего Атлантиче-

[1]) Max Schippel.—«Imperialismus und Chinas wirtschaftliche und politische Unabhängigkeit». «Sozialistische Monatschefte». März 1927.

ский и Тихий океаны и имеющего огромное международное значение! Разве в таком вопросе не следует «преодолеть» сопротивление маленького государства? «Ведь и в будущем социалистическом обществе никто не позволит, чтобы международный хозяйственный интерес терпел ущерб из-за сопротивления неоформленного единичного государственного образования; в этой мере «империализм» и на более высокой социалистической ступени жизни народов ни в коем случае не исчезнет, а только примет другие, вероятно, более цивилизованные и национально более терпимые формы».

Ну вот, не видели ли этакую мерзостную, с аргументами от «социалистического империализма», защиту милитаристского нападения Соединенных Штатов на Никарагуа! Можно ли найти более отвратительное зрелище, нежели эта подлая апология, не за страх, а за совесть, германским социалистом американского империализма?

Шиппель продолжает: «Так же обстоит дело и в китайском вопросе, в переговорах Китая с заинтересованными в нем большими державами». И здесь нет ничего «сверхординарного»! И Япония и другие государства когда-то боролись за свою самостоятельность и добились ее «без тяжелых боев с высоко развитыми государствами Европы». «Почему же должно казаться невозможным с точки зрения европейско-американского капитализма аналогичное освобождение Китая? И почему все это не имеет все основания закончиться также установлением более высокой формы междухозяйственных и междугосударственных отношений Китая и др. держав?» Может и должно, по мнению Шиппеля.

Чего добивается Китай и почему так остро стоит вопрос об империалистах в Китае? Вы думаете потому, что глубокие интересы Китая столкнулись с господством империализма? Потому, что Китай был полем всеобщей империалистической эксплоатации? Ничего подобного. Китай хочет,—думает Шиппель,—только двух вещей: свободы таможенной политики и упразднения ликина (внутренних таможенных пошлин), используемых иностранцами. Но эти два требования ни в коей мере не противоречат интересам капиталистических держав. Например, ликин, «все более и более подвергается нападкам не только со стороны растущего чувства самостоятельности у китайцев, но и со стороны европейцев и американцев». Есть еще спорный вопрос о наличии в Китае иностранных военных судов. Но прежде всего «сначала сами китайцы не смотрели враждебно на военные суда иностранцев», и только потом «против воли (!) военные силы иностранцев стали вмешиваться во внутрикитайские споры и беспорядки». А затем, доброжелательное отношение иностранцев к Китаю в этом вопросе, по мнению Шиппеля, легко можно доказать уже «тем знаменательным фактом, что Вашингтонская конференция 1921—22 года поставила в порядок дня вопрос о военной оккупации железнодорожных линий Японией и Россией и о нарушении этим национального суверенитета Китая».

Насколько империализм «добр», насколько он «заинтересован» в освобождении Китая, об этом свидетельствует,—говорит Шиппель,—та «исключительно общая линия на уравнение Китая в правах с другими цивилизованными государствами, которая проводилась империализмом, начиная с Версаля с его далеко идущими, хотя еще только туманными обещаниями, и через Вашингтон с его уже гораздо более определенными предложениями (прежде всего в вопросах об экстерриториальности, судебных приговорах, таможенной автономии). Эта «исключительно общая линия» культурных капиталистических государств, однако, еще не получила своего осуществления. Это признает Шиппель. Но почему?

При «довольно сильном» желании Китая и «всеобщем благоволении» империалистов, такой неожиданный результат может быть об'яснен только какими-нибудь внешними факторами, «третьей силой». Шиппель находит ее. Это Советский Союз. Впрочем для справедливости и полноты следует отметить еще один, выдвигаемый Шиппелем, момент, препятствующий освобождению Китая, это «внутренняя междоусобица» Китая.

«В Вашингтоне предполагали провести постепенную отмену привилегий иностранцев в таможенных делах, в судебных делах в комунальном самоуправлении и в вопросе о присылке военных судов и войск». И если что и препятствовало более быстрой отмене привилегий капиталистических государств, так это то, что «некоторые государственные силы могли бы создать для себя, в случае решительных и скорых уступок Китаю, привилегированное положение другого и более опасного сорта». О ком идет речь? О Германии или Австрии? О другой какой-нибудь капиталистической державе? О, нет. «Это опасение не может быть направлено по адресу Германии, так же точно, как и Австрии, как побежденных государств, лишившихся своих привилегий. Но русская политика благодаря притворному (!) великодушию сумела получить новые козыри в китайской игре. Россия делает при этом, конечно, только то же самое (!), что в начале 90-х годов делала Англия против Японии». Общая политика капиталистических держав давно бы достигла «успехов», которых так жаждет Шиппель, Китай давно бы получил свою «самостоятельность», если бы... большевики и китайские «смутьяны» не помешали этому. «В последних нотах Чемберлена (!),—это нужно сказать без преувеличения, но и без стыда,—это (общее мнение капиталистических держав. *Б. Б.*) получило свое прочное отражение, и согласие в китайском вопросе было бы, вероятно, очень близко, если бы Китай, как партнер в переговорах, представлял иное единство, и если бы не пропаганда русских большевиков».

Мы позволили себе привести в натуральном виде наиболее «ценные» места статьи Шиппеля. Эта статья достойна этого, так как Шиппель наиболее откровенно высказывается в защиту удушения китайской революции. Эта статья прямо нуждается в распространении и изучении ее рабочими. Основные мысли этой статьи определяют самое существо национально-колониальной политики социал-демократов.

Шиппель в основном и главном видит в политике империалистической эксплоатации колоний и отсталых народов только «полезную цивилизаторскую миссию». Даже социализм проводил бы такую (только без «недоразумений») политику в интересах международнохозяйственных! Терпите, колониальные народы, эту «культурную работу»! И не возмущайтесь, сознательные рабочие Европы и Америки, по поводу некоторых «драматиче-

ских» пунктов в этой эпопее торжества культуры над варварством!

Шиппель уговаривает китайцев (империалисты и без того понимают) понять «общую линию империалистов» на освобождение Китая. Империалисты «только против собственной воли» вмешиваются военной силой во внутренние дела Китая. Империалисты сами хотят упразднить свои привилегии. Пусть усвоят «непонятливые» китайцы, что только отсутствие «внутреннего единства» Китая мешает осуществлению «добрых намерений» иностранцев. Рабочие и крестьяне Китая, не боритесь против милитаристов, ставленников международных империалистов, дайте им возможность «об'единить» Китай! Тогда соглашение будет достигнуто, империализм сумеет провести «общую линию»! А Шиппели сумеют попрежнему служить верой и правдой империализму.

Шиппель только вмешательством «третьей, большевистской силы» может об'яснить «неприятности» в китайском конфликте. Помощь, которую оказывает китайской революции первое в мире пролетарское государство, очень беспокоит Шиппеля. Блок Советского Союза и китайской революции означает слишком большую смертельную опасность для империализма, кормящего своими крохами господ «социалистов». Поэтому большевики оказываются в роли «империалистов», а Остин Чемберлен в роли «друга китайского народа». Пойми, китайский народ, эту «дружбу» Чемберлена, только скрытую за вынужденной борьбой пушками и дредноутами!

Конечно, не все социал-демократы «выражаются» о китайской революции так откровенно, как Шиппель. Но даже лучшие из них не могут ни понять ее, ни стать на действительную защиту ее по той причине, что и то и другое означало бы направление *острия* критики и борьбы социал-демократии *против основ* империализма, чего слишком крепко связанная с империализмом и выдержанно-реформистская партия не может, конечно, позволить себе.

В огромной степени важно, что даже лучшие социал-демократы не способны взглянуть на китайскую революцию иначе, чем на *обыкновенное буржуазно-освободительное движение*, не в состоянии пойти дальше этого в оценке характера китайской революции. Рисуя простую и приятную перспективу вхождения Китая на равных правах с другими в «семью цивилизованных государств», никто из социал-демократов и не подозревает, что это «приятное вхождение» может произойти только на пути *борьбы против империализма* и что это накладывает специфический, особенный отпечаток на китайскую революцию. Последняя не является просто буржуазной революцией, но буржуазной революцией, направленной против империализма. Но никто из социал-демократов не хочет видеть в китайской революции *революционно-колониально-угнетенной империолизмом страны.*

И понятно, почему. Признание этой исторической правды с логической неизбежностью привело бы к «неприятной во всех отношениях» перспективе,—перспективе блока китайской революции с пролетарскими социалистическими революциями, перерастания буржуазной революции в революцию социалистическую.

С другой стороны, из этого признания вытекало бы признание огромных экстраординарных трудностей в ходе китайской революции, что наложило бы слишком тяжелые обязательства на плечи европейской и американской социал-демократии. Поэтому, лучше «спрятаться» от установления действительного характера китайской революции, изобразивши ее, как борьбу против таможенных привилегий и, в худшем случае, как обыкновенную буржуазную революцию, которые бывали не раз в истории, которые не противоречат существу современного капитализма и после которых капитализм чувствует себя еще лучше. Так изображенные колониальные революции не угрожают основам империализма. Такие революции не страшны. Социал-демократия сумеет спокойно продлжать свою работу.

«Национальные и социальные революции, угрожающие (империализму),—пишет Елена Бауэр [1],—могут нанести тяжелый удар только политике престижа и карьеризму (!), которыми порождается политика экспансии, но не капиталистическому способу производства и обмена, который в своем закономерном развитии больше не связан (!) с колониальными владениями и захватами». «Крах колониального господства Европы не стеснил бы мирового хозяйства, но, наоборот, по всей вероятности, привел бы к наступлению гораздо более высокой ступени развития, так как политические оковы, которые в более раннюю эпоху были верным, хотя жестоким с общественной точки зрения, средством для того, чтобы насильственно включать и тропические (!) страны в мировое хозяйство, теперь прямо тормозят экономическое развитие захваченных областей».

В отдаленные времена «раннего капитализма» злые капиталисты, руководившиеся «политикой престижа и карьеризма» втягивали некультурных жителей тропических стран в круг капиталистической цивилизации. Но нормальный, высоко-развитой капитализм в этом не будет нуждаться. Без колониальных грабежей, без политического угнетения но при обязательном сохранении основ существующего строя, капитализм обеспечит беспрепятственное развитие всем народам!

Какой «глубокий», «марксистский» анализ империализма! Зато разом достигаются две цели: империализм избегает потрясений, а колонии легко «освобождаются». Все к лучшему.

---

[1] Helene Bauer.—«Akkumulation, Kredit und Imperialismus». «Kampf». April 1927. Wien.

М. Кантор.

Неонародничество в тисках противоречий.

В № 15 «Большевика» за 1925 год была помещена моя статья под заглавием «О друзьях справа», в которой дана была критика кооперативных идей проф. А. В. Чаянова.

Помню, в тот момент Чаянов утверждал, что старые издания его трудов нуждаются в значительной переработке и освежении.

Недавно в издательстве «Книгосоюз» вышла вторым изданием его главная теоретическая работа «Основные идеи и формы организации сельско-хоз. кооперации». На обложке значится, что это—«издание, заново переработанное и дополненное».

Чаянов сдержал слово и заново переработал издание.

Соответственно ожиданиям, мы надеялись в этом «заново» переработанном издании встретить отход Чаянова от старых позиций.

По внешности кое-что от ожидаемого содержится. Чаянов сочувственно цитирует Маркса и Ленина, говорит о коренных изменениях, внесенных советской эпохой в кооперативное движение и т. д.

У нас нет никаких оснований не доверять автору. Напротив, мы склонны считать, что у автора было достаточно оснований для внесения изменений и дополнений, вытекающих из опыта сельской кооперации в условиях пролетарской диктатуры.

Но, конечно, одного желания мало. Начертить стройную систему теории и практики кооперации можно только при наличии совершенно определенной, ясной и точной теоретической установки. В противном случае, неизбежен разрыв или между теорией и практикой (если самая практика отражена верно), или между всей совокупностью теоретических и практических положений, с одной стороны, и живой действительностью, с другой—если неправильная теоретическая концепция логически распространена на всю область практических предложений.

К сожалению, следует признать, что в труде Чаянова имеются в значительном количестве элементы и той и другой формы разрыва.

Но именно—элементы. Полностью никакая из форм разрыва не представлена. По той причине, что Чаянов, прежде всего, эклектик. Неправильные теоретические положения, неверная трактовка тех больших практических вопросов современной кооперации, которые находятся в противоречии с теоретическими взглядами Чаянова и никак не могут быть затушеваны,—вот что представляет позиция Чаянова.

Начнем с теоретической установки. Для уяснения себе теоретической позиции Чаянова необходимо, прежде всего, ознакомиться с его рассуждениями относительно методологии изучения кооперативных проблем. В этой части Чаянов пытается быть оргинальным и «доказывает», что теоретическая мысль не может предшествовать кооперативной практике, а неизбежно следует за последней.

«Отдельные виды кооперативной работы есть только отдельные формы проявления единого существа социального движения, и потому, чтобы ответить на вопрос, с помощью какого социального аппарата крестьянство выполняет необходимые ему кооперативные процессы, как устроен этот аппарат и каковы его двигательные силы, мы должны обратиться к анализу всего крестьянского кооперативного движения в целом, внимательно вдуматься в формы его развития и посмотреть, какие аппараты удается ему создать в различные фазы его эволюции. Такое целостное рассмотрение сельскохозяйственной кооперации особенно важно и необходимо в условиях нашего советского хозяйства, в котором централизованный кооперативный аппарат, входящий в систему планового хозяйства, неизбежно должен рассматриваться как нечто целое и единое».

«Первое, что нас поразит при изучении, это чрезвычайная хаотичность исторического строительства кооперативных форм, малая осознанность в разрешении организационных проблем, выдвигаемых жизнью перед кооперативными организациями...».

«По всей вероятности, все глубокие социальные и экономические преобразования носят именно такой характер стихийного, неудержимого социального потока. По крайней мере, именно такой характер носило развитие капитализма, создавшегося вне разработанного плана организации, без изобретателей и без верховных социальных архитекторов».

Уже в самом введении в теорию кооперации Чаянов явно «переборщил». Стихийность стихийностью, но у этой стихийности имеются свои законы развития. Признает Чаянов эти законы или не признает? Если признает, тогда на его обязанности лежало вскрыть закономерность развития и дать ее также в применении к кооперативному движению.

Чаянов уклоняется от выявления законов экономического развития.

Еще более странным является утверждение Чаянова, будто в разные исторические периоды меняется степень «хвостизма», приписанного им теоретической мысли. При чем дело идет определенно к ухудшению. Были счастливые моменты, когда люди еще кое-что предугадывали, а вот как раз теперь мы вступили в несчастливую полосу:

«Наступил период, когда кооперативная теория поплелась в хвосте кооперативной практики, и ее построения, вместо былого априорного характера, приобрели характер апостериорный». *

Апелляция к плановому хозяйству Советской Республики здесь ровно ничего не прибавляет, т. к. у Чаянова не происходит преодоление (в этом мы в дальнейшем еще более убедимся) стихии крестьянского мелкобуржуазного движения пролетарской организацией народного хозяйства, а только намечается компромисс между обеими сторонами, из которых каждая сохраняет свой особый экономический характер: пролетарская промышлен-

ность—как общественное производство, а сельское хозяйство—как индивидуальное производство трудовой крестьянской семьи.

Чаянов утверждает, что для советской власти это самая выгодная из всех возможных комбинаций компромисса. Но в этом позволительно усомниться...

Итоги «методологии»:

Существует стихия крестьянского движения, выдвигающая свой «социальный аппарат», каким является кооперация. Эволюция аппарата, эволюция кооперативных форм не является результатом изменений в общем строе народного хозяйства, а сама кооперация не является продуктом определенного общественного порядка. *Законодателем кооперативного движения оказывается только самодовлеющее начало крестьянского хозяйства.*

Дело выходит на поверку совсем не оригинальным. *Перед нами обычная формула народничества, рассматривающего кооперацию, как производное от имманентных свойств патриархального крестьянского хозяйства.*

Особо обращаем внимание читателя на прокламацию принципов юридического равенства. Ярким образчиком такого юридического употребления методологии в экономических вопросах может служить определение понятия кооперации.

В первом издании Чаянов не дал своего определения кооперативного предприятия. Он ограничился приведением формулировок Туган-Барановского и Пажитнова. Во втором издании Чаянов решил, как он говорит, «не гонясь за краткостью обобщающей формулы», просветить читателя:

«Характерной чертой кооперативного предприятия—то, что оно никогда не может являться самодовлеющим предприятием, имеющим собственные интересы, *лежащие вне интересов создавших его членов* (курсив мой. *М. К.*); это предприятие, обусловливающее своих клиентов, которые являются его хозяевами и строят его управление так, чтобы оно было непосредственно ответственно перед ними и только перед ними».

Достаточно даже беглым образом ознакомиться с определением, чтобы обнаружить сколько в нем наворочено, мягко выражаясь, идеалистической наивности. Неужели кооперативному профессору неведомо, что сплошь и рядом в капиталистическом обществе кооператив не отражает интересов большинства своих членов. Чтобы не быть голословным, напомним Чаянову факт недавнего происхождения, когда масса мелкого крестьянства Германии устами своих представителей на всегерманской конференции в гор. Веймаре в ноябре 1924 г. заявила:

«*Наши кооперативные товарищества, основанные, как средства самопомощи трудового крестьянства, превращены высокопоставленными господами в орудие защиты интересов крупных землевладельцев*».

В этом заявлении с исключительной отчетливостью выражены результаты «врастания» кооперации в окружающую хозяйственную систему. Что скажет по сему поводу Чаянов? Неужели он останется при своем определении, что кооперативное предприятие не может иметь интересов, «лежащих вне интересов создавших его членов».

А если кооператив находится в руках кулака или группы капиталистических хозяйств (этот случай и для советских республик не безразличен), являющихся меньшинством в кооперативе? Как тогда с выражением интересов большинства?

Об'яснение Чаянова насквозь проникнуто идеалистическим лицемерием буржуазных кооператоров. Это—шаг назад даже в сравнении с Туган-Барановским.

Определение свидетельствует, что Чаянов продолжает разделять принципы формальной демократии буржуазных социологов и экономистов. *Он склонен верить, что если предприятие юридически выражает волю своих членов, то этим «юридическим» равенством обеспечена экономическая солидарность интересов.*

Мы должны, однако, предупредить возможность спешных заключений со стороны тех читателей, которые на основании идеалистических упражнений Чаянова пришли бы к выводу, что он совершенно не видит классов. В действительности (следует отдать должное!) Чаянов обнаруживает весьма интенсивное желание вскрывать классовые противоречия. Но *почему-то сие похвальное рвение он обнаруживает только на пути утверждения непримиримости интересов между крестьянством и рабочим классом.* Анализируя рабочую и крестьянскую кооперацию, Чаянов приходит к выводу:

«Конечно, с формальной административной точки зрения, эти оба экономические образования аналогичны, но с точки зрения народнохозяйственной они имеют не только различную, но враждебную друг другу природу».

Таким образом, когда речь идет о противоречиях внутри крестьянства, Чаянов прикрывает различие интересов формальными юридическими определениями. Но как только разговор переходит на тему об отношениях между крестьянством и рабочим классом, он обретает язык ультра-материализма и с большой иронией противопоставляет «формально-административную точку зрения» народнохозяйственной.

Существо теоретических взглядов Чаянова можно вскрыть и на его определениях кооперации при буржуазном строе. Для нас, конечно, наибольшую практическую ценность представляет разоблачение его взглядов по отношению к советской системе. Но следует признать, что в этой части Чаянов обнаруживает большую ловкость в заметании следов.

Теоретическое введение им перенесено с небольшими изменениями из старого издания. Это введение можно было бы считать обращенным к буржуазному государству, если бы то тут, то там не оказывались вставки, относящиеся к современному периоду нэпа. С формальной стороны введение построено так, что после 24-х страниц фактической теоретической полемики с воззрениями «инакомыслящих» (по отношению к Чаянову) следует одна страничка, в которой он отдает словесную дань Октябрьскому перевороту.

Но ни в этой одной странице, ни на протяжении всей остальной толстой книге вы не найдете ни одного словечка относительно классовых противоречий внутри самого крестьянства, ни относительно сглаживания классовых противоречий между пролетариатом и крестьянством под влиянием новых факторов, вызванных существованием пролетарской власти.

Считая, что теоретическое введение его «вывозит», Чаянов в дальнейших главах дает ряд весьма сомнительных прикладных теорий по отдельным проблемам кооперации. В этих теориях, об

оптимальных размерах с.-х. предприятий, о вертикальной кооперации и др., Чаянов, опираясь на упомянутую страницу, в которой содержится декларация солидарности, дает программу, которая его полностью разоблачает.

По Чаянову, назначение с.-х. кооперации оказывается в том, чтобы сохранить основную массу единоличных хозяев, только «увязав» их с хозяйственной системой пролетариата.

Идея сохранения крестьянства, как класса единоличных хозяев в условиях советской власти, составляет квинт-эссенцию новой теории профессора Чаянова.

Это, так сказать,—д-р Эдуард Давид, перелицованный на советский фасон.

Аргументация Чаянова стара, как мир. Она состоит из следующих частей:

1) непреодолимые для техники трудности в природных условиях сельского хозяйства,

2) устойчивость мелкого крестьянского хозяйства в борьбе с крупным.

Отсюда им делается вывод:

кооперирование отдельных функций крестьянского хозяйства без нарушения единоличности владения.

По первому пункту Чаянов не постеснялся оставить аргументацию первого издания, хотя она по своей наивности выглядит поистине комично:

«Что представляет собой сельское хозяйство? В своей основе, это—использование человеком солнечной энергии, падающей на поверхность земли».

«Человек не может солнечные лучи, падающие на сто десятин, собрать на одну. Он может улавливать их зеленым хлорофилом своих посевов только на всем пространстве их падения. В самой своей сущности сельское хозяйство неот'емлемо связано с пространством, и чем крупнее технически сельскохозяйственное предприятие, тем большую площадь оно должно занимать. *Никакой концентрации в пространстве здесь нельзя провести*» (курсив мой. *М. К.*).

Сейчас, кажется, осталось весьма мало экономистов, особенно советских экономистов, которые бы подписались под чаяновским заявлением. Мы не говорим уже о коммунистах. Но и проф. Н. П. Никитин, и проф. Ал. Ал. Мануйлов и др. далеко ушли вперед по сравнению с Чаяновым.

Ал. Ал. Мануйлов в работе «Основы организации с.-х. предприятия» (стр. 25, изд. «Книгосоюз») пишет:

«Технический прогресс, понимая его шире, чем одно только развитие механической работы, доступен сельскому хозяйству *не меньше, чем промышленности*» (курсив мой. *М. К.*) и далее:

«Наш краткий анализ приводит к заключению, что хотя и есть некоторая разница в труде сельскохозяйственном и промышленном, основанная на специфических чертах с.-х. производства, однако, как эти черты, так и своеобразные свойства с.-х. труда обычно в значительной степени преувеличиваются».

Чаянов безнадежно отстал в оценке возможностей техники и в теоретических выводах отсюда. Меньше всего ему пристало призывать на помощь Ленина, который с исключительной категоричностью утверждал «замечательную одинаковость законов эволюции (в промышленности и земледелии. *М. К.*), вытеснения мелкого производства и тут и там».

Столь же «неотразимыми» являются доводы по пункту 2-му:

«Благодаря меньшему в количественном отношении, чем в промышленности, превосходству крупного хозяйства над мелким крестьянские хозяйства не могли быть столь просто и решительно разгромлены крупными латифундиями, как аналогичные им ремесленные семейные хозяйства были разгромлены фабрикой. К тому же крестьянские хозяйства проявили исключительную сопротивляемость и живучесть. Часто голодая в тяжелые годы, напрягая через силу свою рабочую энергию, иногда привлекая в свой состав наемный труд и тем принимая сами полукапиталистический характер, они почти повсеместно стойко держались, а кое-где даже расширяли свои площади за счет крупного капиталистического земледелия».

Чаянов бьет себя, сам того не замечая. С небольшими отступлениями от истины он рисует картину фактических последствий, испытываемых мелким крестьянским хозяйством в результате борьбы с крупным капиталистическим земледелием. По его же собственному изображению часть крестьянских хозяйств поднимается вверх по капиталистической лестнице, а часть обрекается на голод.

Действительно, замечательная «выживаемость».

Чаянов умолчал о том, что часть крестьянства все же лишается своих хозяйств и уходит в батраки или на фабрику. Чаянов не говорит, каково количественное соотношение между хозяйствами, поднимающимися (капиталистическими) и обреченными на полуголодное существование; для какого количества крестьян, в результате борьбы с крупным земледелием, свое собственное хозяйство остается только подспорьем к наемному труду.

Но, как мы уже видели, Чаянов не любит углубляться в вопросы классовой дифференциации самого крестьянства. От этой нелюбви страдает истина, но зато расцветает схема, схема сохранения мелкого хозяйства. При помощи подобного рода доводов Чаянов обретает сладкую возможность в заключительных главах успокоить себя и читателя:

«Все разобранные нами виды земледельческой кооперации более или менее полно коллективизируют отдельные отрасли крестьянского хозяйства, придавая им большую экономическую и техническую мощь, а крестьянскому семейному хозяйству большую устойчивость».

Итак, все старания, вольные и невольные умолчания—служили одной великой цели: увенчанию мелкого крестьянского семейного хозяйства.

Поворот от первого издания, право, незначителен. Стоило ли вызывать тень Ленина, обнаруживать причастность к марксизму, произносить тирады о социализме, чтобы затем все свести к старому разбитому корыту?

Впрочем, мы со своей стороны обнаружили бы превеликую наивность, если бы поверили в бескорыстность маневров А. В. Чаянова. Аксессуары марксизма и социализма играют у Чаянова вовсе не плохую, хотя и чисто служебную, прикладную роль. Что из того, что потеряна перспектива, так называемой, горизонтальной концентрации? На ее место, не угодно ли, вырастает

другая концентрация—«вертикальная». И Чаянов напрягает все усилия, чтобы доказать, что с нас вполне хватит за глаза одной вертикальной концентрации.

«Капитализм, не имевший возможности, в силу изложенных нами технических условий, организовать сельское хозяйство по принципам горизонтальной концентрации, неукоснительно выискивал иные пути к овладению и капиталистической организации земледельческой стихии. Взамен малопригодных форм горизонтальной концентрации овладение пошло в формах концентрации вертикальной».

«В самом деле, новейшие исследования развития капитализма в земледелии указывают нам, что вовлечение сельского хозяйства в общую систему капитализма вовсе не должно обязательно происходить в форме создания крупнейших капиталистически организованных хозяйств, построенных на базе наемного труда. Повторяя этапы развития промышленного капитализма, сельское хозяйство, выходя из формы полунатурального бытия, попадает под власть торгового капитализма, который подчас в форме весьма крупных торговых предприятий вовлекает в сферу своего влияния массы распыленных крестьянских хозяйств и, овладев связями этих мелких товаропроизводителей с рынком, хозяйственно подчиняет их своему влиянию и, развивая систему кабального кредита, превращает организацию сельскохозяйственного производства чуть ли не в особый вид раздаточной конторы, построенной на «системе выжимания пота».

Вряд ли можно спорить против той совершенно бесспорной истины, что зависимость мелкого крестьянского хозяйства от капиталистической системы развивается по линии торговли и кредита. Теория «вертикальной» концентрации здесь ровно ничего не прибавила бы, если бы за ней не следовали абсолютно из нее не вытекающие выводы. Суть же выводов, делаемых Чаяновым, заключается в том, что зависимость по линии торговли как бы отвлекает капитализм от вторжения в мелкое производство в смысле подрыва основ последнего. Но это неверно. *В действительности происходит другое. Слабость мелкого производства только обнаруживается на рынке, а заключена она, главным образом и в основном, именно в недостатках мелкого производства, как более отсталого и менее рентабельного сравнительно с крупным.*

По Чаянову дело происходит шиворот-навыворот. Вторжение капитала через торговлю в мелкое крестьянское производство—неизвестно, каким чудесным образом—спасает мелкого хозяйчика и придает ему дополнительную сопротивляемость в борьбе с крупным капиталом.

Вот разительный факт чудесного спасения, приведенный Чаяновым из истории развития дореволюционной сибирской маслодельной кооперации:

«Появившиеся таким образом кооперативные заводы выделялись качеством своего товара над фальсифицированным предпринимательским маслом и получили в своем развитии финансовую поддержку торгового капитала в лице датских и английских экспортных фирм, имевших в Кургане и других городах свои сибирские конторы, и быстро вытеснили частного предпринимателя из сферы производства масла.

Таким образом, концентрация сибирского маслоделия, начатая мелким промышленным капиталом, продолжается при поддержке крупного торгового капитала в кооперативных формах и, быстро вырастая, вскоре порывает свою связь с экспортным торговым капиталом.

«Сибирский союз маслодельных артелей» сам выходит на лондонский рынок и, опираясь на банковский кредит, освобождается от всякого влияния торгового капитала.

В несколько иных формах, но в том же типе динамики, а также проходя различные виды связи с капиталистическими группами, развивались и другие виды сельскохозяйственной кооперации.

Сказанного совершенно достаточно для того, чтобы понять сущность земледельческой кооперации, как глубокого процесса вертикальной концентрации сельского хозяйства. При чем необходимо отметить, что в кооперативных формах процесс этот идет гораздо глубже, чем в формах капиталистических, так как кооперативным формам концентрации крестьянин сам передает такие отрасли своего хозяйства, которые капитализму никогда не удается оторвать от крестьянских хозяйств в процессе борьбы».

Сибирский крестьянин, действительно, имел все основания торжествовать... Освободившись от зависимости от торгового капитала, он попал в лапы финансового капитала. Так ли хорош последний—позволительно усомниться. Двумя страничками ранее Чаянов приводил исчисления профессора Макарова о доходах американского фермерского хозяйства. 65% доходов попадает в капиталистически весьма развитой Америке в руки финансовых, железнодорожных и других магнатов. Очевидно, такая же судьба ждала сибирского крестьянина при условии дальнейшего развития капитализма в России.

О самом существенном Чаянов умолчал: какие слои крестьянства и в какой мере использовали льготы от непосредственного общения с банковским капиталом. Ведь, в этом—корень вопроса. По Чаянову, очевидно, всем стало одинаково хорошо.

Если бы посредством кооперации, действительно, так легко и просто разрешались в пределах капиталистического общества социальные проблемы, тогда, пожалуй, никакой революции не нужно было бы. Достаточно было бы того проникновения кооперации во все формы рыночных связей, о котором говорит Чаянов.

Но и эта часть теории стара. Чаянов рабски копирует рассуждения Давида и других мелкобуржуазных кооператоров, утверждающих, что крупное производство имеет преимущество над мелким только в области рыночных операций и что, следовательно, приобретение посредством кооперации всех выгод торговли укрепляет на веки-вечные мелкую собственность.

После полнейшего солидаризирования с реакционными теориями несколько фальшиво звучит у Чаянова замечание, что «положение вещей совершенно изменяется» при переходе к советскому строю.

«В этом случае, именно благодаря высокой вертикальной концентрации кооперативной системы, она в лице своих центров смыкается с руководящими органами государственного хозяйства и из простого оружия мелких товаропроизводителей, созданного ими в борьбе за существование в капиталистическом обществе, превращается в одну из главных слагающих социалистической

системы производства. Говоря иначе, из технического орудия социальной группы или даже класса она превращается в одну из основ хозяйственного уклада нового общества».

Отвлечемся от красивых слов и допустим, в согласии с утверждениями Чаянова, что и при советском строе осуществляется только «вертикальная» концентрация. Это означало бы, что процесс обобществления в крестьянском хозяйстве должен остановиться на первоначальных, примитивных стадиях, дело ограничивается только урегулированием рыночных связей между крестьянским хозяйством и государственным.

Для нас урегулирование связей только этап на пути к коллективизации производства. У Чаянова же на вопросе о связях конечная остановка. Вместо этапа и средства борьбы у него—самоцель.

Если взять Чаяновскую цель в перспективе, то она окажется весьма и весьма вредной. Если мы застрянем на примитивной стадии обобществления и окажемся бессильными продвинуть дальше, то это будет означать бессилие в дальнейшем ограничении возможностей капиталистического развития деревни, усиление классового расслоения, усиление кулачества и т. д.

Что сегодня является благом сравнительно с вчерашним днем (в данном случае сравнительно с неурегулированностью связей), то завтра превратится в зло.

Этой диалектики превращений Чаянов не понимает или не хочет понять. Он остается попутчиком только на один день.

Но в отношении такого рода попутчиков нам необходима сугубая осторожность. Пусть Чаянов нас улещает, что «вертикальная» концентрация оставит «техническое выполнение некоторых процессов в частных хозяйствах... почти-что на началах технического поручения», мы в праве отнестись с осторожностью.

Прежде всего, мы ни в какой мере не ищем и не желаем обезличения земледельца. Мы стремимся к уничтожению деления общества на классы, следовательно, к устранению и класса крестьянства. Но работников земледелия мы желаем поднять в полной мере на ту же высоту общественной культуры, что и трудящихся города.

Сохранение в крестьянском хозяйстве некоторых производственных процессов мелкому и среднему крестьянину ничего не даст, кроме, быть может, удовлетворения собственнических инстинктов. Сохранение единоличного производства, при высоком развитии техники, пойдет на пользу только капиталистическим слоям деревни. Так неужели мы из-за потворства инстинктам собственности пойдем на причинение глубочайшего экономического вреда огромному большинству трудящегося крестьянства.

А именно к последнему фактически сводятся предложения Чаянова, хочет ли он этого или не хочет.

Назначение идеи «вертикальной» концентрации полностью выясняется. Чаянов пробует доказать, что кооперация, как одна из форм «вертикальной концентрации», способна сохранить мелкое хозяйство, отщепив от последнего и обобществив отдельные функции: закупки, сбыта и переработки.

Чаянов нигде не высказывается открыто против обобществления производства, так как великолепно понимает (да и как не понять!), что обобществление производства это—последний этап, за которым мелкому единоличному хозяйству—конец. Но в скры-

той, завуалированной форме возражения против об'единения производства рассыпаны у Чаянова в ряде мест. Так, в главе, посвященной земледельческим коллективам, опасным в смысле покушений на единоличное производство, Чаянов пишет:

«Постепенное отщепление отдельных звеньев организационного плана крестьянских хозяйств и организации их в крупные предприятия, стоящие как бы над общей массой мелких семейных хозяйств, является *не фазой развития к чему-то иному, а утверждением самого принципа*» (курсив мой. *М. К.*).

«Выдвижение вперед полных коллективов и коммун означало бы собою замену принципа вертикальной концентрации принципом концентрации горизонтальной».

В этих строках попытка нанести прямой удар по коммунистической идее: у вас, мол, отщепление отдельных функций является только «фазой развития к чему-то иному», а вот я, Чаянов, утверждаю, что отщепление—не фаза, а «утверждение самого принципа».

«Что-то иное»—это, как весьма нетрудно догадаться, коллективизация производства, которая угрожает заменой «вертикальной» концентрации крупным общественным производством.

Дав бой коммунистической идее создания крупного общественного производства, Чаянов (как это характерно для него!) сейчас же начинает заметать следы:

«На первый взгляд эти два принципа кажутся противоречивыми и кажется, что, поскольку нами будет достигнута в массовых размерах горизонтальная концентрация, тем самым отпадает принцип вертикальной концентрации».

Первый шаг на пути отступления.

Оказывается, нет противоречия между принципами вертикальной и горизонтальной концентрации. Все возможно примирить. Каким же образом?

Здесь вытаскивается на сцену теория дифференциальных оптимумов, «согласно которой для каждого вида кооперативной работы можно, исходя из экономической и технической природы кооперируемых процессов, установить наиболее рентабельные размеры кооперативных предприятий».

Под теорией оптимумов следует понимать сделанную в свое время Чаяновым с К° попытку доказать, что для различных форм и областей сельского хозяйства имеется точный предел территориального расширения,—предел, зависящий, главным образом, от проблемы преодоления расстояния.

В своей работе, выпущенной в 1922 году—«Оптимальные размеры с.-х. предприятий» (изд. «Новая Деревня»), Чаянов следующим образом излагал теорию оптимумов:

«Проблема оптимальных размеров хозяйства ставится нами как проблема нахождения таких размеров площади эксплоатации, при которых, при прочих равных условиях, себестоимость получаемых продуктов будет наименьшая».

«Об'ективное существование такого оптимума для нас ясно из предыдущего изложения, указавшего нам на быстрое падение себестоимости при переходе от карликовых хозяйств к более крупным, благодаря большей мере использования технических установок, и на ее значительное возрастание, с'едающее всю чистую прибыль в силу увеличения издержек внутри размеров хозяйственного транспорта по мере дальнейшего укрупнения за

известный ему предел. Ясно, что кривая себестоимости, резко падающая в начале своего развития и под'емлющаяся в конце, должна иметь некоторый минимум, соответствующий искомому нами оптимуму хозяйств».

Если понимать теорию оптимумов только в том смысле, что для каждого *данного* момента существует определенная высота развития техники, ставящая границы развитию предприятия, то против оптимумов можно было бы не спорить. Но тогда сам оптимум оказался бы весьма изменчивой величиной, через которую завтра или послезавтра можно легко перешагнуть. И в промышленности имеются пределы развития предприятий соответственно возможностям техники в каждый данный период. Однако, на этом основании никто, кажется, еще не строил специальных теорий, ограничивающих возможности развития крупной промышленности.

Чаянову оптимумы понадобились для того,

«чтобы старую теорию о преимуществах крупного и мелкого хозяйства перевести в проблему, направленную на поиски оптимальных размеров хозяйства в земледелии, т.-е. таких размеров, в которых преимущества и недостатки мелкого и крупного хозяйств взаимно бы уравновешивались».

В толковании Чаянова теория оптимумов представляется как ограничение возможностей прогресса техники, ограничение возможностей развития крупного производства.

Вот, что пишет о чаяновских оптимумах проф. Никитин («Основы экономии сельского хозяйства», ГИЗ, стр. 112):

«В работе Чаянова даются следующие оптимальные размеры хозяйственной площади при различных системах хозяйства:

для залежной системы	1.976—2.185	гект.
» экстенсив. трехполья без удобрения	874— 983	»
» удобряемого трехполья	546— 656	»
» плодопеременной системы	219— 273	»

Приводимые организационные соображения об оптимальных размерах земельной площади и расчеты оптимумов при различных системах хозяйства в основе своей имеют определенный уровень техники сельского хозяйства и в первую очередь уровень техники внутрихозяйственного транспорта. Нам известна эпоха мотыжного земледелия с использованием двигательной силы человека, в этих условиях оптимум хозяйственной площади был очень невелик, он не превышал четверти, половины гектара. Переход к земледелию с плугом и использованием двигательной силы животных сразу сделал оптимумы хозяйственной площади чрезвычайно большими. Введение в качестве двигателя пара и электричества может дать дальнейшее расширение оптимальных размеров хозяйственной площади. *Отсюда большая условность приводимых выше расчетов*» (мой курсив. *М. К.*).

Мы считаем, что проф. Никитин весьма деликатно обошелся с коллегой, отметив только «большую условность». Фактически он опроверг теорию оптимумов в том виде, в каком ее дает Чаянов, и наглядно показал, что ни пространство, ни другие особенности с.-х. производства не ставят границ развитию крупного земледелия.

Компромисс, эклектика и в данном случае губит Чаянова. С одной стороны, нельзя не сознаться, что мелкое хозяйство является тормозом для развития техники, с другой—нельзя не

признаться, что крупное производство в земледелии не имеет будущего. Истина, по мнению Чаянова, лежит где-то на полпути, где «преимущества и недостатки мелкого и крупного хозяйства» взаимно уравновешиваются. Чаянов не только не видит перспектив развития крупного земледельческого хозяйства, он призывает бросить «старую проблему» о преимуществах крупного хозяйства над мелким.

С такой теорией оптимумов ни в коем случае согласиться нельзя. Взгляды Чаянова представляют реакционную утопию: они выражают, по сути дела, страх мелкого хозяйчика перед неограниченными возможностями развития техники. Чаянов выражает этот страх ученым языком и пытается для каждой отрасли сельского хозяйства, для каждого района дать рецепт спасения.

Возвращаемся к проблеме противоречий между «вертикальной» и «горизонтальной» концентрацией. Как мы видели, Чаянов пытается ослабить впечатление от им же нарисованной картины противоречий. Он допускает массовое развитие колхозов. Больше того. Он делает второй шаг на пути отступления и признает возможность построения крупных коллективных хозяйств.

Дальше, кажется, и отступать некуда. Еще один шаг—и рухнет теория оптимумов и выживаемость мелкого производства.

Чаянов это понимает и предусмотрительно выводит на сцену еще один компромисс:

«Коллективное хозяйство, как бы крупно оно ни было, не может заменить собою системы вертикальной концентрации земледелия, а должно для более полного проведения концентрации сельского хозяйства войти в состав членов наших местных кооперативов наравне с мелкими крестьянскими хозяйствами».

Компромисс заключается в том, что колхоз войдет членом в местный кооператив.

Не правда ли, гениальное разрешение проблемы вертикальной концентрации?

Теория должна была доказать, что горизонтальная концентрация не является законом, что ее нет, что она не нужна, что она заменена вертикальной концентрацией, а на поверку выходит, что и та и другая мирно уживутся: горизонтальная в форме колхозов, а вертикальная в форме кооперации, при чем колхозы войдут в систему кооперации, т.-е. горизонтальная вольется в вертикальную—и дальше, черт его знает, какая еще каша произойдет.

Заключение Чаянова звучит совсем неубедительно:

«Вопрос стоит не в плоскости—коллектив или кооперация, а в плоскости—входящий в кооперацию коллектив или входящее в кооперацию семейное крестьянское хозяйство».

После всех поклонов в ту и другую сторону Чаянов остается на прежней позиции, остается попутчиком только на один день. Он и не пытается изобразить перспективу обращения семейного крестьянского хозяйства в крупное хозяйство с коллективизацией производства и потребления в коммуну.

Охотнее всего он сохранил бы только семейное хозяйство. Но колхозы существуют, они развиваются, они—факт. Для бедноты колхозы представляют преимущественную форму обобществления и часто единственную возможность самосохранения.

Поэтому ничего не остается, как допустить обе формы с тем, что одна, низшая, войдет в другую, высшую.

Повторяем, при всех поклонах в сторону коллективного хозяйства Чаянов *упорно не желает видеть в коллективном хозяйстве форму будущей организации мелкого крестьянского семейного хозяйства. В этом коренное отличие его взглядов от наших.*

Никто из коммунистов не считает, что существующие формы колхозов дали уже тип будущей земледельческой коммуны. Больше того. По нашему мнению, кооперация в течение определенного долгого исторического отрезка времени будет основной формой движения крестьянства к коммуне. Но конечный-то этап для нас все же коммуна. Мы идем к коллективизации производства. *Давать теорию сельской кооперации без перспективы коллективизации производства значит не только искажать перспективу, но и мешать правильному направлению текущего строительства.*

Чаянов понимает кооперацию и колхозы не в том смысле, как понимаем их мы. Он исходит из желания во что бы то ни стало, вопреки законам развития техники, вопреки законам развития экономики, сохранить единоличное крестьянское хозяйство. Он создает ряд вспомогательных теорий, чтобы доказать неизменность принципа единоличия в сельском хозяйстве.

Коллективизм он считает выспренней идеей, далекой от практики. По его словам,

«коллективное сознание и воля всегда менее подвижны, более медлительны, менее напряжены и почти не допускают интуиции, столь важной во всяком предпринимательстве».

«Воля хозяина в капиталистическом предприятии и главы семьи в трудовой крестьянской семье обеспечивают нам единство организационного плана и неуклонное проведение его в жизнь».

«Коллективная же воля прежде всего слаба, как воля организующая и предпринимательская, а, во-вторых, слаба она и как воля принуждающая, так как ее носители, в лице правления и других выборных, слишком зависят от своих избирателей для того, чтобы обладать неумолимой непреклонностью».

С таким отношением к коллективной воле, разумеется, теории советской кооперации никак не построить.

Чаянов второго издания остался верным первому изданию.

И. Краваль.

Социалистическая рационализация производства и управления.

Необходимость дальнейшего форсированного развертывания и углубления работ по социалистическому строительству ставит перед народным хозяйством, в первую очередь перед промышленностью, ряд задач крупнейшего значения, от успешности разрешения которых полностью зависит выполнение директив XV конференции ВКП(б) о том, «чтобы в относительно минимальный исторический срок нагнать, а затем превзойти уровень индустриального развития передовых капиталистических стран» [1]).

Именно потому, что только на основе широко и систематически проводимой социалистической рационализации производства возможны серьезные достижения в деле дальнейшего расширения промышленности, снижения себестоимости и цен, дальнейшего повышения материального и культурного уровня рабочего класса и крестьянства, вопросы рационализации производства и управления ставятся в центре внимания всех партийных, профессиональных и хозяйственных организаций.

Рационализация производства является тем очередным звеном, ухватившись за которое партия и рабочий класс в состоянии будут поднять все народное хозяйство на высшую ступень развития.

Придавая исключительное значение делу рационализации производства и управления, ЦК ВКП(б) в своем решении от 23/III—27 г. постановил, что «все организации рабочего класса, особенно парторганизации и профсоюзы, *должны уделять сугубое внимание улучшению техники организации производства, учитывая их решающее значение в деле социалистического строительства*».

Если до настоящего времени работа в области рационализации в основном сводилась к работам по лучшему использованию уже введенного в производство оборудования и обслуживающей его рабочей силы, то в настоящее время эта работа должна все в большей и большей степени направляться по двум новым направлениям, одновременно расширяя и углубляя работы по лучшему использованию уже введенного в производство оборудования и рабочей силы:

1) переоборудование и реконструкция существующих заводов и 2) строительство новых фабрик, заводов, шахт и т. д.

---

[1]) «Резолюции XV конференции ВКП (б)», Госиздат, 1927 г., стр. 16.

При чем затраты государства с каждым следующим годом все в большей и большей степени должны будут итти по линии реконструкции и нового строительства при снижении удельного веса расходов на капитальный ремонт существующего оборудования.

Уже в затратах на капитальное строительство текущего хоз. года центр тяжести переносится на работы по реконструкции и переоборудованию, достигающие 562,1 милл. рубл. (рост на 16,2% против предыдущего года), при одновременно увеличении расходов по строительству новых предприятий до 187,7 милл. рубл. (рост на 82%) и абсолютном снижении расходов на капитальный ремонт до 104,8 милл. рубл. или на 18,2% меньше предыдущего года.

Все это говорит о том, что для расширения и углубления работ по улучшению техники организации производства по всем этим трем направлениям имеется соответствующая материальная исходная база; сейчас необходимо обеспечить такое использование уже имеющихся и накапливаемых ресурсов, которое сделало бы возможным успешное разрешение двух крупнейших задач, стоящих в настоящее время перед промышленностью—это снижение цен путем снижения себестоимости, в целях улучшения материального уровня рабочих и крестьян и обеспечение капиталонакопления для дальнейшего форсирования как работ по переоборудованию существующих предприятий, так и работ по новому промышленному строительству. Эти задачи одновременно разрешимы только при том условии, если вопросы социалистической рационализации производства и управления станут в центре внимания как всех хозяйственных, профессиональных и партийных организаций, так и широчайших слоев рабочего класса. Это является основным условием, обеспечивающим успешность проводимым мероприятиям.

Развертываемая работа по социалистической рационализации производства должна итти *одновременно* как по пути изменения и улучшения техники производства, так и по пути улучшения организации производства. Одно только изменение техники производства без соответствующих изменений в области организации не может дать соответствующего экономического эффекта в области снижения себестоимости и цен. Всякое улучшение и изменение техники производства должно *одновременно* (обязательно) сопровождаться соответствующими улучшениями в области организации производства и использования рабочей силы.

Насколько велико значение вопросов организации производства в общей системе мероприятий по рационализации производства, можно видеть на примерах из опыта большой работы, проделанной по улучшению техники производства в нефтяной и каменноугольной промышленности и по улучшению организации производства в текстильной промышленности.

Ни одна отрасль промышленности за последние годы не получила таких средств на капитальное строительство, как нефтяная и каменноугольная Донбасса. На капитальное строительство по трем трестам (Азнефть, Грознефть и Донуголь) государством за последние три года (с 1924/25 г. по 1926/27 г.) истрачено свыше полумиллиарда рублей (552,6 милл.) [1]. Значительная часть этих средств была израсходована на механическое переоборудование предприятий, на изменение способов добычи угля и нефти путем введения механизации рабочих процессов и замены мускульного труда рабочих работой машин. Суммы, вложенные в механизацию производства, были затрачены на приобретение американских вращательных станков и глубоких насосов для нефтяной промышленности, врубовых машин, перфораторов и устройства конвейеров и скрепегов, для угольной промышленности. Для закупки всего этого оборудования за границей государство с большим напряжением выделяло золотую валюту. Поэтому сейчас вполне своевременен вопрос о том, каков экономический эффект от произведенных затрат и как используется это оборудование у нас в сравнении с использованием аналогичного оборудования за границей.

[1] В том числе по нефтяной промышленности 368 милл. руб.

В довоенное время почти вся добыча нефти, за исключением случайной—фонтанной (около 97% эксплоатируемых скважин), получалась путем применения тяжелого, изнурительного труда тартальщика, и только 3% всех скважин эксплоатировались механическим путем.

В настоящее время на 68% всех эксплоатирующихся скважин добыча механизирована путем применения глубоких насосов. Достижения в смысле механизации производства по сравнению с дореволюционным периодом огромны. Эта отрасль промышленности в последние годы была технически перевооружена. Встает вопрос: каковы же достижения в области производительности в результате этой механизации?

Нефтяная промышленность характерна тем, что в ней производительность труда определяется не количеством добычи на единицу рабочей силы, а количеством рабочей силы на единицу оборудования, в данном случае на одну эксплоатируемую скважину, ибо выход нефти с каждой скважины зависит от естественных природных условий и находится вне воли рабочего. В довоенное время на каждую эксплоатацион. скважину при ручном труде *задолженность* составляла 8,1 чел., теперь же в Азнефти на одну скважину приходится 10,1 чел. (1 квартал 1926—27 г.), и это в то время, когда в Америке при том же оборудовании расход рабочей силы на одну скважину выражается цифрой от 0,1 до 0,3 человека на скважину, т.-е. один человек обслуживает от 3 до 10 скважин.

Кроме того, при бурении скважин у нас на каждой бурящейся скважине задолжено 28 человек (в 1925—26 г.), в то время как в Америке при бурении на таких же станках задалживается от 8 до 9 человек, а в довоенное время в России 23,8 человек, когда почти не применялось вращательное бурение. В Америке скорость бурения на один вращательный станок в месяц равна 244 метрам, в то время как у нас, несмотря на значительно большую задолженность людей, станок дает всего 88,4 метра в месяц (данные за 1925—26 г.). Все это говорит о том, что в нефтяной промышленности центр тяжести в области рационализации производства должен быть перенесен на ближайшее время на улучшение организации производства и лучшее использование рабочей силы, которые не находятся ни в каком соответствии с введенными техническими усовершенствованиями. Если же принять во внимание, что доля стоимости рабочей силы в себестоимости составляет 40%, то мы увидим, что здесь име-

ются очень значительные возможности для дальнейшего снижения себестоимости и цен. То же самое относится к каменноугольной промышленности, где доля стоимости рабочей силы в себестоимости пуда угля колеблется от 65—70% и где, несмотря на то, что процент механизированной добычи в текущем году составляет 17,5 против 1,5% в довоенное время (в Англии—тот же процент). Все же это проведение механизации добычи не дало соответствующего эффекта в деле снижения себестоимости вследствие нерациональной постановки организации производства (неувязка между механизированной отбойкой угля и ручной откаткой и проч.), что мешает полному использованию как оборудования, так и рабочей силы. В Донугле принятая промпланом на 1926—27 г. производительность составляет 134,4 тонны на человека, фактически же в первом квартале текущего операц. года выработка на 1 рабочего составила 94 тонны в месяц, или на 10% меньше программной и составляет всего 53% выработки в Англии с учетом степени механизации и естественных условий залегания угля.

Аналогичных примеров худшего использования технически совершенного оборудования вследствие как недостаточной квалификации рабочих и отчасти техперсонала, так и главным образом недостатков в постановке организации производства, можно было бы привести значительное количество из опыта работ ряда других отраслей промышленности (золото-платиновой[1]), стекольной, спичечной, металлической и друг.).

Однако, и приведенных примеров более чем достаточно для того, чтобы показать всю важность вопросов организации производства и недостаточность нашей работы в этом отношении по ряду отраслей промышленности. Между тем проведение ряда организационных мероприятий по уплотнению рабочей силы и лучшему использованию оборудования может дать значительный эффект как по линии общего снижения себестоимости, так и такого повышения зарплаты, которое не вызывает роста себестоимости изделий, а, наоборот, обеспечивает ее снижение. Опыт перехода на уплотненную работу путем улучшения организации производства в текстильной промышленности показал, что многое может быть достигнуто и при нынешнем оборудовании, без коренной его технической реконструкции, пока еще непосильной для нашего государства.

В настоящее время текстильная (хлопчато-бумажная) промышленность в области ткачества уже 46,4% всех имеющихся станков перевела на уплотненную работу (1 ткач работает на 3—4 станках) и 50,2% всех прядильных машин на 3—4 стороны, что обеспечило значительное повышение выработки на рабочего, обеспечило рост зарплаты у работающих на уплотненных работах на 30% не только без повышения стоимости обработки, но при некотором ее снижении, частично облегчило жилищную нужду, дав снижение накладных расходов на рабсилу, обеспечив лучшее использование квалифицированной рабочей силы.

[1]) В Америке при работе на драге задалживается от 23 до 33 человек, а у нас при работе на аналогичных драгах на драгу задалживается до 211 человек.

Все эти достижения в текстильной промышленности проведены были без сколько-нибудь значительных затрат, как на новое капитальное строительство, так и на замену старого изношенного оборудования, а главным образом, путем проведения ряда организационных мероприятий и некоторых технических улучшений.

Все это говорит о том, что дороговизна наших изделий и недостаточно успешное проведение рационализаторской работы об'ясняются в значительной степени недостаточностью работ в области улучшения организации производства.

К числу таких недочетов в области организации производства следует отнести недостаточную специализацию наших предприятий, без которой невозможен переход на массовое и серийное производство—эту основу всякого сколько-нибудь значительного снижения себестоимости. Не только наши тресты, но и наши предприятия до сих пор еще полностью сохранили большинство недостатков, как довоенного периода, так и эпохи военного коммунизма, когда каждое предприятие в значительной степени представляло собой конгломерат различных производств, сплошь и рядом совершенно не связанных друг с другом. Если это и имело свой смысл в эпоху военного коммунизма, когда еще не могло быть налажено правильное снабжение одного предприятия изделиями другого, необходимыми для бесперебойного производства, если это имело свой смысл в условиях конкурентной борьбы в дореволюционной России,—то в настоящее время это является пережитком, тормозящим основную работу в области снижения себестоимости в целях ускорения темпа социалистического строительства. Мы могли бы добиться ряда значительных успехов, если бы в этом отношении (специализации производства) ориентировались на наиболее развитые в техническом отношении капиталистические страны (Америка). Если капиталистические предприятия под влиянием ожесточенной конкуренции, в целях снижения себестоимости и обеспечения соответствующего качества продукции, принуждены максимально ограничить свой ассортимент, образуя об'единения с предприятиями, строго увязанными, специализировавшимися в отношении выполнения только ограниченных частей (массовое производство деталей и т. д.) в пределах общего плана, то тем более необходимо специализировать производство в наших условиях, где все предприятия находятся в руках пролетарского государства, могущего наиболее планово и целесообразно группировать и комбинировать свои предприятия в целях достижения более дешевого производства и получения лучшего качества продукции. Необходимо, чтобы каждый хозяйственник особое внимание обратил на проработку вопроса о том, что можно сделать в пределах каждого завода и треста в отношении специализации, минимально ограничив работу в отношении типов и видов изделий, пересмотрев все заводы и производства в целях сокращения производства у себя того, что может быть изготовлено лучше и дешевле в другом, специализировавшемся на этом, предприятии. Необходимо принять все меры к изжитию стремления многих хозорганов налаживать все новые и новые производства в том же предприятии. Это стремление организовать в одном и том же предприятии целый ряд новых производств, мотивируя это необходимостью загрузить недогру-

женные цеха или использовать наличный технический персонал, осталось у нас как пережиток дореволюционного времени и чрезвычайно вредно отражается как на себестоимости, так и на качестве изделий. Мы не можем успешно разрешить стоящих перед нами задач в связи с упрощением управления нашим производством, если не усилим нашей работы в области специализации во всех отраслях промышленности. Так как всякое новое производство, введенное в то же предприятие, значительно усложняет управление им: осложняется работа технического персонала, снабжение, планирование, учет и контроль производства и т. п., то усиление работы по специализации заведений является не только необходимым условием успешности проведения упрощения системы управления промышленностью и лучшего использования знаний и опыта высоко квалифицированного технического персонала и рабочей силы, но является необходимым условием успешного перехода наших предприятий на крупно-серийное и массовое производство, — это основное условие, обеспечивающее наибольший эффект в снижении стоимости производства. Нашим хозорганам необходимо провести такую перепланировку и реконструкцию своих предприятий, которая обеспечила бы возможность максимального увеличения серийности и массовости производства.

Перспективные планы должны быть так построены, чтобы реконструкция нашей промышленности предвидела в целях специализации не только расширение цехов и введение нового оборудования в целях ликвидации узких мест, но и ликвидацию целого ряда излишних цехов, искусственно связанных с основным производством, путем перегруппировки оборудования, из'ятия ненужного для данного производства оборудования и переброски его на специализировавшиеся заводы, наиболее в нем нуждающиеся. Многие наши производства обросли целым рядом подсобных производств, оставшихся еще от довоенного времени или эпохи военного коммунизма, когда нельзя было вести производства, если не наладить вспомогательных цехов, представляющих искусственный нарост на основном производстве и сильно осложняющих его работу (самостоятельное полукустарное производство оборудования, ходового инструмента, (ящичные подсобные цеха, типографии, коробочные цеха и т. д. и т. п.). Эти подсобные цеха должны быть ликвидированы, если есть хоть какая-нибудь возможность без задержек и ущерба для производства получать изделия от специализировавшихся на этом предприятий, ибо это упростит работу предприятий и даст возможность загрузить специальные предприятия, сконцентрировать на них лучший персонал и соответствующей квалификации рабочую силу и тем самым обеспечить достижение минимальных издержек производства.

Стандартизация и нормализация производства.

Особое внимание в системе организационных мероприятий должно быть уделяемо в течение предстоящего периода вопросам стандартизации и нормализации производства, как необходимым условиям, обеспечивающим ускорение перехода на массовое и крупно-серийное производства.

Передовые капиталистические страны, несмотря на невозможность проведения в капиталистических условиях стандартов, обязательных, как для производителя, так и для потребителя, все же вопросу стандартизации производства, играющему нередко решающую роль в деле снижения себестоимости, уделяют особое внимание. Так, в 1925 г. в Америке в автомобильной промышленности была произведена анкета по вопросу о причинах поразительного удешевления продукции этой отрасли, и все крупнейшие американские предприятия (Студэбеккер, Паккард) на первое место поставили стандартизацию, как основное и необходимое условие для проведения массового и дешевого производства. Стандартизация оказалась сильнее таких факторов, как введение автоматов в производство, механизация, рационализация организации внутризаводского транспорта и рабочей силы. Комиссия Гувера, производившая несколько лет назад обследование по вопросу о потерях в промышленности, ставит стандартизацию, как основное мероприятие по борьбе с этими потерями.

Для проведения стандартизации и нормализации производства у нас имеется значительно более благоприятные условия, обеспечивающие возможность установления общесоюзных стандартов, что невозможно ни в одной из капиталистических стран с разрозненными, самостоятельными капиталистическими предприятиями, являющимися непреодолимым препятствием на пути правильного разрешения вопроса. Мы имеем полную возможность практического проведения в жизнь стандартов, предварительно согласовываемых и с потребителем, и промышленность может спокойно вести работу по установленным стандартам, поскольку потребитель не может потребовать изделий, не соответствующих стандарту, с ним предварительно согласованному.

Кое-что в области стандартизации в настоящее время уже сделано. Так, в текстильной промышленности количество сортов тканей сокращено за один только год в хлопчато-бумажной промышленности с 2.626 до 1.087, т.-е. на 59%, количество основ с 37 №№ до 10, уток—с 35 №№ до 4, по льняным тканям последние стандарты сводят количество сортов до 14. Количество профилей круглого железа уменьшено с 151 до 45, обручного—с 617 до 163 и т. д.

Эти немногочисленные примеры проведенной у нас стандартизации с несомненностью говорят о том, что у нас в этом отношении возможны громадные достижения, при чем следует иметь в виду, что особенностью, отличающей стандартизацию от других рационализаторских мероприятий, требующих обычно значительных средств на свое осуществление, является то, что проведение ее не требует средств в сколько-нибудь значительных размерах. Установление стандартов у нас обходится обычно недорого, а так как введение стандартов требует обычно сравнительно незначительного переоборудования, то все это делает стандартизацию одним из наиболее рентабельных мероприятий в области рационализации производства.

Экономическая рентабельность мероприятий по стандартизации приводит к необходимости значительного расширения работ в этой области. Там, где проведение общеобязательных стандартов еще требует длительной подготовки, так как проведение

недоброкачественных стандартов может стоить государству слишком дорого, необходимо особое внимание обратить на упрощение ассортимента изделий, сокращение его видов. Такое упрощение может быть проведено на каждом без исключения предприятии, в любом тресте, путем исключения, например, из производства всех мелких и случайных заказов. Как на пример такого упрощения в советских условиях, можно указать на работу Укртрестсельмаша, значительно сократившего ассортимент выпускаемых изделий: плугов однокорпусных с 172 до 10, двухкорпусных с 91 до 1, сеялок с 125 до 14, молотилок с 122 до 11 и т. д.

Упрощение производства, обеспечивающее непосредственную экономию и удешевление производства, является первой ступенью в работе по стандартизации на местах и первоочередной задачей наших промышленных предприятий. Тресты и предприятия должны направить все свое внимание на проведение работ по стандартизации и нормализации производства. В этом отношении нами еще сделано совершенно недостаточно. Работа по нормализации производится сейчас на ряде предприятий, но она не об'единена и не согласована с работой аналогичных предприятий, производится во многих случаях кустарно и выражается нередко в механическом перенесении заграничных стандартов и норм. Такое положение может принести значительный вред промышленности. Поэтому работа по стандартизации и нормализации производства требует, с одной стороны, усиления, путем усиления инициативы и самодеятельности мест, а с другой стороны—определенной плановой дисциплины, в целях уменьшения параллелизма в работе и проникновения в нашу промышленность негодных стандартов. Проведение же типизации частей изделий даст возможность перейти к серийному изготовлению их, а следовательно, к значительному удешевлению изделий.

Одним из крупнейших недочетов, мешающих успешности проведения мероприятий по снижению себестоимости, является неудовлетворительная организация снабжения наших предприятий. Дело не в том, что наши предприятия недостаточно снабжаются. Зачастую наши предприятия имеют запас материалов, очень значительно превышающий потребный ему, но дело в том, что снабжаются не в соответствии с ходом производства данного предприятия. Необходимо обратить самое серьезное внимание на выполнение плановых заданий в течение указанного срока по снабжению предприятий; каждое предприятие обязано учитывать, что невыполнением в срок заказов оно срывает производство другого нашего социалистического предприятия, тем самым тормозя дело развертывания всей нашей промышленности. Перебои в снабжении грозят каждому предприятию значительным убытком, вздорожанием изделий, ухудшением качества продукции, так как отсутствие необходимых материалов вынуждает предприятие загружать рабочих работой из несоответствующего материала, что вызывает рост брака, низкое качество продукции, недостаточную производительность труда и т. д.

Особое внимание необходимо обратить на комплектность снабжения, так как нередко из-за отсутствия самых ничтожных количеств какого-нибудь материала лежат неподвижно очень значительные средства в производстве, и в работе происходят значительные простои, чем дискредитируются все меры по рационализации производства.

Необходимость обеспечения безболезненного проведения всех мероприятий по проведению рационализации требует, чтобы было обращено особое внимание на искоренение недочетов, связанных с постановкой и состоянием инструментального дела. Наибольшую хозяйственную близорукость и полное искажение режима экономии проявляют те, кто заставляет рабочего работать более дешевым, но плохим инструментом. Наоборот, достижение лучшего качества и уменьшение стоимости обработки и затраты инструмента возможно именно при работе на хорошем инструменте. Надо принять все необходимые меры для того, чтобы при работе был постоянно хороший инструмент, надлежаще заточенный и закаленный, ибо от него в значительной мере зависит получение хорошего качества, удешевление работы и обеспечение повышенной выработки рабочего, повышающей одновременно его заработную плату без всякого ущерба делу снижения себестоимости. На наших предприятиях нередко имеются значительные запасы неходового инструмента при недостатке ходового, что приводит к необходимости работать негодным инструментом. Особенное внимание должно быть обращено при этом на нормализацию инструмента, дающую возможность сделать ходовым максимальное количество инструмента, что может значительно удешевить производство. В предприятии необходимо отделить производство, ремонт и содержание в исправном виде всего инструмента от производства работ. Только там будет экономия и удовлетворительное качество, где рабочий получает совершенно готовый, исправный к работе инструмент и не должен заботиться о его состоянии, при чем необходимо организовать работу так, чтобы рабочий получал необходимый ему инструмент у станка и имел возможность во-время сменить его.

Особое значение в деле удешевления производства имеет надлежаще и своевременно поставленный ремонт оборудования. При настоящей загрузке наших предприятий малейший недосмотр может вызвать тяжелые аварии, продолжительный и долгий ремонт, большие простои в производстве и рост себестоимости. В плане работ по рационализации необходимо предусматривать такие календарные сроки ремонта оборудования, которые давали бы возможность через заранее определенные промежутки времени менять безостановочно, после работы, износившиеся части, гарантируя тем самым производство от непредвиденных аварий.

Отсутствие сколько-нибудь значительных резервов неиспользованного основного капитала, которые сделали бы возможным значительное дальнейшее развертывание производства, требует, чтобы вопросу использования уже введенного в производство оборудования было уделено значительно большее внимание. Ряд обследований степени использования нашего оборудования показывает, что оно в значительной степени еще не используется. Путем установления надлежащих скоростей, наивыгоднейших условий работы станков имеется возможность значительно увеличить пропускную способность предприятий, не прибегая к немедленному приобретению нового оборудования. Основной нашей установкой в течение еще длительного периода должно быть максимально целесообразное использование имеющегося оборудования, пока не войдет в производство группа вновь

строящихся предприятий во всех основных отраслях промышленности в таких размерах, которые дали бы возможность, без ущерба для удовлетворения потребностей широких масс населения нашего Союза, перейти к смене отсталого технически и нерентабельного экономически оборудования и к закрытию ряда отсталых в техническом отношении предприятий.

На ряду с этим изменение методов обработки и сокращение процессов может внести значительные изменения в себестоимость производства и улучшение качества изделий. К этой работе должны быть привлечены в первую очередь научно-технические институты и советы. Научно-технические институты должны быть в курсе той отрасли промышленности, которую они обслуживают, и по своей инициативе подготовлять научное разрешение проблем и проведение мероприятий, обеспечивающих удешевление производства, удешевление материалов, использование отходов, отбросов и т. д.

Как на одну из основных задач по рационализации производства, необходимо обратить внимание на разрешение вопроса об ускорении оборачиваемости капитала. Только то производство будет наиболее жизненным, которое сумеет все больше и больше увеличивать скорость оборотов своего капитала. Для этого должно быть поставлено в надлежащей степени изучение времени пребывания изделий в производстве. Необходимо следить за тем, чтобы на всех стадиях производства изделия меньше всего задерживалось, не залеживалось и постоянно находилось в движении. Это возможно в первую очередь достигнуть там, где организуется производство по принципу непрерывного потока. Методы работы непрерывным потоком (конвейер, ленточная система) должны привлечь особое внимание наших хозяйственных, профессиональных и партийных органов. Там, где имеются соответствующие условия в отношении достаточного сбыта, обеспеченности снабжения, выработки стандартов конструкций, там должны приниматься максимальные меры к организации и введению работы непрерывным потоком, учтя при этом опыт проделанных в этом отношении работ на аналогичных предприятиях, в целях избежания неизбежных при всякой новой постановке ошибок.

(Окончание следует).

А. Криницкий.

К вопросу о национальной культуре.

(По поводу книги т. Ваганяна «О национальной культуре»).

Вопросы строительства культуры сосредоточивают на себе все большее внимание партии. Понятно, задача социалистической реконструкции хозяйства, индустриализации и кооперирования страны неразрешима без все более активного культурного под'ема страны, более быстрого продвижения к «культурной революции», без обеспечения социалистического пути культурного развития. Задачи строительства культуры особенно сложны в условиях национальных республик и областей.

Книга тов. Ваганяна *«О национальной культуре»* потому заслуживает внимания, что она посвящена вопросам культуры в их постановке в условиях национальной республики,—вопросам национальной культуры. Тем с большей силой следует выделить ошибочное и спорное в книге т. Ваганяна.

Капиталистические элементы нашей экономики в период нэпа находят свое выражение в некотором возрождении и освежении буржуазно-демократических политических тенденций. Их носители—нэпман, кулацкая деревня, часть молодой интеллигенции, связанной с этой буржуазной прослойкой, отчасти—старые представители буржуазной интеллигенции.

Эти буржуазно-демократические тенденции принимают националистическую окраску, тем самым пытаясь замаскироваться. Такова *устряловщина*, которая после деклараций о «признании» советской власти довольно скоро убедилась в классовой сущности последней и, раскрыв свои буржуазно-демократические позиции, показала во всей неприглядности свое лицо российского национализма. Такова в БССР *листопадовщина*—маленькая группка интеллигентов, одинаково бессильная в своих действиях и симптоматичная по существу, осужденная в 1925 году после широкого процесса,—листопадовщина, которая свою антисоветскую сущность прикрыла националистическими лозунгами «национального освобождения», «независимости Белорусской Республики». Точно так же *сионизм*, представители которого выходят из нэпманской еврейской среды, является националистическим прикрытием антисоветской программы буржуазных и мелкобуржуазных кругов еврейского населения. Можно указать ряд подобных фактов.

Сущность буржуазно-демократической идеологии национализма совсем явно раскрывается вне СССР. Вот, например, белорусский национал-демократизм, махрово расцветший в благоприятном климате пилсудчины в виде «Селянского Союза» Яремича, Рогули и прочих продажных господ, так называемых «белорусских деятелей Польши». Вот—УНДО «Украинское Национально-

Демократическое Об'единение» в Украине, находящейся в границах Польши, ведущее яркую националистическую и антисоветскую политику. Эта сущность явно раскрывается в рамках нелегальной работы, где ставятся точки над i; вот—листопадовщина в БССР.

Однако, условия диктатуры пролетариата не подходящи для свободного развертывания политической программы национал-демократизма. Вот почему он ищет и находит другие формы своего развития: область культурного строительства является пока более или менее удобной ареной для протаскивания национал-демократической идеологии.

Отсюда следует, что вопросы национальной культуры в нашей стране делаются все более актуальными, ибо в этой области начинает развертываться классовая борьба.

Далее. Наша страна охватывается все большей политической активностью рабочих, крестьян. Развертывается культурная жизнь и строительство. По какому пути пойдет культурное развитие? Пролетарский путь культурного развития обеспечивается нарастанием социалистических элементов нашей экономики и активной работой партии над развитием культуры. Однако, пока в ряде отраслей культурное строительство ведется без достаточно активного участия пролетариата и его партии. В то же время представители (более или менее явные) буржуазно-демократической идеологии, маскируясь «согласием» со всей, в частности—национальной политикой партии, протаскивают свою «политику» под видом борьбы за «национальную культуру». Это дает «основание» тов. Ваганяну утверждать, что лозунг «национальной культуры» есть буржуазный, реакционный лозунг.

Тов. Ваганян не понимает того, что *лозунг национальной культуры стал нашим лозунгом при диктатуре пролетариата,—и это является коренной ошибкой* тов. Ваганяна.

Остро направленная *против национализма*, тем не менее своей теоретической постановкой книга тов. Ваганяна ведет к *обезоружению партии в борьбе с национализмом* именно потому, что в крупнейших вопросах она перемахивает через партийную линию в национальном вопросе, что, в свою очередь, является следствием его непонимания ряда моментов руководства пролетариата в переходный период—период диктатуры пролетариата.

В конечном счете такая постановка вопроса питает ошибки *недооценки национального момента*, национальных особенностей во всем нашем строительстве, ошибки «*упрощенства*» в вопросах национальной культуры.

* * *

Как Ленин ставил общий вопрос культуры после пролетарской революции? Он говорил:

«Без ясного понимания того, что только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой ее можно строить пролетарскую культуру—без такого понимания нам этой задачи не разрешить.

Пролетарская культура не является выскочившей неизвестно откуда, не является выдумкой людей, которые называют себя специалистами по пролетарской культуре. Это все сплошной вздор. Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества» [1]).

Или в другом месте:

«Наша задача состоит в культурной работе для крестьянства. А эта культурная работа в крестьянстве, как экономическая цель, преследует именно кооперирование. При условии полного кооперирования мы бы уже стояли обеими ногами на социалистической почве. Но это условие полного кооперирования включает в себя такую культурность крестьянства (именно крестьянства, как громадной массы), что это полное кооперирование невозможно без целой культурной революции...

Для нас достаточно теперь этой культурной революции для того, чтобы оказаться вполне социалистической страной, но для нас эта культурная революция представляет неимоверные трудности и чисто культурного свойства (ибо мы безграмотны) и свойства материального (ибо для того, чтобы быть культурными, нужно известное развитие материальных средств производства, нужна известная материальная база)» [2]).

Из этих положений Ленина следует: 1) что мы в нашей стране строим пролетарскую культуру (не «пролетарскую культуру» в понимании Пролеткульта, против чего обрушивался Ленин); 2) что она является продуктом развития знаний, культурного наследия, выработанного при капиталистическом строе, перерабатываемого рабочим классом; 3) что пролетарская культура все больше захватывает и крестьянство: через кооперирование крестьянство под пролетарским руководством подходит к социалистической перестройке хозяйства, перестройке всей своей идеологии; 4) что в меру социалистической перестройки экономики страны, в меру уничтожения капиталистических элементов и возможностей их возникновения, пролетарская культура оказывается культурой всех трудящихся, общечеловеческой, неклассовой культурой.

Тов. Сталин дает такую формулу: «пролетарская по своему содержанию, национальная по форме,—такова общечеловеческая культура, к которой идет социализм» [3]). В этой формуле находят свое выражение все элементы развития культуры после пролетарской революции: 1) развитие пролетарской, классовой в общечеловеческую культуру; 2) развитие в условиях большой пестроты форм (национальных) при едином пролетарском содержании.

У т. Ваганяна другая постановка проблемы культуры:

«Пролетариат не имеет своей классовой культуры... Культура, создаваемая рабочим классом в его борьбе за коммунизм, отнюдь не есть классовая культура. Ее мы назовем... культурой класса»... [4]).

«Культуру пролетариата ни в какой мере нельзя называть классовой культурой, потому что не только по своему происхождению, но и по своим заданиям она отличается от классовой культуры; ее основная цель заключается отнюдь не в том, чтобы увековечить господство рабочего класса,

[1]) Ленин.—Речь на 3-м С'езде ВЛКСМ.
[2]) Ленин.—«О кооперации».
[3]) Сталин.—Речь на собрании студентов КУТВ.
[4]) Ваганян. Стр. 9.

а, как раз, наоборот, в том, чтобы всякое господство всякого класса уничтожить» [1]).

«Вся наша культура представляет собой сгущение, подытоживание классовой борьбы, результат борьбы рабочего класса с буржуазией за уничтожение класса» [2]).

Это рассуждение тов. Ваганяна ошибочно. По т. Ваганяну, нельзя говорить о пролетарской культуре (классовой культуре), ибо «цель культуры пролетариата... в том, чтоб *всякое господство всякого класса уничтожить»*. Совершенно правильно, такова цель пролетариата. А разве в формулу «пролетарская культура» не включено признание того, что пролетариат идет к социализму, к обществу бесклассовому, к культуре общечеловеческой? Включено. Формула «пролетарская культура», включая в себя определение цели пролетариата, охватывает также и *переходный* период, когда пролетариат сломил буржуазию, укрепляет все более свою диктатуру, строит социализм, при этом руководит всеми трудящимися, ведет их за собой, все более и более усиливая свое влияние на них против попыток капитализма возродиться и отвоевать на свою сторону крестьянство,—другими словами, понятием «пролетарская культура» охватывается и переходный от капитализма к социализму период. Формула «пролетарская культура» сама по себе включает и обнимает диалектический процесс перерастания ее в общечеловеческую культуру. Тов. Ваганян странно аргументирует: пролетариат-де не может иметь классовой культуры, ибо не имеет своей целью—в противоположность буржуазии — увековечить свое господство. Но вольно же тов. Ваганяну судить о классово-пролетарском по аналогии с классово-буржуазным! И то и другое одинаково, дескать, должно преследовать цели увековечения классового господства. Пролетариат борется за уничтожение классов, за строй, где не будет и пролетариата, как класса. Но пролетариат идет к уничтожению классов по долгому трудному пути борьбы с буржуазией, борьбы с капиталистическими тенденциями при нэпе, борьбы за руководство промежуточными слоями, представляющими мелкое производство,—другими словами, пролетариат добивается своей цели через долгий переходный период диктатуры пролетариата. Идя к бесклассовому обществу, борясь за него, пролетариат должен выступать в переходный период во всем своем *классовом всеоружии*. И пролетариату нужна его классовая культура, как одно из средств в борьбе за социализм, за уничтожение классов, в частности, за изживание классового характера культуры.

Конечно, при этом пролетариат не строит специфическую «пролеткультовскую» культуру,—пролетариат, обеспечивая содержанием культуры выполнение социалистических целей, в то же время через форму культуры делает ее близкой, понятной, нужной и крестьянину; тем самым пролетариат и в культуре выражает свою роль *гегемона в союзе рабочих и крестьян*.

Тов. Ваганян суживает содержание пролетарской культуры, ограничивая ее определением: *«сгущение, подытоживание* классовой борьбы рабочего класса». Конечно, пролетарская культура начинает строиться в развернутом виде только в итоге победы

[1]) Ваганян. Стр. 12.
[2]) Ваганян. Стр. 11.

пролетариата над буржуазией. Но пролетарская культура не включает в себя только непосредственные результаты и опыт этой борьбы: она включает в себя также и те элементы культуры, которые являлись составной частью буржуазной культуры. Наука, техника, искусства служили в буржуазном обществе капиталу,—после пролетарской революции пролетариат овладевает всем этим наследием буржуазной культуры, строит свою пролетарскую культуру, перерабатывая наследие буржуазной культуры. Безусловно, только опыт классовой борьбы помогает пролетариату овладеть и перерабатывать в целях пролетариата богатства культуры, оставленные от капитализма; в этом смысле «сгущение и подытоживание классовой борьбы» входит составным элементом в понятие пролетарской культуры. Но и «сгущение» и «подытоживание» классовой борьбы не дадут пролетариату всего необходимого для построения нового общества: для этого нужно еще «закономерное развитие» знаний—и культуры вообще,—выработанных до пролетарской революции, и переработка их.

В своих рассуждениях о «культуре класса», культуре пролетариата как «подытоживании и сгущении классовой борьбы» т. Ваганян прямо противопоставляет буржуазную и пролетарскую культуру, не понимая диалектики развития одной в другую. Тов. Ваганян перемахивает через особенности и противоречия переходного периода, его глаза видят «бесклассовое общество» как прямую противоположность буржуазному, не видя особенностей периода диктатуры пролетариата. У т. Ваганяна в его построениях нехватает диалектики.

* * *

Свою общую ошибку в вопросе о культуре т. Ваганян повторяет и в вопросе о национальной культуре. Тов. Ваганян как-то просто и легко сбрасывает со счета все то разнообразие и сложность развития пролетарской культуры в переходный период и ее перерастания в общечеловеческую,—разнообразие и сложность, обусловленные различием ступеней экономического и культурного развития, пестротой экономических форм и укладов.

Отсюда—путаница в понимании т. Ваганяном культуры, создаваемой в условиях национальных отношений при диктатуре пролетариата. Тов. Ваганян, очевидно, не удовлетворен определением: «пролетарская по содержанию, национальная по форме культура»; вместо него, он дает другое, неясное, а потому путаное: «интернациональная культура на национальных языках». К чему это?

Пролетариат, конечно, строит культуру *только, как интернациональную*. Тем самым, понятие «пролетарский» *уже включает в себя понятие «интернациональный»*. Но формула «интернациональная культура» не определяет *классового* содержания культуры.

Понятие «пролетарская культура» покрывает собою полностью понятие «интернациональная культура»,—но не наоборот.

Далее. «Национальная по форме культура»—эта формула охватывает не только *язык*, но и особенности истории, быта и т. д., а т. Ваганян обходит эти особенности, отмечая из национальных моментов культуры только один—язык, как особую черту проле-

тарской культуры, создаваемой в условиях той или иной национальной области, республики.

Об этом упрощенстве т. Ваганяна лучше всего говорят рассуждения относительно формы и содержания культуры. Скрыто полемизируя с формулой т. Сталина «пролетарская по содержанию, национальная по форме культура», тов. Ваганян говорит:

«А как же решается вопрос о содержании и форме? Да, ведь, это один из видов смазывания националистической природы проповедуемых идей, это одна из форм обмана. Является ли язык формой культуры? Оппортунисты не без расчета приравнивают форму культуры национальному обличию.

«Форма культуры не ограничивается ее наружностью, она — ее строение, ее «закон» как говорит Гегель. С этой точки зрения только в обыденном разговоре можно говорить о *национальной* форме культуры, а научный язык, язык марксистской науки, такого дикого словосочетания не признает, ибо *структура культуры, ее строение (т. е. форма культуры) определяется в конечном итоге не языком и нравами, а классовой борьбой»* [1]).

Из этих рассуждений т. Ваганян делает далее тот вывод, что «содержание и форма культуры рабочего класса... едины на всех языках». Верно ли это? Можно ли отрицать наличие разных национальных форм культуры?

Тов. Ваганян совершенно прав, что форма—это не есть обличие, только внешний вид культуры. Форма—это есть структура, строение, соотношение элементов, расположение материала культуры. Конечно, нельзя только язык относить к формам культуры, только в языке отмечать национальные моменты культуры. Национальной формой культуры нужно считать все то, что в культуре обусловлено самой сущностью нации. «Нация—это исторически сложившаяся устойчивость, общность языка, территории, экономической жизни, психического склада, проявляющегося в общности культуры» (Сталин). Нация кладет отпечаток, определяет формы культурного развития, внося в это развитие свои элементы: 1) язык, 2) особенности экономики, соотношение в нем различных хозяйственных укладов, 3) особенности, продиктованные географическими условиями, связанные с территорией, 4) вызванные особенностями истории общественные традиции, 5) особенности быта, обычаи и т. п. Все эти обстоятельства определяют формы той или иной национальной культуры.

Признание влияния классовой борьбы на развитие культуры, ничуть не исключает наличия *особых* (национальных) форм развития по единому социалистическому пути и национальных форм единой по содержанию (пролетарской) культуры. Победа пролетариата, диктатура его, его руководство в отношении крестьян и всех трудящихся данной национальности, особенности в социалистическом строительстве и развитии к социализму данной национальности осуществляются применительно к особым национальным условиям,—тем, которые сложились в итоге долгого исторического процесса, результатов которого обойти нельзя, кото-

---

[1]) Ваганян. Стр. 44, 45.

рый наложил свою печать на общественные отношения в данной национальности. Диктатура пролетариата, социалистическая перестройка экономики, движение к социализму осуществляется и в Ленинграде, и в Московской губернии, в Донбассе, в Казакстане, в Якутии, в Средней Азии, в Азербайджане, в Белоруссии. Но это движение и развитие к социализму идет при огромной пестроте форм, в зависимости от того, на какой ступени экономического и культурного развития застигнута данная национальность и страна пролетарской революции в нашем Союзе. Точно так же—пролетарская культура, единая по своему содержанию, по своему классовому значению, находит разные формы сообразно всем национальным особенностям, а не только языку.

Рассмотрим некоторые элементы культуры. *Наука*, в частности система работы научных учреждений и школы, имеет своей целью: 1) общий экономический и культурный под'ем трудящихся той или иной национальности; 2) обслуживание индустриализации страны (края, области, республики); 3) обслуживание кооперирования деревни; 4) в общем—социалистическую перестройку всей экономики; 5) развитие социалистических, интернациональных, элементов культуры. Эта цель,—т. е. *содержание* работы в области науки, работы научных учреждений и школы—является *единой* в любой из советских национальных республик и областей, пролетарской, т. е. направленной на укрепление диктатуры пролетариата, на развитие социалистического строительства, на построение социализма в условиях каждой из национальных республик. Но огромное разнообразие по своим формам (по «строению», по «структуре») приобретает эта работа в условиях каждой из национальных республик и областей в зависимости от национальных особенностей. Например, научная работа в БССР концентрирует огромную часть внимания на вопросах языка, особенно развивая соответствующие дисциплины в планах научных учреждений, высшей школы; в РСФСР этот вопрос не занимает такого относительно большого места. В области экономики научная мысль УССР особенно много внимания уделяет вопросам экономики и техники промышленности, а в БССР, например, это внимание относительно больше сосредоточено на проблемах лесного и сельского хозяйства. Природные условия также диктуют необходимость развития тех или иных дисциплин, той или иной отрасли научной мысли. Можно привести много примеров. Все это находит свое отражение в «строении», во всем материале научной жизни и мысли, в формах ее,—конкретно—в планах работы научных институтов, в самом их характере, в работе школы.

Литература (искусство вообще) в зависимости от национальных (вообще местных) особенностей имеет дело с тем или иным материалом, материалом города, деревни, местечка, разных экономических укладов. Этот материал очень различен: один—в Ленинграде или промышленном Донбассе и Баку, другой—в районах Средней Азии, сохранивших еще остатки патриархальных отношений; третий—в местечке Белоруссии; четвертый—в районах крепкого крестьянства Сибири. Но литература (в общем—искусство) при чрезвычайном разнообразии материала ставит (по крайней мере, должна ставить перед собой) одну и ту же цель, иметь одно—пролетарское—содержание, одно классовое значение: быть одним из средств для пролетариата руководить всеми тру-

дящимися, строить социализм и построить его, несмотря на самые пестрые национальные особенности. При этом, если литература (искусство вообще) не принимает национальной формы, т.-е. формы, близко и прочно подходящей ко всем местным условиям, особенностям истории, экономики, быта, настоящего уровня экономического и культурного развития, соотношения классовых группировок,—то искусство отрывается от масс рабочих и крестьян, не доходит до масс, выпадает из рук пролетариата, как одно из орудий социалистической перестройки нашей страны. Конечно, тот или иной язык литературы совершенно не определяет того, в какой мере пролетарское (и интернациональное) содержание в литературе по своим формам дойдет до масс, будет организовывать массы вокруг задач пролетариата.

Точно так же вся система культурного строительства (например, система школы, система политпросветительной работы и т. д.), также выдвижение и подготовка, выращивание местных кадров в каждой национальной области и республике—это есть огромная часть строительства культуры. И эта работа может и должна проводиться отнюдь не только «на национальном языке», не применительно к языку только, а применительно ко всем национальным особенностям.

Таким образом, форма культуры—это не есть только язык,—национальная форма культуры соответствует всему содержанию нашего марксистского понятия нации.

Конечно, признавая отличие между собой национальных форм пролетарской культуры, мы *не противопоставляем форму содержанию.* Есть ли такие попытки? Есть. Национал-демократизм, пытаясь маскироваться, протаскивает через национальную форму свое буржуазное содержание в ряде случаев. Пролетариат не приемлет, борется с той культурой, содержание которой не является пролетарским, в которую протаскиваются буржуазные элементы под видом, что-де обеспечивается и защищается национальная форма.

Можно дать примеры по Белоруссии, когда национальная культура теряет классовое содержание, не «форму дает пролетарской культуре», а «отменяет пролетарскую культуру».

Украшение зала «Академической конференции по белорусскому языку» [1]) было подготовлено так, что национальной форме не было дано классового значения; национальная форма была такой, что в нее входило вполне и буржуазное содержание, что из нее было выброшено все, что относится к пролетарскому содержанию: не было портрета Ленина, почти не было красных тонов—цвета пролетарской революции,—вместо красной звезды было изуродованное «стилизованное» «до неузнаваемости» подобие красной звезды. Является ли сам по себе стиль украшенного зала (белорусские узоры, полотнища) несовместимым с пролетарским содержанием? Ничуть нет: лозунги, символы пролетарской революции и ленинизма не противоречили этому стилю, а дали форме содержание.

Другой пример: некоторые обложки настенных календарей Белгиза. Рисунки полны белорусских узоров, в них портреты

[1]) «Акад. конференция» работала в Минске, в конце 1926 г. Ее деловые научные итоги, являющиеся результатом работы белорусских, русских и ряда заграничных ученых, очень значительны и положительны.

поэтов, Скарины—«первого белорусского печатника» и друг. Но форма их такова, что она не говорит о пролетарском содержании. Мелочь, казалось бы: нет лозунгов пролетарской революции, все зарисовано в желтеньких тонах, но эта «мелочь» делает эту обложку чуждой духу пролетарской культуры. Поэтому своим внешним видом этот календарь, широко идущий в массы, не пропагандирует (что является одной из его задач) идей ленинизма. (Якобы «недогадливые» товарищи спросят: но как же это можно, например, обложке с портретом Скарины придать другое содержание? А просто: напечатать возле портрета «Первый белорусский ученый—Скарина. Только теперь используются его труды. Только пролетарская революция создала полные возможности для белорусской культуры развиваться в интересах рабочих и крестьян». Может быть, покороче написать. Это будет, может быть, непонятно кой-кому из ученейших людей, но это правильно поймет каждый рабочий и крестьянин).

Можно найти порядочно подобных примеров, характеризующих проявление национал-демократизма и на русской и украинской почве. Тов. Ваганян приводит примеры из опыта Закавказья.

Перед лицом таких фактов и им подобных (приводимых в его книге) т. Ваганян рассуждает:

«ежели подойти к вопросу с точки зрения классовой борьбы, с точки зрения диалектики, то нужно сказать, что и содержание и форма культуры рабочего класса, несмотря на различие языков, едины на всех языках—интернациональны».

Другими словами, очень просто решается вопрос: так как некоторые буржуазные идеологи пытаются под национальной формой протащить непролетарское содержание, то надо вообще сбросить со счета национальные особенности,—к этому ведет теоретическое построение т. Ваганяна, несмотря на его оговорки в практической части книги. Обойдя особенности развития культуры в Ленинграде, Средней Азии, Армении и т. д., надо оставить в скобках только язык! Такая линия привела бы партию к сдаче своих позиций национал-демократизму, ибо тогда *он* использовывает формы культуры, наиболее доступные трудящимся данной национальности, напихивая в них *свое* буржуазное содержание. *Мы* же, якобы борясь за чистоту принципов интернационализма, промахиваем мимо всех национальных особенностей, мимо национальных форм культуры, тем самым ослабляя руководство пролетариата.

* * *

Корень ошибки т. Ваганяна в том, что он никак не понимает, что:

«лозунг национальной культуры был лозунгом буржуазным, пока у власти стояла буржуазия, а консолидация наций происходила под эгидой буржуазных порядков. Лозунг национальной культуры стал лозунгом пролетарским, когда у власти стал пролетариат, а консолидация наций стала протекать под эгидой советской власти» [1]).

Именно поэтому т. Ваганян направляет сказанное Лениным в 1913—14 гг., до пролетарской революции, против политики партии в национальном вопросе после пролетарской революции.

[1]) Сталин.—Речь на собрании в КУТВ.

Тов. Ваганян пытается опереться на Ленина, Лениным обосновывать свои ошибки в вопросе о национальной культуре. Трудно подыскать лучшие образцы того, как можно «использовать букву марксизма против духа марксизма»,—лучшие, чем дает тов. Ваганян! Его ссылки на Ленина показывают, как нехватает в его «теории» понимания исторической обстановки, значения связи с ней лозунгов и всей политики партии, как мало диалектики, замененной в очень и очень многих случаях ловким жонглерством цитатами и сильными фразами.

Действительно, Ленин в 1913 г. (особенно в «Критических заметках по национальному вопросу») очень основательно сказал о «национальной культуре». Но *как* сказал, *когда*, *в какой связи* обстоятельств, *против кого?*—разве может серьезный марксист ссылаться на Ленина без ответа на эти вопросы.

Правильно, Ленин говорит:

> «Буржуазия всех наций в Австрии и в России под лозунгом «национальной культуры» проводит на деле раздробление рабочих, обессиление демократии, торгашеские сделки с крепостниками о продаже народных прав и народной свободы.
>
> Лозунг рабочей демократии не «национальная культура», а интернациональная культура демократизма и всемирного рабочего движения. Пусть буржуазия обманывает народ всякими «позитивными» национальными программами» [1]).
>
> «Прикрывается буржуазная (и буржуазно-крепостническая) тенденция лозунгом «национальной культуры». Во имя национальной культуры—великорусской, польской, еврейской, украинской и проч.—обделывает реакционные и грязные делишки черносотенцы и клерикалы, а затем и буржуа, всех наций» [2]).

Ленин спрашивает:

> «Допустим ли для марксистов, прямо или косвенно, лозунг национальной культуры, или обязательно против него проповедывать на всех языках, «приноровляясь ко всем местным и национальным особенностям—лозунг интернационализма рабочих»? [3]).

И отвечает:

> «Лозунг национальной культуры есть буржуазный (а часто и черносотенно-клерикальный) обман. Наш лозунг есть интернациональная культура демократизма и всемирного рабочего движения» [4]).

Против чего выступает здесь Ленин? Против раздробления рабочих, против обмана их националистическими лозунгами, против буржуазного национализма на место пролетарского интернационализма, *против лозунга «национальной культуры», как прикрытия для политики буржуа, крепостников, черносотенцев и клерикалов*. Ленин видит, что именно лозунг «национальной культуры» превращен буржуазией в крепчайшее орудие в условиях тогдашней современности (1913 г.),—он говорит:

> «Национальная культура буржуазии есть факт (при чем, повторяю, буржуазия везде проводит сделки с помещиками и попами). *Воинствующий буржуазный национализм*, отупляющий, одурачивающий, раз'единяющий рабочих, чтобы вести их на поводу буржуазии,—вот *основной факт современности*» [1]).

[1]) Ленин, XIX т., стр. 40, 41.
[2]) Там же, стр. 42.
[3]) Там же, стр. 43.
[4]) Там же, стр. 42.

«Воинствующий буржуазный национализм... основной факт современности»! Вот почему, во имя интернационального сплочения рабочих (а Ленин видел, к какому краху двигался на всех парах Интернационал),—Ленин борется с лозунгом «национальной культуры», ставшим *боевым оружием в руках буржуазии*. Ленин борется так же против агентов буржуазии в рабочем классе, против бундовцев в данном случае, которым буржуазия вкладывает в свои руки свое оружие, он говорит о буржуазной политике Бунда:

> «Отстаивая лозунг национальной культуры, строя на нем целый план и практическую программу так называемой «культурно-национальной автономии», бундовцы на деле выступают проводниками буржуазного национализма в рабочую среду» [2]).

Есть ли у Ленина огульное отрицание национальной культуры, как лозунга, являющегося частичным относительно общего принципа равноправия наций и языков, самоопределения наций? Нет этого и не могло быть. Ленин выступает против «веры во внеклассовую национальную культуру» (стр. 43), против «противопоставления одной национальной культуры в целом другой якобы целой национальной культуре» (стр. 51), против немарксистского, бесклассового анализа, принятия лозунга без учета классового содержания национальной культуры.

И об этом очень много, очень твердо, говорит Ленин. Почему тов. Ваганян эти мысли Ленина обходит? Потому, что ему требуется провести схоластическую операцию над марксистским анализом лозунга Лениным.

Ленин говорит:

> «Интернациональная культура не безнациональна» [3]).
>
> «Есть *две нации* в каждой современной нации—скажем мы всем национал-социалам. *Есть две национальные культуры* в каждой национальной культуре. Есть великорусская культура Пуришкевичей, Гучковых и Струве—но есть также великорусская культура, характеризуемая именами Чернышевского и Плеханова. Есть такие же две культуры в украинстве, как и в Германии, Франции, Англии, у евреев и т. д.» [4]).

И тов. Ленин дает ключ к пониманию вопроса о национальной культуре:

> «*Значение лозунга национальной культуры определяется об'ективным соотношением всех классов данной страны и всех стран мира*» [5]). (Подчеркнуто мною. *А. К.*).

Сделал ли что-нибудь тов. Ваганян, чтобы по-марксистски раскрыть значение лозунга «национальной культуры» *до* и *после* пролетарской революции, чтоб проанализировать разницу в соотношении классов нашей страны, в особенности в постановке

[1]) Ленин, XIX т., стр. 41.
[2]) Там же, стр. 45.
[3]) Там же, стр. 43.
[4]) Там же, стр. 50.
[5]) Там же, стр. 43.

национального вопроса в нашей стране теперь, вообще—в каждой стране после пролетарской революции? Ничего не сделал. Но тов. Ваганян на протяжении всей теоретической части своей книги, иногда более ясно, иногда противореча себе, сделал все, чтобы запутать постановку вопроса у тт. Ленина и Сталина и тем самым скривить линию партии в национальном вопросе, именно увлекся, вопреки предупреждениям Ленина, «пустыми общими принципами», «декламациями и фразами», вместо того, чтобы «сличать лозунги с интересами и политикой классов».

Не только лозунг «национальной культуры» меняет свое значение после пролетарской революции. Вспомнить хотя бы лозунг «защиты отечества»: сколько предательства, подлости, оппортунизма, зоологического шовинизма буржуазии связано с этим лозунгом, когда он является орудием буржуазии. Однако, никому в голову не придет поднять голос против нашего пролетарского лозунга о защите социалистического отечества. Даже в применении к угнетенной нации, когда ее борьба имеет значение выступления против империализма, Ленин считает лозунг «защиты отечества» правильным:

> «Отрицать то, что аннектированная Бельгия, Сербия, Галиция, Армения назовут свое «восстание» против аннектировавшего «защитой отечества» и назовут правильно, едва ли кто решится» [1]).

Можно и еще много примеров привести того, как новое соотношение классов дает новое содержание лозунгу, делает его орудием в руках пролетариата,—из буржуазного лозунга делает лозунгом пролетариата.

Правда, у тов. Ваганяна прорывается некоторое понимание того, что он в своих рассуждениях о культуре делает ошибки против марксизма, но он быстро отворачивается от этого признания и добавляет новые ошибки.

Тов. Ваганян пишет:

> «Помилуйте,—немедленно следует в ответ,—Ленин писал все это когда еще? То было до империалистической войны, а мы теперь решили у себя национальный вопрос. Ну, и что же? Разве этим что-либо изменяется в вопросе «о национальной культуре». Уже не говоря о том, что «национальная культура буржуазии», к несчастью, еще продолжает оставаться «фактом» на 5/6 мира,—решение нами национального вопроса не только не меняет старое решение вопроса о национальной культуре, но его только ставит еще резче и решительнее.
>
> Возражающие путают «национальную культуру», природу которой мы выше пытались выяснить, с вопросом *о культуре на национальном языке*» [2]).

Здесь в нескольких строках несколько ошибок: 1) речь идет не о том, что было «до империалистической войны», дело не в войне, а в пролетарской революции. Война сама по себе не изменила коренным образом соотношения классов, революция же изменила это соотношение в бывшей России в корне. Ссылка тов. Ваганяна на империалистическую войну, а не на пролетарскую революцию, особенно выпукло подчеркивает непонимание им всего значения для лозунга изменения соотношения классов после Октября. 2) Если «национальная культура буржуазии продолжает оставаться фактом на 5/6 мира, пролетариат СССР не может так рассуждать, как в 5/6 мира, как в капиталистическом мире. Господство буржуазии в 5/6 мира ничуть не отменяет обязательности учесть факт господства пролетариата в одной шестой мира. 3) Применительно к лозунгу «национальной культуры» совершенно очевидно, что новое соотношение классовых сил в нашей стране внесло много нового и в соотношения сил вне нашей страны, ибо разрешение национальной проблемы в СССР дало совершенно новое яркое освещение лозунгам национальной политики во всем мире, организует рабочих и крестьян угнетенных стран мира, усиливает их наступательные позиции,—другими словами вносит много нового в национальный вопрос во всем мире. Тем самым и лозунг «национальной культуры» видоизменяется в сознании трудящихся мира, больше дифференцируется, поскольку опыт СССР дает новый осязательный смысл нашему лозунгу «пролетарская (по содержанию), национальная (по форме) культура». Опыт СССР показывает всем трудящимся, что в условиях *диктатуры пролетариата* лозунг национальной культуры становится лозунгом трудящихся. С другой стороны, опыт СССР постоянно разоблачает перед глазами трудящихся всего мира попытки буржуазии протащить под видом этого лозунга свое влияние на трудящиеся массы.

---

1) Ленин, XIX т., стр. 191.

2) Ваганян, стр. 140.

Можно было бы указать и еще ряд ошибок тов. Ваганяна,—примеров неверной, утрированной трактовки соотношения русской и других культур, вопроса об интеллигенции, о колониях и др., можно указать на ряд противоречий в его книге,—ограничимся важнейшими вопросами, затронутыми в книге «О национальной культуре».

* * *

Нужно сказать, что Ваганян-практик гораздо ближе к правильной линии, чем Ваганян-теоретик. Очевидно, практический опыт строительства культуры хорошо поправляет теоретические вывихи и искажения, подсказывая верную постановку практических вопросов. Этих противоречий в книге много, они говорят о значительной «беглости» в проработке вопроса. Например: характерно положение тов. Ваганяна: «Интернациональная культура... не может проникнуть в сознание трудящихся данной нации иначе, как облекаясь в конкретную одежду быта и истории, близкой этой массе» (стр. 146). «Конкретная одежда быта и истории»—это уже, конечно, не «обличие» только,—это форма культуры; это уже не только «национальный язык» пролетарской по содержанию интернациональной культуры.

Кончаем.

Книга тов. Ваганяна содержит грубейшие теоретические ошибки. Их сущность: недоучет особенностей переходного периода, обусловленных большим удельным весом мелкого производства в стране, отсюда вытекающий недоучет национального момента во всем строительстве. Именно поэтому книга т. Ваганяна поддержит ошибочную тенденцию ряда товарищей в национальных организациях ВКП к «недоучету местных национальных особенностей». В ряде вопросов тов. Ваганян дает образцы того, как «используется буква марксизма против духа марксизма».

М. Рубинштейн.

К характеристике экономики Китая.

I. Промышленное развитие Китая.

Для оценки движущих сил и перспектив китайской революции громадное значение имеет ясное представление о степени и темпе промышленного развития Китая. Последние десятилетия Китай переживал глубочайшие экономические сдвиги. В их результате с небывалой быстротой менялись социальные отношения, быт, психология. Только на основе этих изменений стал возможен нынешний размах революционного движения, вовлечение в него миллионных масс. Между тем значение и быстрота этих сдвигов в экономической области обычно недооцениваются, и при их оценке делается ряд ошибок, вытекающих как из недостаточного знакомства с современным положением Китая, так и методологически неверных сопоставлений.

Например, при оценке промышленной продукции Китая рядом иностранных и русских исследователей делается совершенно никчемное сравнение с душевой нормой потребления в Соед. Штатах или Англии.

Для оценки значения пролетариата, как ударного отряда революции, основной интерес для нас представляет темп развития и абсолютная величина продукции. При сравнении этих абсолютных величин с другими странами гораздо бо́льший интерес, чем ничего не говорящие аналогии с Соед. Штатами или Англией, представляет сравнение с Россией 1905 и 1917 гг. При таком сравнении мы получаем картину, значительно противоречащую многим обычным представлениям.

Промышленное развитие Китая, как в свое время Англии и Соед. Штатов, началось с текстильной промышленности. Но темп ее роста значительно превысил все исторические примеры. За последнее десятилетие число веретен в хлопчато-бумажных фабриках современного типа увеличилось вчетверо, достигнув 3½ миллионов.

Но число веретен не дает достаточного представления о текстильной промышленности Китая, так как на одно веретено, вследствие работы круглые сутки, там приходится в среднем втрое большая продукция, чем в Европе при обычной довоенной нагрузке. А так как текстильная промышленность Зап. Европы после войны почти повсюду работает неполную рабочую неделю, разница становится еще ярче. Так, например, Китай обладает почти таким же количеством веретен, как маленькая Чехо-Словакия. Но переработка хлопка этими веретенами за вторую половину 1926 г. была в пять раз выше, чем в Чехо-Словакии, в 1½ раза выше, чем в Германии или Франции и лишь на 30% ниже Великобритании. Если взять данные Международной федерации хлопчато-бумажных фабрикантов о потреблении хлопка промышленностью за весь 1926 г. [1]), то мы получим следующий порядок стран: 1-е место, как и до войны, занимают Соед. Штаты, второе впервые заняла Япония, отодвинув Англию на 3-е. 4-е место, как и до войны, принадлежит Индии, а 5-е Китаю. Лишь вслед за Китаем идет СССР, а затем Германия, Франция, Италия и др.

По концентрации хлопчато-бумажных предприятий и среднему их оборудованию современный Китай стоит выше довоенной России. Среднее число рабочих на предприятие (около 2.000) выше, чем где бы то ни было в Европе.

Большинство фабрик оборудовано вполне современными английскими станками, но за последние годы основную роль в импорте текстильных машин начали играть Соед. Штаты. В то время как еще в 1917 г. все веретена и станки в хлопчато-бумажной промышленности Китая были британского происхождения, в 1926 г. имелся уже миллион с четвертью американских веретен, т. е. более ⅓ общего числа. В то же время из 23.000 ткацких станков имеется 5.000 американских последних образцов. В большей части крупных фабрик машины и станки снабжены отдельными электрическими моторами, что далеко не является столь частым даже в текстильной промышленности Германии и Англии.

Таким образом, текстильная промышленность Китая (как хлопч.-бумажная, так и шелковая, на которой мы не будем здесь останавливаться), является уже весьма серьезной величиной даже в международном масштабе. Роль ее в экономике Китая, воздействие на кустарное производство, сельское хозяйство и т. п. чрезвычайно велики.

По добыче угля (22,7 милл. тонн) современный Китай стоит значительно выше России 1905 г. (15 милл. т.), немногим уступает России 1913 г. (29 милл. т.) и СССР в настоящее время.

Значительно отстал Китай, даже по сравнению с Россией 1905 г. в добыче жел. руды и металлургии,—области, где задерживающее влияние иностранного империализма сказалось особенно сильно.

О продукции металлообрабатывающей промышленности нет никаких статистических данных. Она возникла совсем недавно, но все же привела уже к развитию ряда очень сложных предприятий. Например, судостроение получило большее развитие, чем в довоенной России. Из 53 верфей Китая некоторые строят целиком очень крупные океанские пароходы, моторные суда и т. п., ничем не уступающие европейским. Значительное развитие получила военная промышленность. Многие из китайских арсеналов целиком изготовляют револьверы, винтовки, пулеметы, полевые и горные орудия, бездымный порох, даже удушливые газы. Очень характерным показателем экономических сдвигов страны является увеличение числа электрических станций с 12 в 1913 г. до 400 в 1925 г. Правда, большинство из них представляют мелкие, работающие лишь для освещения установки, но пионерское значение их в глухих районах само собой понятно.

---

[1]) «Wirtschaft und Statistik», 1927 № 4 и «Manchester Guardian Commercial», 1927, 10 марта.

2 фабрики электрических ламп—очень тонкой отрасли электрической промышленности—не только покрывают большую часть внутреннего спроса, но и работают на экспорт.

В других отраслях обрабатывающей промышленности мы также имеем ряд предприятий, по размерам и техническому оборудованию не уступающих европейским. Как характерный пример отметим хотя бы сооруженный несколько лет назад в Цинвантао завод по механическому изготовлению стекла способом Фурко, считающийся наиболее крупным и оборудованным в мире. Шанхайская электрическая станция также считается одной из крупнейших в мире и дает самый дешевый ток из всех угольных станций.

Громадная типография «Коммерческой прессы» не уступит по оборудованию лучшим европейским, превышая их размерами. Такие же примеры можно привести и из других отраслей производства. Они ярко показывают, как современная техника переносится в страны молодого капитализма в своих последних формах, сразу перескакивая через ряд промежуточных ступеней.

Эти сдвиги сказались и на внешней торговле. Сырье составляет в экспорте Китая около 73%—процент меньший, чем в довоенной России.

Экспорт чисто фабричных изделий из Китая в 1922 г. составлял 130 милл. таэлей. При этом не засчитывается играющий основную роль в экспорте шелк-сырец, причисляемый к сырью, но по существу являющийся полуфабрикатом.

Общий об'ем внешней торговли Китая за 1925 г. составлял около 2 миллиардов 700 миллионов рублей, т.-е. был значительно выше России 1905 г. ($1\frac{1}{2}$ миллиарда) и несколько выше России 1913 г. (2,4 миллиарда).

Это показывает весьма значительную степень вовлечения страны в мировой товарооборот, что сказывается, разумеется, на всей экономике страны. В дальнейшем мы еще остановимся на изложении форм воздействия внешней торговли на экономику Китая.

Обычно считают, что единственными пунктами современной промышленности в Китае являются несколько основных договорных портов—Шанхай, Ханькоу, Тянцзин, Циндао.

Для настоящего времени это неверно. Об'ездивший Китай представитель английской независимой рабочей партии Мелон несколько комично сообщает в своем отчете, как он «открыл» лежащий на жел. дороге город с миллионным населением и несколькими десятками тысяч фабричного пролетариата. При просмотре китайских экономических журналов такие «открытия» можно делать пачками. Вот, например, город Нантунчоу, быстро выросший за последнее десятилетие, насчитывающий свыше миллиона жителей, имеющий ряд вполне современных текстильных фабрик с десятками тысяч рабочих, машиностроительные заводы, спичечные и др. предприятия, кино-фабрику, большую электрическую станцию, автобусное сообщение с соседними городами и т. п. Или быстро индустриализирующиеся города Кашинг и Сиаши в Чжецзяне, где в течение нескольких последних лет новые фабрики с современными машинами быстро оттесняют домашнее производство.

В городе Ханьчжоу за один только 1926 г. пущены в ход следующие новые фабрики: 3 бумагопрядильных, 2 шелковых, 2 металлообрабатывающих, 1 завод текстильных машин и принадлежностей к ним, несколько кожевенных, ленточных, вязальных и др.

Даже в глухих западных провинциях Шеньсу и Кансу, где еще в 1915 г. не было ни одного предприятия с механическим двигателем, теперь имеется около 2 десятков средней величины фабрик современного типа.

Таких примеров можно привести десятки. Они показывают, что хотя бы ростки современной промышленности разбросаны по всей стране; их влияние на экономику окружающих районов гораздо больше, чем можно было бы судить по непосредственным цифрам производства и числу занятых рабочих.

Ленин в 1912 г. цитировал статью Суи-Ят-Сена, в которой последний, «признавая то, что признать заставляет жизнь», пишет, что «Китай стоит накануне гигантского промышленного (т.-е. капиталистического) развития, «что «через 50 лет у нас будет много Шанхаев», т.-е. миллионных центров капиталистического богатства и пролетарской нужды и нищеты». Война, как и во многих других областях чрезвычайно ускорила темп этого развития. Не через 50, а уже через 15 лет мы видим в Китае, если не «много Шанхаев», то много «кусочков» Шанхая, разбросанных по всей стране.

Разумеется, в Китае, и в особенности в китайской деревне, *чрезвычайно еще сильны остатки докапиталистических отношений, пережитков феодализма в самых разнообразных видах*. Пестрота технического уровня и хозяйственных укладов не меньшая, чем в дореволюционной России. Последние достижения современной техники уживаются рядом с допотопнейшими орудиями производства—верфи, сооружающие громадные моторные суда, фабрики электрических ламп, механизированный до последней степени стекольный завод и не изменявшиеся (по типу) столетиями деревянные станки; аэропланы, моторные лодки и автобусы рядом с человеком-лошадью, тележками с скрипучими, немазанными колесами, бурлаками, переноской тяжестей на людях на сотни верст. Деревянная мотыга, соха и приводимое в движение ногами водяное колесо рядом с интенсивнейшими культурами, кой-где с орошением при помощи электрических моторов.

Докапиталистический семейный уклад, остатки рабства, средневековых отношений закрепляются громадным развитием торгового и ростовщического капитала,—и все это существует на ряду с разнообразнейшими видами ремесла и классическими формами мануфактуры, с современной промышленностью и «последним словом» финансового капитала.

Ясно, что эта пестрота укладов не может быть изжита в короткий срок. Но в общем и целом все имеющиеся данные о современной китайской экономике показывают, что было бы совершенно неправильным представлять так стремительно выросшие в Китае ростки новейшей крупной промышленности в виде каких-то изолированных от окружающей среды «оазисов». Несмотря на то, что техника пересаживалась в Китай в своих новейших формах извне, она находила для своего развития уже в известной мере подготовленную почву. В китайской деревне натуральное хозяйство все быстрее уходит в вечность, разложение крестьянского хозяйства, его втягивание в товарный оборот, расслоение на сельскую буржуазию и с.-х. пролетариат значительно про-

двинулись в Китае вперед, несмотря на массу пережитков средневековья, задерживающего развитие капиталистических отношений, накладывающего путы на рост производительных сил.

II. Сдвиги кустарной промышленности и работы на дому.

Проникновение товарного обращения, а затем капиталистическое расслоение и разложение мелких товаропроизводителей чрезвычайно легко проследить, прежде всего, в области работы на дому, ремесла, кустарной промышленности и т. п., имеющих в Китае такое громадное распространение и значение. Откладывая вопрос об экономических отношениях *деревни* на дальнейшее, остановимся на кустарной промышленности.

В своих первоначальных формах работа на дому и ремесло почти не выходят из круга натурального хозяйства. Их продукты не являются товаром. Когда на следующей стадии ремесленники хотя бы частично становятся товаропроизводителями, продукты их не выходят за пределы крайне узкого местного рынка. Формы производства, об'ем продукции, цены и т. п. почти не изменялись в Китае многие столетия, переходили из поколения в поколение.

Проникновение капитализма вызвало глубочайшее изменение всего характера мелкого производства и работы на дому. Фабричные продукты как иностранные, так за последнее десятилетие и китайские, проникают теперь в самые глухие и отдаленные уголки страны. По замечанию одного американского обследователя, в любой деревне Китая можно купить керосин Стандарт-Ойль, папиросы Британско-Американского треста, спички, шанхайские или японские ткани, даже пресловутую жевательную смолку Рэйли. Фабричные ткани и др. изделия продаются прежде всего потому, что они оказываются дешевле домашних.

Поэтому первым и важнейшим следствием проникновения капитализма в Китай для работы на дому, ремесла и кустарной промышленности был резкий кризис, *значительное сокращение* занятых в этих отраслях рабочих рук. Вследствие несравненно большей производительности машинного труда выталкивание рабочих рук из мелкого домашнего производства идет относительно гораздо быстрее, чем развитие рынка для фабричных продуктов.

Особенно катастрофическим было падение числа занятых в хлопчато-бумажном кустарном производстве, а также в шелковом, сахарном, табачном и маслобойном, т.-е. как раз в тех областях, где имело место наибольшее развитие фабричной промышленности.

Описательные материалы по отдельным провинциям дают несомненную картину резкого кризиса в ряде отраслей мелкого производства под влиянием проникновения фабричных изделий, ухода и разорения значительных масс кустарей. Лишь небольшая часть ремесленников и кустарей поглощается ростом фабричной промышленности. Остальные тщетно пытаются найти применение в переполненном сельском хозяйстве.

Оставшиеся в кустарной промышленности и ремесле держатся лишь посредством дальнейшего понижения потребностей, удлинения рабочего дня, усиления интенсивности труда. Доход их большей частью уступает даже нищенской зарплате рабочих

крупной промышленности. Санитарная обстановка труда в жалком, переполненном жилом помещении еще хуже, чем на фабрике, работа всей семьей продолжается по 14—16 часов в сутки. Эта отчаянная, хотя и безнадежная конкуренция с фабрикой посредством «добровольного» выжимания пота миллионов мелких производителей постоянно давит на условия труда фабричных рабочих, снижает их ниже самых жалких прожиточных минимумов.

Еще большее значение имеют глубокие структурные изменения кустарного производства и работы на дому под влиянием капитализма. Одновременно с общим падением мелких производств этих типов, ряд отраслей их возникает вновь, многие из старых приобретают совершенно другой характер.

Так, например, многие отрасли работы на дому и кустарной промышленности в Китае связываются с фабричным полупродуктом. Крестьянки ткут на домашних станках ткани из фабричной пряжи, изготовляют из нее кружева, вяжут носки и чулки. Продукция почти целиком идет на рынок.

Во многих районах приморских провинций кустари и работающие на дому перешли за последние годы на значительно более усовершенствованные станки и машины; часть из них пользуется при этом наемным трудом.

В Шандуне более состоятельные крестьяне устраивают в своих хижинах настоящие небольшие мануфактуры, нанимая на работу соседей. В одном лишь из районов Шандуня насчитывается в 10.000 крестьянских хозяйств, свыше 40.000 ткацких станков новой конструкции, при чем работа идет большей частью в 2 смены, так как ткачей имеется по деревням значительно больше, чем машин. Продукция целиком идет на продажу, большей частью на ярмарках, где она скупается городскими агентами; через них же покупается фабричная пряжа.

В округе Тингчоу[1]) (Чжили) значительная часть населения занята домашним ткачеством, продукция которого (около 2 милл. кусков ежегодно) почти целиком вывозится в Шанси, Чахар и Монголию. Работа идет на усовершенствованных деревянных станках, часто и на железных; станки старого типа быстро выходят из употребления. Использовывается почти исключительно фабричная пряжа с фабрик Тсенгчоу (Хэнань), при чем характерно, что наиболее распространенная марка пряжи в этом глухом углу носит название «Аэроплан».

Совершенно такие же описания имеются и для ряда других провинций.

Все большую роль для кустарного производства приобретает торговый капитал в лице индивидуальных скупщиков или агентов более крупных фирм, снабжающих кустарей сырьем и организующих для них сбыт.

Как отмечал Ленин для России, скупщики «создают для мелких производителей крупный сбыт, отделяют производителей от потребителей, выделяют торговлю в особую функцию, в то же время связывая работающих на дому по рукам и ногам, ставя их в «беспомощное и жалкое положение». То же самое мы видим и в современном Китае, где даже в таких отдаленных провинциях, как Сычуан, значительная часть кустарного про-

[1]) «Chinese Economic Bulletin», № 318.

изводства (особенно шелкового) работает на экспорт и целиком зависит от скупщиков.

Наконец, в ряде описаний мелкого производства в Китае мы видим всеобщее распространение форм, являющихся дальнейшей стадией капиталистического развития. Это—капиталистические формы работы на дому, когда скупщик, торговый капиталист, иногда даже фабрика, непосредственно раздает кустарям материал (полуфабрикат) и получает от них готовые изделия, уплачивая за работу определенную сдельную плату.

Как писал Ленин, в этих случаях «кустарь—на деле наемный рабочий, работающий у себя дома на капиталиста: торговый капитал скупщика переходит здесь в промышленный капитал».

С особенной яркостью проявляются эти формы работы на дому в быстро развившемся в приморских провинциях вязальном производстве. Не только материал поставляется здесь работникам специальными компаниями, но большей частью ими же сдаются «на прокат» и машины (часто последних американских образцов). Как в пригородах Шанхая, так и во всех почти городках провинции Цзянсу, в меньшем масштабе также в Чжецзяне, Хубее и др., выросли за последние годы многие сотни таких компаний, поставляющих на городские рынки носки, чулки, вязаное белье и т. п.

Такой же характер носит кружевное производство в Вуси, которым занято в этом районе 50—60 тысяч женщин, производящих ежегодно на миллионы долларов кружев. Продукция почти целиком экспортируется, главным образом, в Соединенные Штаты, отчасти в Англию и Францию. Ряд компаний с довольно значительными капиталами через многочисленных агентов раздают по всем деревням района нитки,—вместе со счетной книжкой каждой работницы, где отмечается выданный материал, полученный продукт и сдельная плата. Такой же характер носит в настоящее время производство кружев в окрестностях Ханькоу и в некоторых районах Шандуня.

Всюду «компрадор» снабжает рабочих на дому материалами и образцами—иногда через агентов, иногда в своей «фабрике», являющейся на деле лишь складом. Продукцию он продает экспортным фирмам, иногда, кроме того, сам открывает лавку в городе. Рабочие специализируются на разных сортах изделий. Вследствие сильной конкуренции зарплата их нередко опускается до 10—20 центов в день.

За последнее время повышение импортных пошлин в Соед. Штатах вызвало резкий кризис производства и еще большее ухудшение положения работников, целиком связанных тенетами хищнических фирм.

В типичных городках кустарной промышленности Янгчоу и Чонкинге многие тысячи семейств заняты машинным вязаньем. Машины большей частью сдаются на прокат несколькими крупными компаниями, заключающими контракты с каждым работником, где оговаривается даже определенная производительность труда. Сходные формы описываются в Чжецзяне, кое-где в Гуандуне.

Еще дальше идет зависимость работников в таких случаях, когда, напр., китайские спичечные и др. фабрики сдают в окрестные деревни коробки для оклейки женщинами на дому.

Чисто капиталистический характер приобретает постепенно и кустарное металлическое производство. Например, в районе Тянцзиня многочисленные мелкие мастерские, изготовляющие примитивные с.-х. орудия и домашнюю утварь, провели за последнее десятилетие значительное переоборудование и модернизацию. В период послевоенного «бума» (1918—21 гг.) на них был огромный спрос для ремонта и смены частей в текстильной, мукомольной и др. отраслях промышленности. Но затем, в результате кризиса, отсутствия кредитов и т. д., большая часть из них закрылась, и сохранились лишь более крупные, могущие производить ряд мелких машин, домашних ткацких станков, водяных насосов и т. п. За последние годы они работают, главным образом, на армию и превратились в чисто капиталистические предприятия. В Шанхае и др. промышленных городах выросли многочисленные предприятия такого же типа—механические, починочные и т. п. мастерские, часто пользующиеся электрическим током и довольно совершенными машинами.

Но в общем и целом кустарная промышленность показывает за последние годы тенденцию к переходу в захолустья, где ниже потребности и уровень жизни и поэтому можно навязать работникам еще более низкую заработную плату.

Таким образом, мы видим, как на ряду с общим падением числа кустарей, ремесленников и работающих на дому происходят глубокие сдвиги мелкого производства. Оно почти целиком начинает работать на рынок. Все большую роль приобретает скупщик. Резко сказавшийся во многих отраслях этих производств кризис сбыта еще более усиливает расслоение. Наконец, все большее распространение приобретает чисто капиталистическая работа на дому, как непосредственный «придаток фабрики».

Как отмечал Ленин, «домашние рабочие — самая крупная часть резервной армии капитализма, одна из форм относительного перенаселения, свойственного капитализму... Они то притягиваются массами фабрикой, то выбрасываются скачкообразным ростом машинной промышленности».

В то же время так распространенные в Китае ремесло и мануфактура подготовляют «искусных рабочих для машинной индустрии отдают ей часть своих «виртуозов и калек разделения труда». Большая часть разнообразнейших форм кустарного производства в Китае—как и в тогдашней России—«тесно и неразрывно связана с фабрично-заводской промышленностью».

III. Экономика китайской деревни.

1. Элементы докапиталистических отношений в китайской деревне.

Было бы глубоко вредным для правильности анализа положения в Китае отрицать, замалчивать или преуменьшать громадные по распространению и значению элементы докапиталистических отношений, средневековых, полукрепостнических остатков в экономике китайской деревни.

Несмотря на проникновение новых, капиталистических отношений, нелепо отрицать и, в то же время, не трудно понять ряд важнейших явлений, свидетельствующих о величайшей экономической и социальной отсталости китайской деревни, осо-

бенно резко выделяющейся в сравнении с современными формами капитализма в городской крупной промышленности.

На каждом шагу дают себя знать остатки докапиталистических отношений, разнообразнейшие формы полукрепостнической, барщинной эксплоатации, технической, а с ней и социальной косности, пережитки патриархального родового быта.

Правда, крупное помещичье землевладение не играет в большинстве провинций Китая преобладающей роли, и обширные латифундии насчитываются большей частью лишь десятками, иногда даже единицами на провинцию. Но все же во многих районах (Гуандунь и др.), мы имеем относительно весьма крупных помещиков чисто феодального типа.

Американский профессор Вильямс, бывший поверенным в делах Соед. Штатов в Китае и проживший там 35 лет, сообщает по личным впечатлениям много интересных штрихов о быте помещиков в окрестностях *Нанкина*[1]). Вот, например, деревня, где крупнейший местный землевладелец является одновременно как бы главою клана, истолкователем законов и хранителем традиций, опекуном храма и, что еще важнее, распорядителем общественных хлебных запасов, сохраняемых в храме. Он живет в обширных и основательных кирпичных постройках вместе с семьями младших братьев и сыновей, окружен многочисленными чадами, домочадцами и слугами. Такие средневековые уголки сохранились даже в районе на юг от Нанкина, особенно затронутом восстанием тайпинов. В районах, нетронутых восстанием, их гораздо больше. Например, тот же Вильямс восторженно описывает, как «образцовую ферму», большое чисто помещичье землевладение в северном Цзянсу—основательные здания и дворы, со всех сторон окруженные стенами, крепкие амбары, доверху наполненные получаемой с крестьян пшеницей, большое количество скота и примитивных сельскохозяйственных орудий. Тут же внутри стен семейный храм и родовое кладбище. В доме, помимо многочисленной родни,—масса слуг, чисто патриархальный быт. Вильямс с восторгом подчеркивает «изобилие и довольство» этого «лэндлорда», резко выделяющееся на фоне чрезвычайной нищеты и разорения в окружающей местности.

По утверждению Вильямса, таких и более крупных поместий в части *Цзянсу* севернее Янцзы имеется немало. Одна семья владеет 400.000 му, другая—300.000, целый ряд имеют по 40—70.000 му. Более мелкие насчитываются сотнями. Многим храмам также принадлежит по 3—5.000 му. В *Чжили* и *Шандуне* есть поместья по 10.000 му. Еще крупнее поместья в *Манчжурии*. Много крупных помещиков имеется и на юго-востоке в районе *Сватоу*.

Но гораздо большее значение имеют многочисленные более мелкие землевладельцы, в китайских условиях являющиеся, однако, относительно крупными и экономически весьма мощными помещиками. Нельзя забывать, что участок, в России и Зап. Европе являющийся ничтожным, при исключительной дробности среднего китайского землевладения, чрезвычайной интенсивности, почти огородном характере основных с.-х. культур и т. п., в Китае играет совершенно другую роль. Распространенность землевладений этого типа явствует уже из данных министерства

[1]) E. Williams—«China yesterday and to-day», 1923.

земледелия, показывающих, что 11% семей владеют почти 36% всей обрабатываемой земли, а также из самого факта широчайшей распространенности аренды.

Отношения землевладельцев этого типа с арендаторами переживают в настоящее время процесс капиталистической ломки. Но все же в них имеется еще бесконечно много остатков старины, многообразных форм *эксплоатации полукрепостнического типа посредством отработков, испольщины, кабальной зависимости, принуждения окрестных крестьян продавать свой труд задешево и т. п.*

Очень яркую картину этих форм зависимости и эксплоатации дает в своей обширной работе о сельском хозяйстве Китая немецкий агроном Вагнер[1]). Он делит китайских помещиков на четыре основных категории: 1-ая—владельцы обширных латифундий, полученных еще при широкой раздаче земель манчжурской династией князьям, генералам, придворным и т. п. особенно после восстаний, в награду за победы и т. п. Большая часть этих помещиков не живет в деревне, оставляя там лишь управляющих и через них получая ренту. К 2-й категории он относит государственных чиновников, награбивших состояния и вложивших их в землю посредством скупки участков у разорившихся крестьян. Крестьяне часто остаются на той же земле в качестве арендаторов, иногда за полученные деньги несколько подправляют свой инвентарь, но зато попадают в зависимость к землевладельцу, очень часто напоминающую крепостную. 3-ей категорией являются храмы и монастыри, и 4-й—купцы, скупающие земли.

Очень часто арендатор, попавший в долги, вынужден отдавать землевладельцу и весь инвентарь. Иногда он «закладывает» и свою личную свободу, переходя в полукрепостное состояние, признаваемое в Китае и законом. Иногда помещик покупает у крестьян детей, которые бесплатно служат ему. Когда они вырастают, хозяин женит их; они должны работать на него всю жизнь на хозяйской земле, или получают в аренду клочок земли на крепостнических условиях. Таких полукрепостных крестьян в Китае, по утверждению Вагнера, значительно больше, чем обычно думают. Очень часто они живут в домах, являющихся собственностью помещика, зависят от него во всем, не смеют войти в его дом, должны говорить с ним лишь на коленях, по его приказу выполнять всевозможные работы, бросая работу на своем участке.

Такие же элементы докапиталистической кабалы очень часты и в отношениях с торговым и ростовщическим капиталами, закрепляющими докапиталистические способы эксплоатации, обрекающими массы на пауперизацию. Значительная часть торгового и ростовщического капитала, несомненно, задерживает развитие капиталистических отношений в деревне, несмотря на распространение многообразных форм переплетения докапиталистических методов эксплоатации с капиталистическими.

Деятельность торгового капитала приобретает чрезвычайно широкий характер. Например, в рисовых районах в районе Вуху[2]), крупнейшем по экспорту риса в Китае, имеется не-

[1]) W. Wagner—«Die Chinesische Landwirtschaft», Berlin. 1926 г.
[2]) «Chinese Econ. Monthly», февраль 1926 г.

сколько десятков довольно крупных оптовых и комиссионных фирм, агенты которых имеются в каждой деревне округа. В самом Вуху существует своеобразная рисовая биржа с образцами, выкриками цен, телеграфными сообщениями из Шанхая и т. п. В сезон сбора в гавани скопляются тысячи джонок со скупленным в округе рисом, который полируется в оборудованных современными машинами предприятиях, а затем экспортируется крупными партиями в Шанхай, Чифу, Нингпо, Кантон и др. В меньшем масштабе такие же торговые рисовые центры существуют и в других районах.

Но, понятно, еще более значительной является роль торгового капитала при скупке бобов, хлопка, шелка, имбиря, чая и т. п., которые крестьянин должен продать во что бы то ни стало.

Значительная часть этих продуктов идет не только в другие провинции, но и на внешние рынки, при чем в последнем случае они в конечном счете концентрируются почти целиком в руках иностранных экспортных фирм. Этим путем создаются те щупальцы, посредством которых влияние иностранного капитала проникает в самую глубь с.-х. районов страны к миллионам крестьянских хозяйств, выкачивая из них громадные сверхприбыли. На крестьянстве же это сказывается разорением, обезземеливанием, пауперизацией огромных его масс.

Такое же значение имеет и *ростовщический капитал.* Ряд описаний из разных провинций говорит, что при малейшей случайности в крайне ненадежном и неустойчивом мелком и даже среднем хозяйстве крестьяне должны прибегать к займам. Но раз попав в руки деревенского ростовщика, маломощный крестьянин не имеет почти никакой надежды высвободиться. В Хунани по данным вышеотмеченного обследования, обычные проценты ростовщику составляют 5—10% в месяц, т.-е. 60—120% в год, иногда они доходят до 30% в месяц, т.-е. 360% в год.

В Хубее и ряде других провинций ростовщик очень часто является скупщиком будущей жатвы, за которую он платит значительно менее ее стоимости даже на местном рынке. В Гуандуне ростовщик часто собирает арендную плату в качестве процентов по займу.

Нужно, впрочем, отметить, что в ряде случаев мы все-таки имеем превращение торговой и ростовщической эксплоатации в капиталистическую в истинном значении этого слова,—вернее слияние в одном лице представителей и той и другой. Эти слои собирают арендную плату, отдают деньги в ссуду под залог земли или продукции, скупают крестьянские продукты, и занимаются одновременно *торговым земледелием при помощи наемных рабочих* или первоначальной обработкой с.-х. продуктов.

В некоторых отношениях задерживающим капиталистическое развитие фактором являются также *стихийные бедствия.* Для значительной части районов страны это регулярные и очень часто повторяющиеся явления. По подсчетам одного американского экономиста за 50 лет до 1900 г. в Китае погибло от засухи, наводнений, голода и крестьянских восстаний около 47 милл. человек [1]). В районах у Желтой Реки наводнения повторяются почти каждые три года, приводя к потере до 50% урожая, при-

[1]) «Readings in Economics of China», Shanghai, 1921.

нуждая потерпевших к займам под заклад земли, значительная часть которой остается таким путем в руках ростовщиков.

Такую же роль играют *гражданские войны,* сопровождающиеся разорением целых провинций, уничтожением полей, угоном скота, уводом мужского населения для переноски снаряжения и т. п.

Но в то же время войны, поставившие в современном Китае под ружье около $1\frac{1}{2}$ миллиона человек, ознакомившие их с современной военной техникой, перебрасывавшие огромные слои из провинции в провинцию, несомненно ускорили разрушение патриархальных отношений, быта, психологии.

Еще большую роль имеют *налоги,* также чрезвычайно выросшие за последние годы, всей своей тяжестью ложащиеся на низшие слои крестьянства и городскую бедноту. В то же время значительная часть их прилипает к рукам местных сборщиков, джентри и т. п.

В результате чрезвычайно быстрого развития всех этих факторов за последние годы, в особенности обострения гражданских войн, роста налогов и т. д., темп обезземеливания, разорения, обнищания, пауперизации, был за этот период особенно значительным. Ежегодно сотни тысяч, быть может, миллионы крестьян, как бы цепко они ни держались за свой клочок поля, должны бросать землю, «раскрестьяниваться», вливаться в гигантскую армию безработных, лишь в небольшой части поглощаемых наемным трудом в деревне и в городе, ибо рост пауперизации не сопровождается соответствующим по темпу превращением торгового, ростовщического капитала в производительный капитал.

В самих крестьянских хозяйствах имеются основы отсталости, докапиталистической косности и неподвижности, каковыми являются самые методы производства, почти не менявшиеся тысячелетиями, поглощающие массу ручного труда, применяющие лишь самые примитивные орудия. До сих пор господствует деревянная соха и мотыга, молотьба цепами, каменными катками или тяжелыми молотами, веяние по ветру и т. п. До сих пор крестьянин всецело зависит от капризов природы, засухи, наводнений, причин которых он не понимает и с которыми бессилен бороться.

Эта зависимость неизбежно рождает культурную отсталость, забитость, суеверие, предрассудки, знахарство.

Эта отсталость усугубляется тем, что, несмотря на всю быстроту проникновения рыночных отношений, значительная масса крестьянства все еще почти всю свою жизнь не выходит за пределы своей деревушки, живет слухами, говорит на своем диалекте. Каждое путешествие в соседний городок является событием на многие годы.

На этой же производственной основе сохраняются до сих пор многочисленные остатки патриархального семейного быта и клановых родовых отношений.

Часто вся китайская деревня состоит из членов одного клана, глава которого является старшиной деревни. Роль этих старшин очень велика. В одних районах земельная собственность не делится в роду несколько поколений,—в других делится поровну между всеми сыновьями на мельчайшие участки, но при этом сохраняется вмешательство кланового совета. До сих пор сохранились еще разные формы помощи клана своим наи-

более разоренным членам, а также остатки коллективной ответственности перед властями. На юге происходят еще до сих пор своеобразные «частные» войны разных кланов.

Остатки этих отношений сказываются даже во внешнем виде деревень, очень часто окруженных стенами, до сих пор запирающих на ночь ворота.

Наконец, остатки крепостничества и докапиталистических отношений сказываются с особенной силой в политической надстройке—в полнейшем бесправии крестьянства, чудовищном произволе властей, взяточничестве, невероятном бюрократическом аппарате, судах, наемных армиях и отрядах миньтуаней, в земельном налоге, взамен которого крестьянин не получает решительно ничего, в ряде других налогов, создающих крупнейшие затруднения для торговли и т. д.

Все это показывает, какие огромные задачи стоят еще перед буржуазным этапом революции в китайской деревне. Аграрная революция должна и в Китае произвести радикальную «чистку средневекового хлама», вымести все остатки докапиталистических отношений и распорядков «азиатчины», кабалы и раздробления крестьян на тысячи мелких делений, средневековых разрядов, сословных категорий, раскрыть «крестьянское гетто». Этим революция не выходит еще за рамки буржуазной. Но и в Китае, так же, как в свое время в России, все яснее сказывается «контрреволюционность буржуазии в крестьянской буржуазной революции» и неизбежность поэтому проводить аграрную революцию против крупной буржуазии силами рабочего класса, подавляющего большинства крестьянства и городской мелкой буржуазии. Условия, необходимые для возникновения и упрочения этого союза, созданы тем, что, несмотря на распространенность и задерживающую роль всех вышеотмеченных докапиталистических отношений, мы имеем уже за последние десятилетия начало глубочайшей ломки и встряски китайской деревни проникновением капитализма.

2. Проникновение капитализма в деревню.

При ознакомлении со всеми конкретными описаниями экономики современной китайской деревни процесс расслоения китайского крестьянства, охвата его товарным обращением, выделения на одном полюсе крестьянской буржуазии, на другом явного или скрытого сельскохозяйственного пролетариата становится совершенно несомненным.

Известные данные китайского министерства земледелия, обработанные т. Волиным, показывают, что (в округленных цифрах) на собственной земле работают лишь около 50% китайского крестьянства, 28% являются чистыми арендаторами и 22% полуарендаторами.

При всей ненадежности этих данных (странной при состоянии китайской статистики является уже их чрезмерная точность — 49,5% и т. п.) и вообще невозможности выводить общие средние для всех, глубоко различающихся по климату, с.-х. культурам, методам обработки и т. п., областей Китая, а также при всем обилии отношений крепостнической эксплоатации в китайской деревне,—в частности у арендаторов и полуарендаторов,—эти цифры все же дают известную картину расслоения. Материалы

по отдельным провинциям, особенно Центрального Китая, дают картину еще большего расслоения крестьянских масс.

Так, недавно опубликованные данные по провинциям Хунань и Цзянси [1]) дают следующий состав крестьянства:

Округв.	с.-х. рабочих.	арендаторов.	полуарендаторов.	собственников.
Хунань.				
Baokhin	20%	35%	25%	20%
Chensian	25	45	13	17
Leian	15	40	31	14
Цзянси.				
Wansian	5	20	30	45
Tsian	5	15	70	10
Nanuan	5	35	50	10

Эти данные говорят о значительном расслоении крестьянства. Они в значительной степени подтверждаются более старым сообщением американского консула [2]), считающим, что в Хунани не менее 75% крестьян являются арендаторами.

Снова обращаем внимание на то, что в большинстве провинций преобладает еще выплата аренды натурой. Часто встречается еще и отработочная аренда, являющаяся лишь полуфеодальной формой получения бесплатного труда. Но в то же время ряд сообщений говорит о процессе вытеснения натуральной аренды денежной, который хотя и не идентичен развитию буржуазных отношений, но, несомненно, свидетельствует хотя бы о росте этих последних [3]).

Показатели расслоения крестьянства мы находим и в *пользовании инвентарем.*

Во всех районах Китая, где применяется рабочий скот, низшие слои крестьянства вынуждены в рабочую пору арендовать его у кулаков. Так, в описании сельского хозяйства Хубея [4]) сообщается, что «бедные крестьяне» должны нанимать для приведения в действие водяных колес буйвола или корову у богатых соседей, при чем некоторые крестьяне держат для сдачи «на прокат» беднякам специальные стада, иногда по нескольку сот голов (для Центрального Китая—громадное количество). Нанимающие скот платят поденно натурой или деньгами и должны, кроме того, вносить в виде залога ½ стоимости животного, для чего большей частью входят в долги. О таких же формах найма скота говорится в описании района Цзюцзяна.

В тех районах, где оросительные сооружения приводятся в действие человеческой силой, многие крестьяне нанимают рабочих для их вращения. Надо отметить ничтожные пока по количеству, но очень характерные начатки орошения полей при помощи электрических моторов и насосов в пригородных районах в Цзянсу, Чжецзяне и Фуцзяне [5]). Например, в районе Чангчоу в 1926 г. орошались таким путем около 40.000 му рисовых полей. Быстрое распространение получили в тех же провинциях и Аньхое также насосы, приводимые в действие небольшими керо-

1) «Chinese Economic Bulletin» № 308.
2) «Commercial Handbook of China». Washington, 1921.
3) «The Chinese Economic Monthly», июль 1926 г.
4) «Chinese Economic Jurnal», 1927, № 2.
5) «Chinese Economic Bulletin», 1927, №№ 300 и 318.

синовыми или нефтяными двигателями. Они появились лишь 5 лет назад, но в 1926 г. их действовало уже больше тысячи в одном лишь районе Шанхай—Нанкинской ж. д. Несколько заводов в Шанхае были почти целиком заняты их изготовлением. Каждый из таких моторов заменяет в среднем 100 рабочих, при чем расходы по эксплоатации составляют лишь $^1/_6$—$^1/_5$ расходов на ручной труд. Однако, приобретение их доступно лишь об'единениям богатых крестьян, образующих ирригационные компании и берущих за орошение полей по 1—2 доллара с му.

О степени проникновения в деревню *товарного обращения* говорят уже многочисленные сообщения об экспорте риса из одних районов и импорте его другими.

Из всей продукции риса в Китае четверть идет на потребление одних лишь городов. А кроме того, значительные районы чисто земледельческого характера живут, главным образом, ввозным рисом.

В некоторых районах северного и западного Китая, крестьяне, производящие довольно значительные количества риса, потребляют его лишь как роскошь по праздникам, обычно питаясь гаоляном и просом.

Нечего и говорить о Манчжурии, где больше половины продукции сельского хозяйства идет на экспорт [1]). Из сбора бобов экспортируется почти половина, проса свыше 90%, других злаков свыше половины, и только гаоляна $^6/_7$ потребляется на месте.

Во всех районах Китая стремительно растущие денежные налоги, постепенная замена натуральной аренды денежной, прогрессирующее вытеснение домашней промышленности фабричными товарами и ряд других экономических сдвигов заставляют подавляющую массу крестьянства продавать все большую часть своей продукции. «Нельзя жить, не продавая». Часто низшие слои крестьянства продают рис после урожая, а затем вынуждены покупать его.

Само собой понятно, что целиком преобладающую роль играет рынок при *промышленных культурах*, имеющих в современном Китае весьма большое распространение почти во всех провинциях.

Так, например, в одной лишь провинции *Хубей*, где нехватает рису и значительные количества его импортируются, ежегодно производится около полутора миллионов пикулей хлопка, 12,3 милл. разных бобов, 300.000 табаку, 75.000 чаю, 150.000 коконов, кромо того, разводятся в большом количестве разнообразнейшие растения для производства жиров, текстильных волокон, затем сахарный тростник, фисташки и мн. др. В связи с этим почти все крестьяне провинции заняты в той или иной степени работами на рынок—шелководством, чайными плантациями, свиноводством, продажей яиц, маслобойками, изготовлением лаков, прядением, ткачеством, рыболовством, дорожным строительством, и т. д.

В районе *Цзюцзяна* (провинция Цзянси) также рис импортируется, а крестьяне сеют бобы, хлопок, разводят на продажу свиней, кур и т. п. Соответственно этому характеру культур, а также в результате плохих урожаев с 1921 г. расслоение

1) «Chinese Economic Bulletin», № 291.

зашло здесь особенно далеко и подавляющее большинство крестьян являются арендаторами.

В районе *Тингчоу* (Чжили) 60% обрабатываемой земли находится под хлопком, и значительная часть крестьян занята ткачеством на дому, продукты которого вывозятся в зап. провинции и Монголию.

В районе *Чангчоу* (Цзянсу) почти все крестьяне занимаются шелководством или продают тутовые листья соседям. По всей провинции Цзянсу разбросаны сотни заготовительных агентур, скупающих у крестьян коконы, подвергающих их сушке и продающих на фабрики.

В *Чжецзяне* огромную роль играет хлопок, которого ежегодно экспортируется из провинции на 16 милл. долларов. Весь хлопок скупается агентами перед сбором, обычно по дешевке, и попадает в руки нескольких десятков фирм. Многие землевладельцы собирают арендную плату также хлопком, который понятно, немедленно продается. В некоторых районах Чжецзяна многие рисовые фермы за последние годы постепенно превращаются в табачные плантации. То же в *Шандуни* и ряде других провинций, при чем основными скупщиками табачных листьев (часто еще на корню) являются Британско-Американский табачный трест и другие крупные компании. Во многих случаях они раздают крестьянам семена табака в виде задатка и рядом других мероприятий (регулированием цен и т. п.) целиком связывают широкие слои крестьянства.

В районе *Кашинга* 30% обрабатываемой земли занято тутовыми плантациями. Большое значение имеют там также посевы имбиря, требующие вложения довольно значительного капитала и производимые лишь состоятельными крестьянами при помощи наемного труда. Но и у них продукция целиком скупается еще на корню городскими скупщиками и идет на вывоз.

В районе *Сиаши* шелководством занято почти все крестьянские дворы. В городке имеется 5 фирм с очень крупным оборотом по сбору коконов у крестьян и 12 дельцов, экспортирующих каждый год на 10 милл. долл. риса.

В *Фуцзяне* важнейшую роль в сельском хозяйстве имеет чай, экспорт которого из провинции за границу составляет свыше 30 милл. долл. ежегодно.

В *Гуандуне* значительную роль играют тутовые плантации и шелководство, чай, сахарный тростник, в пригородных районах разведение фруктов на продажу.

То же самое можно проследить почти по всем провинциям Китая. Повсюду значительная роль технических культур, очень интенсивных и трудоемких, почти целиком идущих на рынок и большей частью возделываемых при помощи наемных рабочих рук. В масштабе всей страны мы видим все более развивающуюся специализацию земледелия, выделение и обособление районов с преобладанием торгового зернового хозяйства, хлопководства, шелководства и др.

В значительной степени торговый характер носит и скотоводство, развитое в северных и северо-западных провинциях и поставляющее свои продукты (мясо, кожа, шерсть) на мировой рынок.

В ряде приморских провинций, долине Янцзы и некоторых других районах все большее значение приобретает мелкое животноводство, при этом продукция почти совершенно не потребляется крестьянством, а целиком идет на вывоз. Очень крупные размеры принял, например, за последние годы экспорт за границу яиц и яичных препаратов. Мороженых яиц вывозится ежегодно на 7 милл. таэлей, а высушенного белка и желтка на 17 милл. Сушка производится в прекрасно оборудованных предприятиях (большей частью на конвейерах) в Ханькоу, Нанкине, Шанхае, городках вдоль Великого канала, Циндао, Цзинани и др. В прилегающих районах сбор яиц играет большую роль в крестьянском хозяйстве. В Нанкине имеется крупнейшее английское предприятие «Международная Экспортная Компания», ежегодно вывозящее в Англию на много миллионов долларов яиц, мороженых кур, мяса, перьев, бобов, растительных и животных жиров и т. п. Яйца и скот она собирает из 4-х провинций, перерабатывая их в своих предприятиях и сохраняя в огромных холодильниках.

Первоначальная *техническая обработка с.-х. продуктов* приобретает все большее значение и в других отраслях, всюду получая чисто капиталистический характер.

Так, например, механические предприятия по полировке риса, очень часто оборудованные весьма совершенными американскими машинами, стали важным элементом промышленного развития на Янцзы и в других районах. В хлопковых районах большое распространение получили предприятия по очистке хлопка от семян (cotton ginning). В бобовых районах—маслобойные предприятия разных типов и размеров. С чайными плантациями связаны предприятия полумануфактурного типа по сортировке и упаковке чая. В приморских районах довольно значительное развитие получила консервная промышленность. Тесно связана с чисто торговым табаководством стремительно выросшая в Китае табачная промышленность. Распространение всех этих предприятий является важным элементом развития торгового земледелия и превращения его как бы в одну из отраслей капиталистической промышленности. Это развитие в огромной мере ускоряет вовлечение крестьянского хозяйства Китая в товарооборот, связывает его с внутренним и внешним рынком, подчиняет его торговому и промышленному капиталу, усиливает расслоение, применение наемного труда и т. п.

Таким образом, в порах китайской деревни идет процесс капиталистической ломки отношений. Капитал, превращающийся в производительный капитал, находит чрезвычайно благоприятные условия в том смысле, что к его услугам вся масса пауперизованного крестьянства, созданного хозяйничаньем торгового и ростовщического капитала, гражданскими войнами, системой налогов и т. д., и т. п.

Описания китайской деревни полны сообщениями о бродячих армиях сельскохозяйственных рабочих, переходящих в рабочую пору с места на место. По заявлению Кинга, в любом с.-х. районе Китая имеется совершенно неограниченное предложение рабочей силы за плату по 10 центов в день с пищей.

Во всех крупных деревнях Северного Китая устраиваются в рабочую пору у храма специальные биржи с.-х. рабочих, где местные богатые крестьяне громко выкрикивают свои предложения и условия работы сотням собирающихся из других районов батраков. Обычно все эти рабочие имеют где-либо в другой провинции маленький клочок земли (5—10-му), оставленный на семью. Не получив работы на одной бирже, они идут к следующей деревне [1]). Словом, в еще больших размерах происходят в Китае громадные передвижения нищего крестьянства в поисках работы (как сельскохозяйственной, так и городской), тот земледельческий «отход», который так подробно описывал и анализировал для России Ленин.

Значительные массы крестьян уходят на строительные, дорожные и т. п. работы. В Татунге (Чжили) масса крестьян уходит ежегодно на 5—6 месяцев для работы на мелких угольных шахтах, а затем возвращается на свои поля. Надо иметь в виду, что и в городской крупной промышленности Китая наблюдается чрезвычайная текучесть рабочей силы. Поэтому, через «фабричный котел» проходят в несколько лет гораздо большие массы крестьянства, чем можно судить по абсолютным цифрам фабричного пролетариата.

Если сопоставить все, что мы говорили выше, о сельскохозяйственных рабочих, крестьянах с нищенским арендованным клочком земли, подрабатывающих на стороне, отхожих промыслах, кустарях, по рукам и ногам связанных скупщиками, рабочих на дому, получающих полуфабрикаты с фабрик и т. п., станет ясно, как глубоко и далеко вглубь Китая проникли уже щупальцы капитализма.

Как писал Ленин—«несколько десятилетий капиталистической ломки делают больше, чем века предшествующей истории». Китай живет в условиях этой ломки лишь пару десятков лет, но и «ломка» идет теперь быстрее, чем в начале века.

В следующих разделах мы остановимся на роли иностранного капитала в китайской экономике и на дальнейших перспективах хозяйственного развития Китая.

(Окончание следует).

---

[1]) «Chinese Economic Bulletin», № 286.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

ВИЛЬГЕЛЬМ РЕПКЕ, **проф. — «Кон'юнктура»**. Фин. изд. 1927 г. 171 стр.

Книга посвящена весьма важной, большой и, можно сказать, «модной» проблеме. Автор ставит своей задачей описание кон'юнктурных процессов и кон'юнктурных проблем. Однако, автор уделяет значительное место и теоретическим построениям, и проф. Первушин, нам кажется, прав, называя Репке новейшим теоретиком кон'юнктуры. К теоретической части книги мы прежде всего обратимся.

Буржуазная экономия подошла к проблеме кон'юнктур, отправляясь от вопроса о кризисах. Это хорошо сознает и Репке: «Около конца последнего столетия начали понимать, что за загадкой кризисов, которую старается решить поколение политико-экономов, ...скрывается вообще не менее важная загадка общего кон'юнктурного процесса» (стр. 7). Нужно отметить, что этот характерный переход от теории кризисов к теории кон'юнктур связан с не менее характерным стремлением *растворить* [1]) теорию кризисов в теории кон'юнктур.

Маркс разрешает вопрос о кризисах в неразрывной связи с анализом всей динамики капитализма. Маркс первый подчеркнул периодичность кризисов и указал на связь их с циклическим движением капиталистической системы, так что с марксистской точки зрения мысль о том, что проблема кризисов неразрывно связана с проблемой промышленного цикла, является совсем не новой мыслью.

Но у буржуазных теоретиков это положение получает совсем иную установку. Анализ кризисов, которые представляют, по словам Маркса, «реальное соединение и насильственное уравнение всех противоречий буржуазной экономии» («Теории приб. стоимости», том II_2, стр. 177—178) заменяется анализом и описанием кон'юнктурных колебаний, в которых исчезают, «растворяются» все реальные противоречия капитализма.

Такая установка сказывается и у Репке в той классификации видов кон'юнктур, какую он дает в гл. III. Мы имеем:

1. «Кон'юнктуры с длинными волнами», т.-е. то, что понимается обычно под промышленным циклом.
2. Сезонные колебания, связанные со сроками платежей и поставок, колебания, вызываемые изменением моды, и т. п.
3. Кон'юнктурные колебания, «уклоняющиеся от всякой дальнейшей систематики», т.-е. совсем случайные и неопределенные.
4. «Периоды под'емов и депрессий» или, как их называет, наприм., Кондратьев, «большие циклы». Так, в промежутке 1851—1873 гг. превышает элемент под'ема. В 1874—95 гг.—элемент депрессии.

На ряду с этим делением с точки зрения размаха во времени и пространстве, Репке делит кон'юнктуры с точки зрения вызвавшей их причины: 1) на «эндогенные», т.-е. «вызванные внутренними причинами», и 2) на «экзогенные», т.-е. «вызванные внехозяйственными событиями естественного, политического, социального, технического и правового характера».

Таким образом, в один ряд выстроены все мыслимые колебания хозяйственной жизни. При чем многие из них не имеют никакого отношения к проблеме кон'юнктуры, в роде таких, которые вызывают «обычай делать рождественские подарки, страсть к украшению и путешествиям на троицу, зимние парламентские сессии, ...правильно повторяющиеся ухудшения шоколадной промышленности весной...» (стр. 38). Репке считает, что и колебания, вызываемые только-что указанными причинами, с одинаковым основанием составляют предмет теории кон'юнктур. Тем самым основное, характерное исключительно для капитализма кон'юнктурное колебание (промышленный цикл с чередованием под'ема, кризиса, депрессии), превращается лишь в *один из видов* кон'юнктур. С другой стороны, весь вопрос запутывается еще более: 1) введением «больших циклов» или «периодов под'емов и депрессий»; 2) выделением «*чисто*» кон'юнктурных движений (отделением кон'юнктурных колебаний от общего развития капитализма).

---

[1]) Зомбарт—«Brauns"Archiv» B. XIX 1904 г., стр. 21.

Так называемые «большие циклы» остаются весьма мистическим явлением не только у Репке, который занимается лишь классификацией, но и у тех, кто их пытается анализировать теоретически (напр., тот же Кондратьев). В действительности все признания этих циклов с продолжительностью от 20 до 50 лет настолько условны, исчисления настолько спорны и натянуты, что приводят очень многих, даже немарксистов, к отрицанию их существования. В действительности же здесь налицо попытки подогнать неравномерное развитие капитализма в разные периоды времени, в разных отраслях и на разных континентах под долговременные колебания вниз и вверх. С этой точки зрения период 1896—1913 гг. является «большим циклом» под'ема, а послевоенный распад капитализма выступает, как начавшийся «большой цикл» депрессии. Таким образом, анализ всех этапов развития и умирания противоречивой и исторически-преходящей капиталистической системы подменяется чередованием «больших циклов», «обосновываемых», в конце концов, лишь более или менее искусными математическими трюками. Неизбежность гибели капитализма исчезает вообще.

Теперь обратимся к другому — к стремлению выделить «чистую» кон'юнктуру, противопоставить кон'юнктурному движению «развитие самого общего вида», т.-е. общую линию развития капитализма (стр. 24). Такое противопоставление есть не что иное, как выхолащивание существа проблемы! Нельзя ничего понять в существе кон'юнктуры, если не рассматривать в ней проявления такого, напр., общего закона капитализма, как повышение органического строения капитала и падение нормы прибыли, *так как кон'юнктура (промышленный цикл) это—конкретный процесс расширенного воспроизводства в условиях капитализма.* Вне этого цикла, независимо от него не проявляются «общие законы». Они вплетены в кон'юнктуру. Последняя является не чем иным, как формой их осуществления!

Выхолащивание из кон'юнктурного цикла всякой связи с развитием капитализма в целом и смешение в понятии кон'юнктуры самых разнообразных явлений, какое производит Репке, вполне гармонирует с тем определением кон'юнктуры, которое он же дает на 19—20 стр. книги:

«Кон'юнктура—это есть соотношение спроса и предложения на каком-либо рынке, соотношение, в высокой степени не поддающееся исчислению и воздействию и подверженное постоянному изменению. Оценка этого соотношения зависит от того, выражается ли оно или нет в рентабельности отдельных хозяйств, обусловленной ценой и формой продажи» (19—20). ...«Суждение о кон'юнктуре и оценка ее есть функция рентабельности» (20).

Остается неизвестным, о какой хозяйственной системе идет речь, т. к. рыночные отношения существовали, напр., и в древнем Риме.

С другой стороны, критерий рентабельности и частнопредпринимательская точка зрения вносят лишь путаницу при оценке процесса во всем общественном масштабе. Наконец, определение охватывает лишь движение цен и прибылей, т.-е. лишь внешнее выражение, внешний покров основных процессов капиталистической динамики. В этом определении нет никакой связи ни с процессом производства, ни с условиями воспроизводства.

Между прочим, с частнопредпринимательской точки зрения Репке поступает правильно, когда в понятие кон'юнктуры включает, наприм., рождественское оживление. Какую это имеет научную ценность—другой вопрос.

Глава IV посвящена выяснению причин образования кон'юнктуры. Репке делит причины на две основных группы: 1) об'ективные, куда, на ряду с влиянием природных факторов, урожаем, налоговой политикой и т. д., входят и экономические факторы, и 2) психические причины.

Смешение экономических и внеэкономических причин вполне вяжется со всей установкой г. Репке, которая частью уже показана выше. Приведем пару наиболее разительных, но вместе с тем типичных для этой части примеров:

«Если производство коньков в 1921 г. жаловалось на отсутствие мороза, а фабрика зонтов—на чересчур жаркое лето и отсутствие дождей, то это служит примером того, что сила *спроса* приноравливается к колебаниям природных обстоятельств» (стр. 55).

«...*Неподдающиеся исчислению природные случайности*... взрыв азотного завода общества Баденской анилиновой и содовой фабрики в Оппау в сентябре 1921 г., который, между прочим, создал неожиданно благоприятную кон'юнктуру стекольной промышленности» (60).

«...Внеэкономическим факторам, частью имманентным всем временам, всем хозяйственным ступеням и организационным формам, нужно придать первостепенное значение. Особенно потому, что они могут доказать, что кон'юнктура, как таковая, не есть исключительно явление капиталистическое, свойственное нашей современной хозяйственной организации, но что моменты, образующие кон'юнктуры и вместе с этим при особых условиях вызывающие кризисы, имеются во все времена и при всех хозяйственно-организационных формах» (54).

Таким образом, довершается отрыв кон'юнктуры от капиталистической системы. Кон'юнктура провозглашается вечным спутником человеческой жизни.

А на стр. 80 читаем: «Без присутствия «рынка» немыслимы ...кон'юнктуры».

Здесь кон'юнктура связывается только с меновым хозяйством, но не с капитализмом. Последний «представляет изобилие кон'юнктурных возможностей». Только *возможностей*—не больше! Об органической связи нет и помину.

Отсюда совершенно понятно, почему экономические факторы (см. в главе IV) выступают как одна из рубрик в ряду причин, обусловливающих кон'юнктурные колебания. Если считать кон'юнктуру, как это делает марксистская политическая экономия, неизбежным спутником *капитализма* и если промышленные циклы рассматривать исключительно как продукт специфических особенностей капитализма, тогда анализ причин кон'юнктуры будет прежде всего сосредоточен на особенностях капиталистической системы. Все остальные факторы (колебания урожаев, «внезапное открытие» богатых золотоносных местностей и т. п.) займут подчиненное положение. А ряд факторов (в роде рождественского оживления) вообще отпадает, как не имеющий отношения к внутренней природе проблемы. У Репке основная часть анализа несколько ниже превращается в один из пунктов одной из половин главы IV. Остальная часть главы представляет на $^3/_4$ словесную шелуху.

Для дополнительной иллюстрации этого перейдем к разделу Б—психическим причинам. Мы не будем задерживаться на доказательстве той самоочевиднейшей (даже для многих немарксистов) мысли, что психические факторы являются производными об'ективных экономических процессов, а посему не только ничего не об'ясняют, но и сами нуждаются в об'яснении. Куда может привести попытка брать за исходное психические факторы, покажет пара курьезов.

Почему биржа быстрее реагирует на изменения кон'юнктуры, чем промышленность?

Маркс показывает, что биржа, имеющая дело с рыночными отношениями (товарным и денежным рынком) лежит ближе к непосредственным регуляторам системы (движению цен и прибылей), тогда как промышленность лишь позже получает соответствующие сигналы из этой же рыночной сферы.

По Репке же ответ таков: «Биржа состоит из людей, гораздо более возбуждаемых и подверженных в своих аффектах более сильным переменам, чем работающие в промышленности и торговле, именно потому, что первые (биржевики. *С. К.*) всецело живут этими аффектами» (96).

На стр. 98 дается определение «кон'юнктурного настроения»: оно «имеет со всеми массовыми психическими возбуждениями то общее, что они, не давая ясно признать свое происхождение, как эпидемия, захватывают и толкают каждого в отдельности к действиям, которые он, будучи Робинзоном, никогда не проделал бы».

Ясно, что никакого понимания кон'юнктуры подобные формулы не дают.

Никакой особой теории кон'юнктурного цикла автор не дает. Он даже не придерживается какой-либо одной теории. В гл. IV (особенно пункт 2) и двух экскурсах, следующих за этой главой, мы находим самое путаное сплетение; Репке отрицает теорию, рассматривающую кон'юнктуру, как результат денежных и кредитных отношений. Неустойчивость системы вытекает, по его мнению, из сложности связей, основанных на свободном обмене. До этого он говорит о противоречии между накоплением и потреблением, как основной причине цикла. При чем «основа противоречия находится... в динамике капиталистического хозяйства» (стр. 111). В п. 2 мы встречаем указания на несогласованность производства и потребления, на расхождение народнохозяйственных требований на капитал и частнохозяйственного образования капитала, отсюда или перекапитализация или недостаток капитала. Фигурирует в качестве одной из причин кон'юнктурных колебаний всемирный характер менового хозяйства. Далее Репке выдвигает в качестве об'яснения различную степень эластичности потребностей в благах разного рода. Отсюда неравномерность колебаний в величине спроса и возможности кон'юнктурных изменений. Наконец, мы упоминали уже о психических факторах, которым Репке уделяет очень большое внимание.

Сколько-нибудь ясной связи этих положений установить невозможно, тем менее—выделить то, что, по мнению автора, является основой теории кон'юнктур.

Гл. V и VI, которые непосредственно занимаются описанием кон'юнктурных процессов, являются единственно положительной частью книги, поскольку в них просто описываются внешние явления кон'юнктурной динамики. При чем здесь автор стихийно отбрасывает все свои предыдущие построения и ограничивается рассмотрением кон'юнктуры, связан-

ной только с экономическими факторами. Факты вынудили проф. Репке бросить всю его надуманную систематику и ограничиться эмпирическим материалом в том виде, как он является частнопредпринимательскому взору.

Последняя VII гл. посвящена задачам общественной кон'юнктурной политики. Не имея возможности заняться здесь рассмотрением вопроса о том, насколько вообще разрешима в условиях капитализма проблема смягчения или устранения кон'юнктурных колебаний, ограничимся лишь указанием на то, что сама постановка вопроса о регулировании кон'юнктуры противоречит одному из основных элементов определения кон'юнктуры, данного Репке: кон'юнктура—это «соотношение, в высокой степени не поддающееся исчислению и воздействию»... (стр. 19).

Последний момент, на котором следует остановиться, это—судьба кон'юнктурного цикла при социализме. Репке считает (см. стр. 82 и 83), что кон'юнктурные колебания не исчезнут и при социализме, потому что: 1) урегулирование анархии производства не приведет еще к уничтожению анархии потребностей, 2) колебания потребностей в средствах производства, имеющие решающее влияние на движение кон'юнктуры, останутся и при социализме, т. к. эти колебания являются неот'емлемым спутником современной техники.

Такая постановка вопроса очень характерна почти для всех новейших буржуазных теорий кризисов и кон'юнктур.

Апологетика капитализма претерпела на протяжении столетия значительное видоизменение. Начала она с отрицания вообще всяких противоречий капитализма и проповеди гармонии капиталистической системы; но сила противоречий слишком велика, чтобы их можно было теперь отрицать! Поэтому их об'являют неизбежными и при социализме и таким увековечением закрывают историческую ограниченность капитализма.

Но кон'юнктурные колебания (промышленный цикл) свойственны только капитализму. Процессы, их обусловливающие, специфически капиталистического происхождения. Существуют две основных причины цикличности капиталистического развития: 1) узкий базис потребления при безграничном стремлении к развертыванию производства, независимого от личного потребления; 2) необходимость возобновлять относительно растущий основной капитал с многолетней производственной жизнью в тех условиях, когда уровень прибыли является единственным регулятором производства. Весьма сложная проблема *планомерного* возобновления оборудования возникает при социализме, но цикличность в таких условиях ни с какой стороны не обязательна, хотя большие трудности отнюдь не исключены: отпадает и первая причина, поскольку производство рассчитывает на удовлетворение потребностей. Не из «анархии» потребностей вытекают кризисы, а из *ограниченности* уровня потребления широких масс и стремления капитала к безграничному расширению.

Опыт 1921—26 гг. в СССР показывает, что даже при наличии моря крестьянских хозяйств внутри страны и капиталистического окружения вовне, движение экономической системы, в которой ведущую роль играет социалистическая промышленность (даже технически еще сравнительно слабая), *теряет циклический характер* (под'ем, кризис, депрессия). Хозяйственные трудности, имея в своей основе иные корни, выливаются совсем в иные формы и по-иному преодолеваются.

На стр. 69 проф. Репке утверждает, что проблему кон'юнктур «можно разрешить до конца лишь на основе удовлетворительного учения о ценности, цене, деньгах и учения о распределении». На основе правильной системы политической экономии, скажем мы. Рецензируемая книга является тому отрицательным свидетельством, ибо без правильного понимания существа кон'юнктуры не может быть, самой собой разумеется, и правильной систематики ее отдельных процессов и проблем.

С. Кругликов.

ЛИТОШЕНКО, Л. Н., проф.—«Емкость крестьянского рынка». Под ред. и с предисловием С. Г. Струмилина. Изд. акц. о-ва «Промиздат». 1927 г. Стр. 145. Цена 2 р. 50 к.

Изучение перспектив развития союзной промышленности в связи с взятым курсом на индустриализацию страны прямо и непосредственно упирается в необходимость изучения внешнего и, особенно, внутреннего рынка. Наше сельское хозяйство является не только сырьевой базой промышленности, но и огромной важности рынком для сбыта промышленной продукции. С этой точки зрения изучение строения и возможностей части нашего внутреннего рынка—крестьянского—представляет большой теоретический и сугубо практический интерес.

Рецензируемая работа о емкости крестьянского рынка для промизделий является—как это следует из предисловия т. Струмилина—первым выпуском подготовляемого работниками Госплана, ВСНХ и ЦСУ труда, посвященного изучению динамики внутреннего рынка в целом. «Вслед за ней особым выпуском будут даны материалы о емкости нашего городского рынка, куда мы включаем не только личное потребление внеземледельческого населения, но и все производственное потребление, связанное со строительством, работой транспорта и связи, а также оперативной деятельностью всех остальных ведомств, питающихся за счет госбюджета. Внутренней емкости рынка, представляемого самой промышленностью—цензовой и ремесленно-кустарной—будет посвящен специальный выпуск» (стр. 3).

Столь, говоря без преувеличения, грандиозный замысел труда, а также имена его участников, возбуждают большой интерес к книжке проф. Литошенко и должны заставить читателя, отнестись к ней с особым вниманием.

В основу анализа емкости крестьянского рынка автором положены материалы исследований крестьянских бюджетов, произведенных ЦСУ за три года (1922—23, 1923—24 и 1924—25 гг.). Предложенные в книжке исчисления, касающиеся главным образом, личного потребления крестьянского населения, по справедливому замечанию т. Струмилина, менее надежны, нежели скажем, исчисления, относящиеся к внутрипромышленному обороту крупной госпромышленности; «основанные на нормативных исчислениях по выборочному материалу крестьянских бюджетов, эти оценки (емкости крест. рынка. *Г. С.*), несмотря на весь свой интерес, могут быть признаны сколько-нибудь надежными только после тщательной балансовой проверки—путем сопоставления со всеми остальными данными о производстве и потреблении соответствующих групп товаров в стране» (стр. 3), что возможно будет сделать на основании вышеупомянутых, подготовляемых к печати материалов. Поэтому, ограничиваясь приведенными в работе проф. Литошенко исчислениями, особенно при отсутствии других данных, могущих быть использованными в качестве проверочных показателей, нельзя сделать совершенно бесспорных выводов относительно емкости крестьянского рынка.

Прежде, чем перейти к соответствующим выводам автора, следует покончить с внешней стороной дела. Содержащиеся в работе таблицы

разбиты на две серии. В первой серии таблиц вычислены нормы затрат на все подвергнутые рассмотрению товары (42 товара различных наименований) вместе взятые, в среднем по всем описанным крестьянским хозяйствам за три года. Во второй серии таблиц, наиболее важной и интересной, вычислен спрос на промтовары по каждому из 15 районов, в среднем на 100 душ населения [1]) по 7 посевным группам, при чем весь ассортимент товаров разбит по 12 отраслям промышленности, с выделением по каждой из них норм приобретения некоторых важнейших продуктов.

Таблицам предшествует вводная статья проф. Литошенко, находящаяся в явной «диспропорции» с приведенным табличным материалом. Судя по заявлению автора о том, что «*изучение законов строения и развития крестьянского спроса* представляет... первостепенный практический интерес для оценки перспектив развития промышленного производства» (курсив мой. *Г. С.*, стр. 9), он поставил перед своей обобщающей статьей широкую задачу. А, между тем, соответствующего поставленной задаче анализа чрезвычайно богатого и обширного табличного материала в статье не дано, и потому ее следует рассматривать скорее как небольшой комментарий автора, а не как широкое обобщение, по отношению к которому таблицы являлись бы иллюстративным материалом.

Чтобы подчеркнуть большую ценность приведенных в книжке материалов, достаточно указать, что они дают представление о том, как изменялись за три указанные года нормы приобретения каждого отдельного из 42 товаров в каждом из 15 районов и по каждой из 7 посевных групп крестьянских хозяйств; показывают степень удовлетворения отдельных потребностей в различных районах страны (табл. № 1), а также степень удовлетворения отдельных потребностей по сравнению с довоенным временем (табл. № 2); в какой пропорции расходует крестьянин свои деньги на удовлетворение отдельных потребностей (табл. № 3); дают возможность сопоставить рост крестьянского спроса на отдельные группы промышленных изделий с приростом валовой продукции соответствующих отраслей промышленности (табл. № 11) и т. д. Все это свидетельствует о большом значении работы проф. Литошенко при изучении ряда важнейших проблем планового строительства нашего хозяйства, а также при построении плановых перспектив в отношении производства и потребления промтоваров.

Перейдем теперь к некоторым основным выводам автора.

Автор совершенно правильно констатирует все более, из года в год, растущее потребление промышленных товаров. Так, напр., если в 1923—24 году общая емкость крестьянского рынка по отношению к промышленным изделиям измерялась 1.490 млн. руб., то в 1924—25 гг. она измерялась 2.280 млн. руб.—увеличение во втором году на 53,8%. Душевая норма потребления возросла, благодаря приросту населения, хотя и в меньшей степени, но все же довольно значительно: с 13 руб. 50 к. в 1923—24 г. до 19 р. 53 к. в 1924—25 гг.—увеличение на 44,7% (табл. № 10, стр. 34—35). Причину роста потребления в указанные годы по сравнению с предшествующими, по мнению автора, следует искать «прежде всего в переходе к твердой валюте...» (стр. 8) [2]). Мы

[1]) Собственно, в книге фигурирует не «100 душ населения», а «1 хозяйство», но по раз'яснению в «Эк. Ж.» от 19/IV-27 г. за № 88, это лишь опечатка. Нужно пожалеть, что данные на 1 хозяйство по посевным группам в книге не даны. Значимость и возможности использования цифр от этого значительно выиграли бы.

[2]) То же об'яснение находим и на стр. 37.

не думаем отрицать огромного влияния денежной реформы на все народное хозяйство, в том числе и на рост потребления крестьянским рынком промизделий. Но ни в коем случае не следует забывать о сдвижении т. н. «ножниц»,—сдвижении, падающем как раз на начало 1924—25 г.—года усиленной кампании за снижение цен на промышленные товары, предпринятой партией и советским государством. А между тем, об уменьшении раствора «ножниц», как факторе роста потребления промышленной продукции, автор упоминает лишь вскользь, да и то в чрезвычайно неуместно-осторожной формулировке: «Реальное увеличение массы приобретаемых продуктов *могло быть* (! *Г. С.*) и выше, вследствие понижения цен на промышленные изделия, происшедшие за тот же период» (стр. 34, курс. мой. *Г. С.*).

Переходя к вопросу о том, *кто*, какие *социально-экономические* слои деревни являются главными потребителями промышленной продукции, следует сказать, что *исчерпывающего* ответа на *этот* вопрос в данной работе найти нельзя. Все обследованные крестьянские хозяйства разбиты на *посевные группы*, данные же, основанные *только* на такой разбивке, не определяют экономической мощи крестьянского хозяйства и не дают ответа на вопрос, к какой социально-экономической категории хозяйство данной посевной группы принадлежит. Так, напр., многопосевное хозяйство не всегда можно отнести к хозяйствам кулацкого типа; если такое хозяйство не применяет наемного труда, не имеет доходов от промышленных или торговых предприятий и т. п.—оно относится к хозяйству середняцкого типа.

Какие же *посевные группы* крестьянских хозяйств являются главными потребителями промтоваров? Ответом на этот вопрос может служить следующая таблица, приводимая нами в сокращенном виде (стр. 30):

Таблица № 8.

Приобретение продуктов промышленности сельским населением в 1924/25 г.
(В миллионах червонных рублей).

Группы по посеву в десятинах	Население в тысячах	%%	Итого продукции добывающей и обрабатыв. промышл.	%%
II—до 2	32.692	33,2	645,7	35,6
III—от 2,01 до 4	33.596	34,1	562,6	31,0
IV— » 4.01 » 6	16.480	16,8	265,1	14,6
V— » 6,01 » 8	7.493	7,6	131,4	7,3
VI— » 8,01 » 16	6.879	7,0	151,0	8,3
VII—свыше 16	1.247	1,3	57,2	3,2
По 15 район. СССР	98.387	100,0	1.813,1	100,0

На основании данной таблицы, автор делает следующее, вполне правильное, заключение: «Сравнивая долю разных посевных групп в общей массе населения, с одной стороны, и в общей сумме спроса, с другой стороны, мы видим, что низшая и две высших по посеву группы занимают по спросу большее место, чем по числу населения, а в трех средних группах, напротив, доля населения превышает долю спроса...», причем «две наиболее многолюдные группы хозяйств с посевом до 4 десятин дают $^2/_3$ общего спроса на промышленные изделия, а на долю осталь-

ных, более крупных хозяйств, остается только $^{1}/_{3}$ всего спроса. Повышение норм приобретения промышленных изделий в сравнительно крупных хозяйствах не может компенсировать незначительного удельного веса последних, и главным потребителем промизделий остаются, таким образом, хозяйства мелкие» (стр. 31).

Мы уже указали, что распределение крестьянских хозяйств по посевным группам не может служить достаточным основанием (хотя, как известно, и является *одним из важнейших* оснований) для определения принадлежности данного хозяйства к той или иной социально-экономической группе крестьянских хозяйств. Все же с поправкой на это указание, нам кажется, можно сделать тот вывод, что главными потребителями продукции нашей госпромышленности в деревне являются основные ее социально-экономические силы—бедняцко-середняцкие массы.

Переходя к порайонной характеристике потребления продуктов промышленности (табл. № 9), оказывается, что наиболее полно удовлетворяющими свои потребности являются следующие районы: Центрально-Промышленная область, Северный Кавказ, Южно-Промышленный район и Туркменистан с Узбекистаном. На долю этих районов падает 53,8% всего промышленного спроса, при наличии в них 42,1% сельского населения СССР. К числу районов, наиболее отстающих по спросу промизделий от своего удельного веса по населению, относятся: Средневолжский, Нижневолжский, Центрально-Земледельческий, Западный и Кузнецко-Алтайский районы.

Любопытно сравнить рост крестьянского спроса на отдельные группы промтоваров с приростом валовой продукции в соответствующих отраслях промышленности. В качестве иллюстрации приведем следующую таблицу (стр. 37).

Таблица № 11.

Прирост поступлений в народное хозяйство и приобретений сельским населением продуктов промышленности в 1924/25 гг.

(В относительных величинах, исчисленных по абсолютным цифрам в черв. руб.).

Наименование отраслей промышленности	% прироста поступления	% прироста приобретений
А. Добывающая промышленность	16,4	38,7
В том числе:		
Минеральное топливо	11,7	67,5
Прочие отрасли	28,9	16,3
Б. Обрабатывающая промышленность	42,8	54,0
В том числе:		
Обработка минералов	65,0	89,8
Металлообрабатыв. промышлен.	61,1	60,5
Деревообделочная »	37,0	63,8
Химическая »	43,2	35,9
Пищевая »	37,3	46,2
Обработка твердых матер. животного происхождения	30,9	42,3
Текстильная промышленность	42,5	64,7
Прочие отрасли	57,2	62,0
Всего по промышлен.	**39,8**	**53,8**

Как показывает таблица, во всех перечисленных отраслях промышленности, за исключением трех отраслей, рост крестьянского спроса обгонял рост промышленной продукции таким образом, что по всем перечисленным отраслям спрос возрос на 53,8%, а прирост продукции на 39,8%.

Рамки рецензии не позволяют нам более подробно остановиться на имеющихся в книжке материалах. Мы ограничимся поэтому следующим общим заключением. Работа проф. Литошенко не может, конечно, претендовать на труд, в котором были бы даны достаточно обоснованные выводы о «законах строения и развития крестьянского спроса»..., которые могли бы быть положены в основу оценок «перспектив развития промышленного производства» (стр. 5). Как указывалось уже выше, сам приведенный материал требует контрольного сопоставления с рядом других данных. Далее, во вводном комментарии автора нет достаточно глубокого анализа табличного материала. И, кроме того, помещенные в книжке материалы не дают достаточного представления о потреблении промтоваров различными социально-экономическими слоями деревни, что является абсолютно необходимым для оценок емкости крестьянского рынка во всех его социальных секторах. С этой точки зрения название книги: «Емкость крестьянского рынка»—не совсем соответствует ее содержанию.

Тем не менее, приведенные в книжке материалы являются чрезвычайно ценными и полезными, как ориентировочные материалы к изучению емкости крестьянского рынка. В этом отношении мы вполне согласны с тов. Струмилиным: данный труд «ни один серьезный хозяйственник и экономист-плановик не сможет игнорировать в своей повседневной работе».

Остается пожелать скорейшего выхода в свет других выпусков предполагаемой работы, которые, несомненно, внесут много ясности в целый ряд важнейших проблем нашего социалистического строительства.

Г. Стрельцов.

Условия приема на подготовительное отделение Института Красной Профессуры.

§ 1. Подготовительное отделение имеет своей задачей подготовку к поступлению в ИКП. Срок пребывания на отделении устанавливается 2-летний.

§ 2. Подготовительное отделение имеет единую программу и на отделения не разбивается.

§ 3. На подготовительное отделение принимаются товарищи: 1) не старше 27-ми лет, 2) окончившие рабфак или имеющие соответствующую общеобразовательную подготовку и обладающие трехлетним партстажем и опытом массовой партработы (преимущественным правом пользуются рабочие и вышедшие из рабочей среды товарищи).

§ 4. Кандидаты на подготовительное отделение намечаются президиумами рабфаков столицы и крупных центров и утверждаются соответствующими губернскими или окружными комитетами ВКП(б) и ЦК нацреспублик.

§ 6. Товарищи, командируемые на подготовительное отделение, должны представить в правление ИКП (Остоженка, 53) не позднее 15-го июля с. г.: 1) заявление с указанием адреса, 2) краткую автобиографию, 3) засвидетельствованный партстаж, 4) командировку учреждения, утвержденную Губкомом или Окружкомом, а также 5) удостоверение об окончании рабфака или другого учебного заведения, 6) копию воинского документа и 7) заключение медицинской комиссии о состоянии здоровья за последние 2—3 года. Представленные документы рассматриваются мандатной комиссией.

§ 7. Допущенные мандатной комиссией вызываются на испытания в промежуток между 1 и 15 сентября 1927 года.

Примечание. В текущем году на 2-й курс подготовительного отделения прием производиться не будет.

§ 8. От поступающих на подготовительное отделение требуется знание следующей литературы:

По историческому материализму.

1. Бухарин.—«Теория исторического материализма».
2. Деборин.—«Ленин, как мыслитель».
3. Маркс и Энгельс.—«Коммунистический Манифест» с комментариями Рязанова (в изд. «Библиотечка марксиста»).
4. Сталин.—«Вопросы ленинизма».
5. Энгельс.—«Развитие социализма от утопии к науке».

По политической экономии.

1. Каутский.—«Экономическое учение К. Маркса».
2. Милютин.—«Основы экономической политики».
3. Михалевский.—«Начальный курс политической экономии».
4. Ленин.—«Империализм как новейший этап капитализма».

По истории.

1. Маркс.—«Гражданская война во Франции» (в изд. «Библиотечка марксиста»).
2. Маркс.—«Классовая борьба во Франции в 1848 г.».
3. Моисеев.—«История революционного движения».
4. Покровский.—«Русская история в самом сжатом очерке», 3 части.
5. Арк. А—н.—«Три типа рабочего движения» (об Интернационале).

По вопросам партийной жизни.

1. Бухарин, Н.—«Доклады на XV парт. конференции и на VII пленуме ИККИ».
2. Доклад Рыкова на XV партконференции и прения по нему.
3. Резолюции XIV с'езда и XV конференции партии.
4. Ленин.—«Продналог». «О Рабкрине». «О кооперации». «Лучше меньше, да лучше».
5. Попов.—«История ВКП(б)».
6. Сталин, И.—Доклад на XV парт. конференции и на VII пленуме ИККИ.

Кроме того, необходима общеобразовательная подготовка в об'еме рабфака.

§ 9. В отношении материального обеспечения слушатели подготовительного отделения приравниваются к действительным слушателям ИКП.

Разверстка на подготовительное отделение.

Рабфаки:

Московские: им. Бухарина—4, им. Покровского—5, ИНХ—4, МИИТ—2, МВТУ—3, Горной Академии—2, Рог.-Симон.—3, им. Ленина—3, им. Тимирязева—2, Межевого И-та—2, Ломонос. И-та—2, Менделеевского И-та—2, Свердл. У-та—3, 1-го Мая—2, Вхутемас—2, Т. С.-Х. А.—3.

Ленинградские: Гос. У-та—4, Электр.-Техн.—2, И-та ИПС—2, Политн. И-та—4, Технол. И-та—2, Горного И-та—2, С.-Х. И-та—2, И-та им. Герцена—3, Лесного И-та—1.

Провинциальные: Казанский—2, Саратовский—1, Иркутский—1, Донской—2, Уральский—3, Пермский—2, Тульский—2, Тверской—2, Костромской—1, Ив.-Вознесенский—3, Владимирский—2, Ярославский—3, Нижегородский—3, Воронежский—1, Вятский—1, Тамбовский—1, Ульяновский—1, Дальне-Вост.—1, Омский—2, Смоленский—1, Брянский—2, Крымский—1, Тифлисский—1, Бакинский—2, Эриванский—1, Владикавказск.—1, Чувашский—1, Ижевский—1.

Парткомитеты:

ЦК ВКП(б)—5, ЦК ВЛКСМ—5, Сев.-Зап. Бюро—6, МК—10, ЦК КП(б)У—24, ЦК Белоруссии—8, Ср.-Аз. Бюро—10, Закрайком—7, Севкавкрайком—8, Уралобком—5, Сибкрайком—8, Крымобком—2, Немобком—1, Чувобком—1, Якутобком—1, Киробком—1, Башобком—1, Вотобком—1, Калмобком—1, Комиобком—1, Маробком—1, Татобком—2, Бур.-Монг. обком.—1, Дагобком—2, Каробком—1, Казаккрайком—2, Далькрайком—2, Архангельск. ГК—1, Астраханск. ГК—1, Брянский ГК—2, Владимирск. ГК—2, Вологодский ГК—1, Воронежский ГК—1, Вятский ГК—1, Ив.-Вознесенск. ГК—4, Костромской ГК—1, Курский ГК—1, Ленинградский ГК—6, Орловский ГК—1, Оренбургский ГК—1, Пензенский ГК—1, Рязанский ГК—1, Самарский ГК—2, Саратовский ГК—2, Нижегородский ГК—4, Северо-Двинский ГК—1, Смоленский ГК—1, Сталинградский ГК—3, Тамбовский ГК—1, Тверской ГК—2, Тульский ГК—4, Ульяновский ГК—2, Ярославский ГК—3.

Комвузы:

КУНМЗ—2, КУТВ—2, Свердловский—2, Ленинградский—2, ТКУ—2, ЗКУ—2, САКУ—2, СОКУ—2, ПУР—5.

Правление Института Красной Профессуры.
